

Андрей Ломакин

Красный Шоумен

Штрихи к портрету великого конферансье.

Москва

2011

УДК 792.7.(092)

Л-74

Ломакин А.В.

Л-74 Красный шоумен: штрихи к портрету великого конферансье – М.: Изд. Дом МИСиС, 2011. – 256 с., 48 илл.

ISBN 07-5-87623-492-6

В живой разговорной форме автор рассказывает о великом советском конферансье М.Н. Гаркави. При всей субъективности подхода к своему герою, он ссылается на документы, уходя от фантазии и домыслов.

Книга адресована всем любителям эстрады.

УДК 792.7.(092)

Память - единственный рай,
Из которого нас не могут изгнать.

Жан Поль Рихтер

Выражаю сердечную благодарность семье Шавариных
Игорю Геннадиевичу и Елене Васильевне за моральную поддержку
И финансовую помощь, оказанные при издании этой книги.

Спасибо моей жене Валентине за дружескую помощь и ангельское терпение.

Благодарю также Ольгу Белякову, Елену Кобринскую за участие в работе над книгой.

Автор.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Итак, начнём с Божьей помощью!..

Эти строки я пишу в конце июля, когда природа взывает: «Да не начинай ты ничего! Смотри, как здорово на улице! Сиди, грейся на солнце, лови и рассывай по карманам мгновенья уходящего лета!».

Извини, мать природа – не могу! Цигель-цигель, ай лю-лю-«Михаил Светлов»! Я и так-то припозднился с рассказом о своём герое лет на... двадцать. Да что там «на двадцать»!.. Додумайся я заняться сбором материала хоть бы пять или восемь вёсен тому назад, работа над книгой была бы куда более плодотворной, а теперь... Сколько людей, по-настоящему знавших этого человека, уже никогда не смогут о нём рассказать.

Я понимаю, что процесс этот закономерный, но от мысли этой легче не становится!..

Но понимаю я и другое: нельзя допустить, чтобы теперь ушла в песок и сама память об этом человеке и артисте. И так уж слишком многое кануло безвозвратно!

Впрочем, эта моя убеждённость, что называется, не раз проверялась на прочность. «То, чем ты занимаешься, никому не интересно, книгу твою никто не будет читать» - такими словами «напутствовали» меня некоторые мои «доброжелатели». Ну, был в своё время такой конференсье. Хорошо, для своего времени, работал. Ушёл в иной мир в назначенный час! Зачем тревожить его прах? Причем, говорилось это не людьми с улицы, а «зубастыми» администраторами и конференсье со стажем!

Меня коробит от таких рассуждений. Но коробит, честно говоря, не очень сильно. И вот почему.

В отношении к эстраднему искусству вообще и к профессии конференсье в частности во все времена замечался оттенок какой-то недоуважительности, недооцененности, что ли, в сравнении с другими видами искусств.

А чего вы хотите, если традиции поношения эстрады в целом... десять веков?! Церковь осуждала мирские сборища, языческие обряды, сопровождающиеся песнями и плясками, в связи с чем порицались также скоморошья игры и забавы. Ещё автор «Поучения о казнях божьих»¹ обличал тех мирян, кто имеет пристрастие к пению и пляске. «Таких людей дьявол обольщает и другими

1 Точное авторство текста поучения «О казнях божьих», частично входящего в состав «Повести временных лет», не установлено. Между тем, есть основания считать его автором православного монаха XI века, основателя и игумена Киево-Печерского монастыря, Феодосия Печерского.

способами... трубами и скоморохами... Мы ведь видим места для игрищ утопанными, и здесь толпится многое множество людей, так что происходит давка, когда начинается внушённое дьяволом зрелище».

Приглашая читателя в такие исторические дебри, автор рискует выступить в роли Ивана Сусанина, и всё же... Учитывая, что скоморохи являются праотцами современных артистов эстрады, я искренне поздравляю вас, любезные читатели! Только что многие из нас впервые в жизни прочитали фрагмент из первой рецензии на их нелегкий, неблагодарный труд. Хотя и вполне востребованный.

И пошла плясать губерния! И уж тысячу лет как пляшет! И взошла, пустила вековые корни с той поры традиция относиться к самому зрелищному виду искусства как к чему-то, в принципе, допустимому, часто - забавному, но всегда – несерьёзному, второсортному... Постоянная боязнь критических оплеух (не всегда справедливых, кстати сказать) – вот чем была просто пропитана жизнь эстрады! В той атмосфере одинаково тяжело дышалось всем: и гениям, и посредственностям, и мэтрам, и новичкам.

Ругали-то, конечно, всегда и многих, но ни в одной актёрской специальности это так не ощущалось, как у эстрадников! За века, покуда это всё продолжалось, воздухом унижения вдоволь надышались сотни тысяч российских артистов «лёгкого жанра»! И вот вам результат! Эстрада взрастила в себе такой комплекс неполноценности, что дальше него – только мания величия! Выработалась некая генетическая неуверенность в значении и прочности своего ремесла. Иными словами, в людях почти отсутствует ген профессионального кастового достоинства.

Долго до вещей, в других областях человеческой деятельности вообще немислимых. Вы, например, можете представить себе нынешнего русского лётчика-испытателя, который бы, услышав про Валерия Чкалова, небрежно махнёт рукой: «Старо! Прошлый век! Кто его сегодня вспомнит?!» Или, если б современный отечественный футбольный вратарь, допустим, Игорь Акинфеев, в ответ на упоминание имени Льва Яшина, сделал бы большие глаза и спросил «А это кто?»

И только у моих коллег стало хорошим тоном быстро забывать тех мастеров, что составляют цвет отечественной эстрады! Особенно это касается конферансье! Они, разумеется, «должны быть лишены тщеславия» - как сказал мне однажды в интервью преданный рыцарь этого жанра Валерий Москалев.

Хорошо. Я согласен. Но ведь даже скромность имеет свои пределы! Можно быть скромным, памятуя, что «быть знаменитым некрасиво». Это объяснимо. Ну а быть Иванами, не помнящими своего родства – разве красиво?

Однажды я взял и решил для себя – Гаркави – это «мой» артист! И это при том, что я пришёл в этот мир за полтора года до того, как он его покинул. Старшие коллеги меня спрашивают: «Почему ты интересуешься именно им? Почему Гаркави?» Я и сам себе не раз задавал этот вопрос. Что ж, возможно, книга и написана с одной единственной целью: чтобы себе и окружающим на него ответить...

Но, слушая рассказы его современников (некоторые из них не дожили до выхода книги: Юрий Арсеньевич Дмитриев, Юрий Алексеевич Рубцов, Бен Николаевич Бенцианов – светлая им

память!), соединяя эти рассказы с фотографиями, афишами, рукописями Гаркави, я всё более укреплялся в правильности выбора. Коллеги по эстраднему «цеху», да что там! – просто люди, – должны заново открыть для себя эту удивительную, в чём-то противоречивую, но, безусловно, талантливую личность!

А началось всё с упоминаний о Гаркави моего первого эстрадного учителя – Сергея Михайловича Крылова – блестящего конферансье, экспромтиста и остролова, ученика Я. А. Протазанова².

К стыду своему, я запомнил только один эпизод их совместного общения (а может быть и дружбы). Оба страдали от камней в почках. Однажды Гаркави доверительно сообщил Крылову: «Серёжа, если собрать наши камни вместе, то твои можно положить вдоль дороги, а мои поперёк!» Тут, как сказали бы в Малороссии, «може було, а може ни...»

С тех пор прошло много лет. И сегодня мне легче ответить на вопрос: на каких площадках я не работал, каких артистов, в каких жанрах я не представлял, в каких ситуациях и переплетах я не оказывался... И при этом имя Гаркави никогда не оставляло меня. Тенью он был для меня или облаком, или мифом, придуманным мной, но, оставаясь один на один с очень разной публикой, я всегда ощущал его за своей спиной. Набрасываю в блокноте «шапку» концерта, сочиняю стихотворный экспромт юбиляру, фирме, заполняю ли неожиданную паузу на вечере отдыха – со мною рядом Михаил Гаркави.

Эта книга не научный труд, не монография. Её написал не аспирант, грезящий мечтой о докторской степени. Таких мечтателей хватает и без меня! Я писал её урывками, в перерывах между работой «всея ведущего» и домашней маетой...

Приведу одно сравнение. Не сочтите за рекламу, но сейчас довольно популярна передача «Ищу тебя» на Первом канале. Так вот. Если нынешних шоуменов сравнить с детьми, а Гаркави – с пропавшим без вести родителем, то цель книги примерно та же – соединить «с отцом» «детей», которые не то, чтобы потеряли связь с «папой», но даже не подозревали, что... он когда-нибудь существовал! А согласятся ли они принять родного по крови человека или нет – личное дело каждого из «детишек».

Впрочем, дорогие «детишки», не пора ли уже «открыть занавес»?

Дамы и господа, внимание!.. В меру сил и собранного материала, я - начинаю! Я расскажу вам о замечательном артисте, чьё имя не должно, не может, вот так просто взять и бухнуться в Лету...

² Яков Александрович Протазанов – выдающийся русский кинорежиссёр, создатель таких киношедевров 20 – 30-х годов прошлого века, как «Аэлита», «Праздник святого Йоргена», «Бесприданница» и других.

Глава первая

Откуда вы, Михаил Наумович?

Пусть спорят обо мне хоть семь городов.

Жалко, что ли.

(Цитата из этой главы)

Наш герой родился в Москве.

И сразу, не написав ещё и двух предложений, предлагаю читателю сыграть в «верю-не-верю». Думайте, читатель, думайте - время пошло!..

Ну, что, не догадались? Подсказываю ответ. Место рождения указано неправильно. И не мной, а недавно вышедшей энциклопедией «Эстрада России XX век». Но за эту досадную опечатку лично я на издателей обиды не держу. Не так-то просто перепроверять все факты в почти девятисотстраничном труде! Хотя, с другой стороны, чему-чему, а энциклопедиям мы, простые смертные, всё-таки привыкли доверять. Ну да ладно!.. Люди они занятые и, очевидно, им было просто недосуг доехать до Российского архива литературы и искусства (РГАЛИ) и уточнить столь незначительный факт.

И ещё. Немалую долю путаницы в этом вопросе внёс... сам Михаил Наумович. В рукописи своего никогда не публиковавшегося «*Биографического рассказа*» он признаётся: «...*В моей биографии есть ряд вещей, резко отличающих её от обычных биографий. Во-первых, я не указываю в моей биографии, в каком городе я родился. Пусть спорят обо мне хоть семь городов. Жалко, что ли. И, во-вторых, я не указываю в моей биографии, сколько мне лет. Сколько дадите. А вдруг меньше. Это ж приятно*».

Вот таким он был шалуном – наш великий эстрадный затейник! Приколистом, как сказали бы сейчас.

Но вернёмся к той статье в эстрадной энциклопедии. Автор, многоуважаемый профессор Юрий Арсеньевич Дмитриев, в сущности, не особо погрешил против истины: как творческая личность Гаркави действительно родился в Москве! В сохранившейся автобиографии мы находим пусть и скудные, но всё же более серьёзные строки: «*Я родился в 1897 году в городе Бобруйске Минской губернии, в семье провизора Наума Борисовича Гаркави и его жены – зубного врача – Любовь Львовны... Отец тогда служил провизором в аптеке Габриловича, а мать имела зубоврачебный кабинет*».

«Есть город, что часто вижу во сне» - пел когда-то Утёсов. Что же мы знаем о городе детства Миши Гаркави?

Бобруйск – старейший город Белоруссии. По имеющимся на момент писания книги результатам археологических исследований, люди жили в этих местах, начиная с 5 – 6 веков н.э. Известно городище древних славян на реке Березине, расположенной выше нынешнего Бобруйска. В период Киевской Руси на месте современного Бобруйска находилась деревня, жители которой занимались рыболовством и бобровым промыслом. Впервые он упоминается в 1387 году. Как его только в летописях не называли: и Бобровск, и Бобруевск, и даже Бобрусек! Находился в составе Великого княжества Литовского(центр волости). Во времена Речи Посполитой в Бобруйске был замок, который сгорел в 1649 году. Городу вообще не очень везло с пожарной безопасностью, но об этом чуть позже. К Российской империи отошёл в 1792 году в качестве местечка.

В год рождения Гаркави в Бобруйске прошла перепись населения. По её данным, на 23,7 тысяч жителей приходилось 20, 4 тысячи евреев, то есть 71%.

Обратимся вновь к записям Михаила Наумовича: «В 1899 году город Бобруйск сгорел дотла, и мы остались на улице. Родители переехали в Минск, а в 1900 году поселились окончательно в Москве, где я живу с февраля 1900 года. Отец работал сначала в товариществе «Мелкозберг», как финансовый работник, а мать опять открыла зубоучебный кабинет. После революции отец перешёл на службу в госбанк СССР, где прослужил до 1932 года и ушёл, получив персональную пенсию, а в 1933 году умер. После революции мать устроилась сначала в университете им. Свердлова, а потом работала в издательстве «Прибой», «Пролетарий», «Московский рабочий», и последняя её должность – начальник планового отдела «Партиздата», на каковой она и умерла в 1933 году».

Когда Мише исполнилось 7 лет, мама впервые взяла его с собой в Художественный театр. В этот день шёл «Иванов» А.П. Чехова. Неизвестно, что он понял, посмотрев этот спектакль, но после того мальчик буквально заболел театром!

Московскую 6-ю гимназию он окончил с золотой медалью. Причем, в аттестате зрелости было отмечено: «...особенно способен к истории и географии». Кстати, что до знаменитых одноклассников, то в классе Гаркави был такой не единственный. «У моего товарища по гимназии, - писал Михаил Наумович, - ныне известного литератора К. Зелинского, было отмечено в аттестате «...особенно способен к литературе и русскому языку».

В то время аттестат зрелости выдавался после восьми лет обучения. «Занятия были компактные, некогда было отвлекаться, что помогало ученикам быть полностью поглощёнными обучением».

Материалы, показывающие, что актёрские способности Гаркави стали проявляться ещё в гимназии, не обнаружены. Но, учитывая все последующие проявления этой неумёрной творческой натуры, можно предположить, что и в школьные годы эти способности не дремали!

Сохранилось четверостишие неизвестного автора:

Мы с тобой знакомы с детства.
Ты всегда красавцем был,
Полон грации, кокетства,
Ты тогда уже острил.

Павел Леонидов писал об артисте: «Был он закоренелым евреем-интеллигентом из семьи, обладавшей в трёх поколениях правом жительства в городе Москве. Языка еврейского не знал, кроме нескольких ругательств и двух-трёх прабабушкиных слов...»

В какой степени была религиозна его семья? Сведений на эту тему, как говорится, кот наплакал. Но кое-что всё-таки есть. Актриса Вера Липовецкая вспоминала рассказ Л. Руслановой про то, как отец Гаркави праздновал Пейсах³. Также немного известно о социальном происхождении родителей нашего героя. При том, что на протяжении всей жизни он довольно активно выступал в печати.

³ Пейсах (или пасха) – самый древний из еврейских праздников, связанный с исходом из египетского рабства, в котором народ Израиля находился на протяжении более 200 лет.

Есть один по-своему уникальный источник, расширяющий наше знание биографии Михаила Наумовича. И в то же время ещё больше путающий и без того наше нестройное представление о периоде взросления будущего «красного шоумена»!

В пятидесятые годы Гаркави дал интервью журналисту из ГДР М.Й. Шнокенбургу. Отвечая на вопрос об отношениях с Германией, Михаил Наумович сказал следующее:

«В первый раз я побывал в Германии в 1909 году, когда моя мама лечилась в Бад-Киссингене. За эти шесть недель я научился понимать немецкий язык. Позже, правда, все грамматические правила вылетели из головы... Затем, в 1913 году, я поступил на медицинский факультет в Гейдельберге. Но к началу Первой мировой войны я бросил учёбу, вернулся в Россию нелегально, а в 1915 пришёл в Германию, но уже как солдат. После ранения в Австрии вернулся на Родину и стал актёром. В 1926 году судьба вновь привела меня в Германию вместе с мамой, проходившей новый курс лечения». Затем – гастролы в Берлинском зимнем саду, где я выступал в 1931 году в течение сорока дней – 20 дней на русском языке и 20 на немецком. В 1944 году я пришёл сюда в составе актёрской фронтовой бригады для выступления перед солдатами и офицерами. 2 мая 1945 года в Берлине вёл концерт перед горящим рейхстагом... После войны я много раз приезжал в Германскую Демократическую республику и выступал перед частями Советской армии в Галь, Веймапе, Карл-Маркс-Штадте и в других городах. Я радовался приёму и аплодисментам, доставшимся мне, несмотря на ломанный немецкий...»

Что правда в этом интервью, а что плод творческого воображения? Есть в рассказе великого конферансье факты, возражений не вызывающие. Первый приезд в Германию вместе с мамой, её новый курс лечения. Всё это похоже на правду. Равно как и рассказ Гаркави о сорока выступлениях в Берлинском зимнем саду. Я пишу «похоже», потому что в архиве артиста не обнаружилось никаких материалов – газетных статей, свидетельств очевидцев, подтверждающих его рассказ.

Немецкий язык, впрочем, он действительно знал хорошо, о чём сам написал в анкете кандидата в члены ВКП(б)⁴. Никто не посмеет также оспорить его участие во фронтовых бригадах на финской и Великой Отечественной войнах. Знал он и французский, только хуже. Интересно, что даже это самое «хуже» работало на него... Но не будем опережать события, которые подробно описаны в главе «Конферанс и конферансье».

Но всё остальное... Он словно бы нарочно решил подшутить над будущими исследователями своей жизни и творчества, - «приколов» и «бескорыстного вранья», адресованных современникам, очевидно, было уже недостаточно... Каким образом он мог поступить в 1913 году в немецкий университет, если в 1915 году он только закончил 8-й класс 6-й Московской мужской гимназии, о чём свидетельствует групповая фотография? Об этом история умалчивает. Как следствие – не вызывает доверия прямо-таки авантюрный рассказ о нелегальном (?!) возвращении в Россию и затем последующая встреча с Германией, участие на фронтах Первой мировой войны, ранение в Австрии... Хорошо ещё, что не признался своему интервьюеру, что ехал в plombированном вагоне и что «товарищи по борьбе» обращались к нему «товарищ Михаил».

⁴ ВКП(б) - Всесоюзная коммунистическая партия большевиков

Возникает предположение, многократно подтверждённое его современниками: Гаркави был рассказчик с необыкновенно ярким воображением. И впрямь, права Мария Владимировна Миронова: «Если Миша говорит «здрассте» - то это нужно ещё проверить».

Я называю героя моей книги «красным шоуменом».

«Красным» - потому что, будучи советским гражданином, а с 1945 года членом коммунистической партии, всю жизнь «играл по правилам» своего времени, на партийных и антирелигиозных собраниях выступал, как истый коммунист and атеист. Из песни, как говорится...

«Шоуменом» - потому что первым из советских конферансье включил в свой репертуар те приёмы активизации любой аудитории – от камерной до стадионной. Приёмы, которые и по сей день часто даже не сознавая этого, с успехом используют современные шоумены и будут использовать ещё очень долго...

Глава вторая

На пути к себе

Прежде, чем отправиться в путешествие по страницам биографии великого конферансье, посмотрим в какой обстановке эта самая биография начиналась? Какая была эстрадная жизнь на рубеже эпох?

Разной. Итакой. И сякой. Но только не скучной. Впрочем, как и полагалось советской критике того времени, она красила матушку-эстраду густой чёрной краской, создавая перед очами пролетарского читателя страшные картины.

«Одной из особенностей старой эстрады стала её измельчённость, - сокрушённо писал в 1930 году журнал «Цирк и эстрада». – Каждый эстражник работал на свой страх и риск, замыкаясь в собственной скорлупе, ревниво скрывал от своих товарищей «тайны» своих номеров, один боролся за существование, подыскивая себе работу».

Кошмар! Как же они все там повымирили, бедные, «подыскивая себе работу», мучаясь при этом в скорлупе своих профессиональных тайн! К тому же, если верить автору, пользы от этих мучений было, мягко говоря, немного: *«...дореволюционная эстрада была ужасающе неквалифицированна и пошла...»*

Впрочем, то время было охоче на приговоры. Весь мир разрушим... Новый построим... Но возникает законный вопрос: если дореволюционная эстрада была такая «ужасающая», кто же тогда создавал эстраду «нового мира», поднимал её флаг? Ответ находим в гораздо более позднем издании – книге Е. Уваровой «Эстрадный театр»: миниатюры, обозрения, мюзик-холлы».

«Как и всякое искусство, эстрада неоднозначна: наряду с истинно народным – псевдонародность, с блеском остроумия – плоские остроты, с яркими, самобытными дарованиями - откровенная пошлость».

Постойте, постойте!.. В каком году это было написано? В две тысячи...?! Нет?! Странно...

Лучший, на мой взгляд обзор предреволюционной эстрады дал сам Гаркави в монографии «Эстрадный концерт». Этот поистине капитальный труд он начинает с разбора основного, что было на эстраде до революции. И так, по размышлениям Гаркави получается, что до октябрьских событий 1917 года эстрады как организации фактически не существовало. Отдельные разрозненные артисты, среди которых было немало талантливых, известных и в России и за границей, были объединены (да и то не все) в Союз артистов цирка и варьете. Это не был профсоюз в его более позднем понимании, в него входили не только артисты, но и антрепренеры. Артисты выступали либо в кабаре «при столиках» (а таковые существовали как в губернских, так и в уездных городах), либо на концертах перед сеансами кино, незадолго до революции ставших входить в моду. А ещё - в театрах миниатюр. Их было очень много, перед Первой мировой войной 1914 года только в Москве их насчитывалось до 25. Таких концертов, как в советские времена не было в помине. Бывали сольные выступления певцов и певиц: Вяльцевой, Плевицкой, Сабинаина, Поляковой. Давали представления фокусники аттракционного плана с пышной рекламой и зазывающими псевдонимами, вроде «Бен Али Магомед», «Маг и Чародей»... Нужно сказать и об эстрадных хорах, их было несколько в старой России. Существовали они в основном за счет спонсоров – как сказали бы теперь. Хоры сыграли большую роль в развитии русской национальной песни.

Концерты организовывались посредниками (агентами, как их называли до революции). Агенты брали за свои услуги довольно божевскую по современным меркам плату - по 5 – 10 процентов с каждого заключённого контракта. Бывали случаи, когда агенты разорялись из-за отсутствия сборов или убегали, прихватив кассу. И тогда возникала картина, описанная А.Н. Островским в «Лесе». Кого-то они мне напоминают из нынешних «агентов»? Ну, например...

Репертуар того времени был с большим оттенком пошлости и скабрёзности. Редко доходивший до мало-мальски гражданского звучания, да и то, только в летний период работы. Тогда в сады и на гулянья приходил рабочий люд, а он, как сами понимаете, уже требовал другого.

Какими были певцы того периода?

Лирические, исполнявшие интимные песенки, песенки настроений. Венцом лирической певицы в начале XX века была Анастасия Вальцева, включавшая в свой репертуар арии из опер и оперетт, но она была единственная в своём роде. Другие же не поднимались выше слащавых песенок.

На дореволюционной эстраде были необычно талантливые артисты, сумевшие создать свой лирический жанр, например, Александр Вертинский. Звездой, яркой и неповторимой, сияла на эстрадном небосклоне Надежда Плевицкая.

Были и так называемые «баяны русских песен», - Садовников, Баторин, Беспалов, выступавшие в поддевке, картузе и лакированных сапогах.

Юмористы были, в основном, трёх видов:

- 1) Салонный юморист во фраке с непременно розой в петлице.
- 2) Наиболее распространённым был «рваный» жанр. «Прикид» артиста-юмориста представлял из себя нечто среднее между костюмом салонного куплетиста и нарядом рыжего циркового клоуна. Костюм шился из обрезков материалов самых различных расцветок. Рыжий парик с традиционным красным носом. Если подуть такой парик ртом снизу, забавно начинал подниматься вверх.

- 3) И, наконец, дуэты – салонные и лапотные. Создателем одного известного в России дуэта был Н.Ф. Монахов (Жуков-Монахов), в дальнейшем из эстрадных жанров перешедший в оперетту, а затем и в драму.

Оригинальные номера: фокусники, шпагоглотатели, эксцентрические акробаты (подчас разговаривающие со сцены), чревовещатели, одним из лучших среди которых был Г. Донской, создатель своеобразной фамилии своего жанра.

Гаркави помнил, что у входа в сад «Эрмитаж» размещался театр (после революции он стал называться «фанерным»), где обычно выступали эстрадные артисты. Наибольшее количество работы для них выпадало на лето. В это «жаркое» во всех смыслах время года трудились также две-три площадки в Киеве, Харькове, Одессе, Петербурге, Риге. Оттуда, полагал. Гаркави, и пошли традиции так называемых современных эстрадных концертов...

В архиве конференсье сохранился документ, удостоверяющий, что между М. Гаркави и государственным издательством «Искусство» министерства культуры СССР в лице А. Карганова был заключён договор №4672. В нём говорится, что «автор обязуется сдать издательству рукопись в готовом виде не позже 15 мая 1962 года». Предметом договора и стала монография «Эстрадный концерт». Он обобщил в ней всё, что знал, читал и слышал р Былой Эстраде, опираясь на собственный сорокалетний опыт. Однако никаких доказательств того, что монография была опубликована нет.

Во имя настоящего и будущего нашего эстрадного искусства, её просто необходимо издать!

Однако продолжим попытку связно выстроить этот период его жизни. Как я уже написал, в 1915 году Миша заканчивает с золотой медалью гимназию и по решению семейного совета становится студентом медицинского факультета Московского университета. Одновременно – теперь уже по велению сердца – поступает в драматическое училище Филармонического общества. Уже в 1916 году, не бросая учебы, прошёл по конкурсу и был взят учеником в МХТ. Гаркави сообщает в своей биографии, что вместе с ним поступила и будущая народная артистка СССР Алла Тарасова.

Но попасть в прославленный коллектив – это ещё полдела. С 1917 года он участвует почти во всех спектаклях, правда пока в массовых сценах. Что ж, обычная для молодого артиста «трудовая повинность». Нельзя сказать, что он так и не дождался в театре интересных ролей. К часто упоминаемой в публикациях о Гаркави роли Хлеба из «Синей птицы» М. Метерлинка можно добавить участие в «Горе от ума». Правда, сведений об этой роли найти не удалось. Осталась лишь фотография, опубликованная в одном из номеров журнала «Советская эстрада и цирк». Дата съёмки – 1916 год. Что это был за персонаж? Репетилов? А может сам Фамусов? Роль Гаркави не указана, посему предполагаю, что актёр изображал бессловесного гостя. Думаю, что об этой же фотографии говорит и Э. Шапировский в очерке «Хозяин концерта» (М.Н. Гаркави) – из книги «Конференс и конференсье». Роль, сыгранную Гаркави в этом спектакле, Шапировский именует «сановников грибоедовской Москвы», то есть, в любом случае, без имени и до настоящей роли не дотягивающей. И всё же, Гаркави вспоминал себя начинающего не только как «артиста из массовки с «Хлебом» за пазухой». Были роли Капса («Гибель Надежды» Г. Гейерманса), Капуцина («Пан» В. Лерберга), Пилата («Проклятый принц» А. М. Ремизова), сыгранные им в студии МХТ.

В 1918 году Гаркави избирают секретарём местного комитета театра. *«Вспомним, - писал Э.Шапировский, - какие это были годы. Тогда значимость этого факта станет ещё весомей. Общественная активность Гаркави, начинавшаяся на самом раннем этапе его гражданской*

жизни, длилась как непрерывный процесс. Местком, партком, военно-шефская работа, пропагандист, делегат профсоюзных съездов и конференций ЦК РАБИС, художественные советы и совет ЦДРИ, бесчисленные комиссии и жюри конкурсов – всего не перечислить. И всюду неподдельная увлечённость, горячность, запал. Не по долгу службы, а по зову сердца. И всюду – речи, выступления, предложения. Серьёзные и шуточные, дельные и скороспелые, но заинтересовывающие, вызывающие желание поспорить, возразить, поддержать, опровергнуть».

Ф. Носков писал, что установившиеся каноны МХТ всё чаще кажутся Гаркави устаревшими, не отвечающими сегодняшнему дню. Что ж, версия красивая, она создаёт у читателя эффективный образ непримиримого актёра-бунтаря в борьбе с закостенелыми формами реалистического театра. Быть может, оно так и было, но, на мой взгляд, причина ухода Гаркави из МХТ куда прозаичнее. Молодого, пышущего здоровьем человека, нуждающегося в деньгах, равнодушного к женскому полу, жаждущему славы, в основном маринуют в «массовке» и изменений в судьбе, похоже, не предвидится.

Как умный человек он довольно быстро понял это и уже через два года круто изменил свою судьбу: исполнитель роли Хлеба, уходит из МХТ на вольные хлеба – извините уж за такой каламбур.

Уважаемые и авторитетные в мире эстрады люди, такие Ю. Дмитриев, Э. Шапировский, Ф. Носков, рассказывая о «мхатовском» периоде жизни Михаила Наумовича, называют три года (1916 – 1919 гг.). На первый взгляд, это соответствует действительности. Ф. Носков, например, сообщает читателю, что 23 мая 1919 г. Гаркави сыграл свой последний в МХТ спектакль – «Село Степанчиково и его обитатели». Доказательство, казалось бы, налицо. Но вот, что мы находим в анкете кандидата в члены ВКП (б) М. Гаркави от 19 ноября 1943 года (цитирую дословно):

...Род занятий с начала трудовой деятельности: август 1916 – сентябрь 1918 гг.: Москва – Художественный театр, актер.

Путаница с датами возникла, возможно, из-за того, что, уйдя из театра официально, Михаил продолжал выходить на сцену и работать. Такое бывает, знаю по себе: расставшись с окружной телекомпанией, я регулярно выходил в эфир с авторской программой на том же канале.

В следующем 1919 году Гаркави, по-видимому, «доигрывал» спектакли и спешил пообщаться со своими великими коллегами. В главе, посвящённой его поэтическому творчеству, мы подробнее поговорим об этом.

Для Гаркави 1919 год ознаменован памятным событием: по просьбе В. Маяковского он читает в кафе поэтов «А вы могли бы?», «Военно-морскую любовь», первую часть поэмы «Облако в штанах». Позже Михаил Наумович с большим удовольствием читал также «Необычайное приключение...» поэта. И это было лишь начало. На протяжении всей своей творческой жизни он читал со сцены много и охотно. И В. Маяковского, и Э. Верхарна, и Н. Некрасова, и А. Пушкина, и себя любимого.

Далее его жизнь стала сильно напоминать бег с барьерами. Как писал Шапировский, жадное стремление познать свой стиль и неутомимость природы гонит темпераментного юношу из театра в театр. Вспомним основные вехи этого пути: «Камерный», где Гаркави исполняет роль Наамана в спектакле «Саломея» (по О. Уайльд, перевод под ред. К. Бальмонта), театр Современной

буффонады, там Михаил Наумович играет сэра Бьюнекса – горняка-земляка в современной оперетте в трёх действиях «Королева ошиблась» (текст М. Вольпина, музыка К. Листова). В этом же спектакле он изображает придворных, рабфаковцев. В нижней части театральной программки было написано: «В кабаре: песенки капиталиста» - Гаркави».

Ещё один короткий, но весьма значимый эпизод в его жизни - первый Детский театр, находившийся в Мамоновском переулке. Спектакль «Маугли» - и он в роли Шерхана.

Не обошёл он своим актёрским вниманием и Театр им. В.Ф. Комиссаржевской.

В 1922 году вступил в труппе театра-кабаре «Нерыдай», и потихоньку пробовал конферировать.

С 1923 года становится участником живой газеты «Синяя блуза». Через год Гаркави – руководитель одной из групп. Как и все «синезелузики», чего он там только ни делал! Играл в сценках, исполнял фельетоны, пел куплеты, танцевал, случалось, вёл программу. Драгоценная была школа!

В 1924 году во 2-м доме Советов, рядом с кинотеатром «МОдерн», открылось литературное кафе «Калоша». В нём было два зала: в нижнем возвели эстраду и предназначили её для выступления артистов, а верхний зал предназначался для выступления имажинистов. Первые два месяца со дня открытия «Калоша» была с утра до вечера переполнена посетителями. Фамилия человека, которому удавалось регулярно собирать в «Калоше» хороших артистов (и при этом никогда в неё не садиться) – Гаркави!

Хронику его «странствий» по московским театрам нам поможет восстановить уже упомянутая анкета кандидата в члены ВКП(б) от 19 марта 1943 года:

Сентябрь 1918 – апрель 1920: Москва – Камерный театр, актёр.

Апрель 1920 – октябрь 1921: Москва – Опытно-героический театр, актёр.

Ноябрь 1921 – май 1923: Москва – «Нерыдай», актёр.

Май 1923 – август 1927: «Синяя блуза», актёр.

Сентябрь 1927 – май 1928: Ленинград = театр Сатиры, актёр.

Май 1928 года - сентябрь 1928 года: Москва, Эрмитаж – конференсье.

Сентябрь 1928 года и по сей день – концертная организация ЦДКА, Мосэстрада ВГКО – конференсье.

О каком из перечисленных театров рассказать поподробнее? Ну, допустим, об «Опытно-героическом». Существовал он недолго, всего два года, с 1921 по 1923 гг. (Уместен вопрос: а был ли вообще в те годы театр, в котором не «отметился» Миша Гаркави?) В нём нашему герою удалось встретиться с творчеством самого Гоголя – «Страшная месть» в восьми картинах. Можно сказать, он исполнял в этом спектакле не одну, а целых четыре роли. Так, по крайней мере, сообщала афиша театра. Играл роль есаула Горобца, пел в мужском хоре, побывал «Дивным рыцарем», да ещё попробовал администратором этого же спектакля. О чем же был спектакль? Читаем афишу: «Жизнь здоровых и крепких казаков нарушается злостными кознями колдуна – отчаянного интригана. Один за другим падают и крепкий Данило, и его ребёнок, и Катерина.

Всеразрушающий дух нечистой силы полонил всё казацкое раздолье. Но и сам колдун гибнет от руки мстителя – Дивного рыцаря. Вся трагичность в том, что ни сила, ни прямота, ни мощь людей не могут отразить тонко рассчитанных ударов колдуна. Дивный рыцарь – это светлый рок, охраняющий людей и являющий подтверждение общего закона: всякое зло рано или поздно порождает возмездие».

В этом же театре он занят в спектакле «Жакерия» по Мериме, революционное зрелище в 4-х актах. Ритмизация, пролог и эпилог В. Шершевича. Роль Жильбера, д'Арелмэна, барона исполняет М. Гаркави. И опять Гаркави-актёр удачно сочетается с Гаркави-администратором.

В Московском театре художественных миниатюр «Палас» Михаил Наумович играет в спектаклях – «Суд праведный», «Американизированный Юджин Онегин», «Вампир».

На сцене Ленинградского театра Сатиры зрители увидели такие спектакли с его участием, как «Городские сумасшедшие» и «Собственно жена».

А однажды в 1921 году в Каретном ряду Эрмитажа состоялся вечер, посвящённый Н.В. Гоголю. Со вступительным словом к зрителям обратился поэт. В. Иванов. Гости увидели «Женитьбу», где Л. Анохина была в роли Агафьи Тихоновны, В. Масалитинова играла Арину Пантелеймоновну, М. Блюменталь-Тамарина – Сваху и М. Гаркави, сыгравший Подколесина. В конце вечера был показан отрывок из «Мёртвых душ», где в паре с Коробочкой (Блюменталь-Тамариной) выступал легендарный Чичиков, он же Гаркави.

Если какой-нибудь театр был мною упущен – не мудрено, и всё ж про шу за то прощения заранее. Неуёмной яркой личностью стоило заняться уже хотя бы потому, что в процессе изучения раскрывается интереснейшая творческая жизнь Москвы первых постреволюционных дней. Какое количество театров и театриков манит своими огнями!

С какого времени он стал конферансье? Сам Гаркави так пишет об этом: «...с 1928 года начал конферировать в Эрмитаже (Москва), мюзик-холлах Москвы, Ленинграда, Харькова, Горького (нынче Нижний Новгород – А.Л.), Ростова, Тбилиси».

«Началом своего нового амплуа конферансье считаю 1927 год, когда сыграл в театре Сатиры для обозрения с конферансом, что и определило мою дальнейшую работу, которая затем протекала на ведущих площадках Москвы с эпизодическим выездом на периферию».

Но и этой нагрузки ему было мало. Общественная работа стала ещё одной всепоглощающей страстью: первый секретарь месткома в Художественном театре, председатель месткома Камерного театра, член президиума Губрабис, секретарь Ревизионной комиссии ЦК РАБИС, активный участник шефской работы, всего и не перечислишь.

Правильно написал про Гаркави его друг А. Кривицкий через несколько лет после смерти конферансье: «Миша не знал, что такое «хватит».

Глава третья

Трудящиеся ли эстрадники

С момента прихода большевиков жизнь менялась быстро, но не настолько, как, быть может, хотелось бы новой власти. Вот и матушка-эстрада долгое время оставалась с прежним, столь раздражавшим красное руководство лицом. С прежними привычками, укладом, здравым смыслом. Уже десять с лишним лет прошло со дня Октябрьского переворота, а до ума и сердца артистов эстрады всё никак не доходило, что прилично зарабатывать своим трудом стало как-то не очень хорошо. Более того – небезопасно. Пресса в те годы не только смакуя считала чужие деньги (этим она, впрочем, не брезгует и сейчас), но и устраивала «товарищам-артистам» на этот счёт публичные разносы. Во втором номере журнала «Цирк и эстрада» за 1930 год читаем: *«Тамара Церетели менее 300 рублей за выступление не берёт... с Мосгубрабисами за выступление ей удалось сорвать 500 рублей. ...Квалифицированный инженер получает за проект, над которым ему приходится сидеть несколько месяцев, 700-800 рублей. ...Народный артист Собинов за приближение своего искусства к широким массам берёт 250 рублей (малый зал консерватории)». Конферансье Амурский с Мосгубрабиса «по знакомству» берёт 40 рублей, со школы ОГПУ – 100 р.»*

Далее безымянный автор делает следующий вывод: «Едва ли как не растратой государственных денег можно назвать все эти тысячные и пятисотрублёвые гонорары, щедро разбрасываемые нашими госорганами Пироговым, Тамарам Церетели и т.д.».

В том же издании удалось найти статью с обескураживающим названием «Трудящиеся ли эстрадники?» Это не из Зощенко. Это из жизни.

«Во многих учреждениях установился определённый взгляд, что эстрадники не трудящиеся. По крайней мере, таков взгляд Мосздравотдела, не считающегося с профессиональными болезнями эстрадников. «Болейте сколько угодно, но бюллетеня вы от нас не получите» - заявляют мосздравотделовцы больным эстрадникам». Далее идёт трогательный рассказ о том, как некий пианист Панов растянул себе связки на руках и обратился к врачу Петровской амбулатории. Врач, пощупав и осмотрев руку, направил его в Мосздравотдел, где некий врач Гречанин лечил Панова до полнейшей дисквалификации. При этом он категорически отказывался от выдачи бюллетеня. За большой период потери трудоспособности Панов не получил ни копейки».

Такая вот история. Но очевидно столь «трогательного» отношения к служителям «лёгкого жанра» было недостаточно. Без всякой иронии журнал «Эстрада и цирк» выступил с призывом понизить артистам концертные ставки. В ответ знаменитый конферансье Александр Менделеевич (неужели без всякой иронии?) заявлял: *«Эстрадные выступления днём на фабриках, заводах и клубах – дело нужное и полезное. Охотно иду на встречу редакции... и снижаю свою ставку на 40%. Никого не вызываю, - резюмировал Александр Абрамович, - ибо уверен, что мои товарищи – народ сознательный и сделают то же самое без вызова».*

И бесплатно отряд поскакал на врага.

17 декабря 1930 года в жизни нижегородских любителей эстрады случилось значительное событие: открылся местный мюзик-холл. Похвалив программу в целом, пресса, тем не менее,

отметила, что «отдельные представители пародийного фельетона и сатирического рассказа менее выразительны». В качестве мишеней были выбраны Г. Немчинский, Г. Мармеладов и В. Коралли – в тот момент новоиспечённый жених К. Шульженко. По мнению рецензента Вл. Ярополка, они были «многословны, неторопливо-речисты, в то время как требуется короткий, острый... бросок». Ещё больше досталось Клавдии Ивановне, чьи песенки сегодняшнего дня (к счастью, уже вчерашний день) представляют из себя типичную дешёвую «интернациональную» экзотику: *«Удачное исполнение этих песенок не спасло певицу от законных упрёков в сомнительном репертуаре».*

То ли грозный критик устал направо и налево метать свои стрелы, то ли просто кончились, но конференсье он похвалил: *«Программы мюзик-холла ведёт с хорошим умением и изобретательностью Мих. Гаркави».* В этом же номере «Цирка и эстрады» мы находим корреспонденцию самого Гаркави «с места события». К слову сказать, всю свою последующую творческую жизнь Гаркави будет периодически выступать в печати в качестве корреспондента.

Пока в прессе продолжался спор на тему «трудящиеся ли эстрадники или бездельники?», «бездельники», между тем, накручивали по российским дорогам бесчисленные километры. Только за месяц мюзик-холл трижды выезжал в Красное Сормово. Была организована ударная бригада для проведения антирелигиозной пропаганды – увы, одной из печальных примет жизни того времени, в том числе и жизни эстрадной. Бригада в составе В. Глебовой, М. Дарской, Г. Немчинского, Соновина и М. Гаркави выезжала в клуб инвалидов, который помещался в церкви. Любопытно, с какими чувствами Михаил Наумович выходил на сцену в Божьем храме? Вряд ли мы когда-нибудь узнаем об этом. В небольшой заметке Гаркави пишет, что также был выезд во время обеденного перерыва в вагонный цех завода «Красное Сормово», где выступавших артистов Немчинского и Гаркави слушало 100000 рабочих.

Как же жилось в те годы нашему брату эстраднему артисту? Причём, я хотел бы остановиться именно на двадцатых годах, поскольку для современных любителей, да и знатоков эстрады, это уже настоящий мезозой...

А. Бейлин – один из авторов книги «Мастера Эстрады» писал о них, как о годах многих дебютов в искусстве: *«Советская эстрада вся в целом переживала тогда пору дебюта. Она только рождалась. В большинстве в этом искусстве работали старые мастера. Они принесли с собой не только таланты, не только отточенную форму исполнения, но и вкусы, служившие когда-то другому зрителю, репертуар, едва перекрашенный в духе времени. Традиции старой эстрады, в которых были элементы подлинного искусства и тяжёлый груз чужой народу идеологии, нужно было не столько продолжать, сколько преодолеть. Это был процесс нелёгкий, тем более, что многие талантливые артисты принадлежали когда-то старой эстраде. ...В двадцатые годы оттачивалось исполнительское мастерство, возникали новые жанры».*

Ничто не вызывает возражения в этих словах. Единственное, что немного режет слух, так это дважды использованное в абзаце «когда-то». Словно бы речь идёт не о двадцатых годах, а о чём-то стародавнем. А дело ведь именно в том, что «другой зритель» и «старая эстрада» - всё это было не «когда-то», а почти вчера. Сломать общественный строй и привычный уклад жизни оказалось труднее, нежели поменять старый репертуар на новый. Как, впрочем, и нового зрителя. Ведь не все же «бывшие» на тот период отбыли в эмиграцию или были физически уничтожены.

В той же статье Бейлин предлагает читателю интересную экскурсию по эстрадным театрам, игравшим заметную роль в культурной жизни тех лет: созданные ещё до революции «Кривое зеркало» и «Летучая мышь», «Свободный театр», связанный с именем Леонида Утёсова; «Вольная комедия», «Балаганчик», созданные, благодаря усилиям режиссёра Николая Петрова; театр-мастерская Николая Форрегера, славящаяся яркими пародиями; московские «Ларёк с комедиантами», «Театр на площади», «Театр современной буффонады», «Кривой Джимми», «Павлиний хвост»...

Полистаем журналы тех лет. «Цирк и эстрада». Год 1927-й. В беседе с неким А. Асиловым обсуждается проблема создания так называемых «дневных театров».

«Условия сегодняшнего дня – лихорадочная горячка нашего строительства, растущий с каждым днём бешеный темп жизни – ставят в порядок дня вопрос о создании дневного театра. Театр будет работать с 12 часов дня до 12 часов ночи – непрерывно меняя установку на обслуживание дневного зрителя – кадр которого составит 30 процентов трудящихся населения Москвы, работающих вечерами, приезжающие провинциалы, учащиеся, люди свободных профессий, домашние хозяйки, люди, живущие под Москвой

Основное достоинство театра - ...удобство и дешевизна, зритель получит возможность входа в любое время и на любой номер программы...»

В ответ на подобное предложение тут же посыпались отклики весьма авторитетных в эстрадном искусстве людей:

Владимир Хенкин: «Необходимость в дневных театрах мне кажется несомненной, так как есть громадный процент трудящихся, часы которых заняты на производстве именно тогда, когда функционируют театры. ...Таковыми пасынками поневоле, отлученными от зрелищ, являются, как это не парадоксально, актёры...»

Н. Форрегер: «Театр дневного отдыха по типу западно-американских дневных театров несомненно нужен... Но мне кажется весьма спорным и сомнительным успех театра, так как наибольший контингент публики слишком привык к вечернему театру...»

Своеобразно отреагировал Н.П. Смирнов-Сокольский: «Да господа же-ж! Да давайте же-ж! Братишечка, вваливай! Америка! Гениально!.. Ждём! » Право, если бы я не знал, что этой реплике семьдесят с лишним лет, то подумал, что передо мной лежит распечатка с форума в интернете, на котором проблему дневных театров обсуждают посетители!

В конце – постскриптумом – Николай Павлович приписал: «Если случайно с 12 дня до 12 ночи не хватит публики, можно обойтись и без неё».

Высказал своё мнение и Михаил Гаркави: «Эстрада в театральном окружении – уже это одно заставляет радоваться содержанию зрелища, где будет отведено солидное место эстраде и её достижениям. Театр днём – это ново и интересно. Поскольку вход в театр будет непрерывным, это может быть подлинным театром широких масс».

Да, чтобы не забыть!.. В том же 1927 году в парном конференсе шутками и остротами зрителей порадовал дуэт Михаила Гаркави и Леонида Утёсова в знаменитом на всю Москву Фанерном театре в Эрмитаже. Уникальный дуэт двух столь разных артистов, сколь и похожих друг на друга и

в юморе и в музыкальности. Как жаль, что об этом кратком эпизоде в жизни двух эстрадных гениев практически ничего не известно!

Эстрадный мир (вернее, эстрадный быт) 20-х годов ушедшего века... Как тебя понять, прочувствовать, потрогать, ощутить такой запах? Ни придумать, ни нафантазировать, а именно прочувствовать. Кто поможет нам в этом? В какой-то степени нашим сталкером в этом путешествии может стать автор заметки «Быт эстрадника» - Р. Блюменау⁵, опубликовавший её в журнале «Цирк и эстрада». Прочти её внимательно, не торопясь...

«Не светлый быт у эстрадника. Жизнь его неизмеримо связана с Посредрабисом⁶, с прокуренными до отказа комнатками и коридорами Рождественки, 6». Там эстрадник караулит работу. Все надежды эстрадника - на таинственную дверь комнаты номер 8... где решается его судьба, комнаты от которой зависит кусок хлеба его и его семьи. Вход в комнату номер восемь не доступен рядовому эстраднику.

Комната номер восемь – эстрадный отдел Центрпосредрабиса. Иногда туда прорывается изголодавшийся эстрадник, просит работы - его не слушают. (Для этого установлены приёмные часы, когда зав. Эстрадным отделом заносит в книгу имена безработных эстрадников. Но книга остаётся книгой, а безработица - безработицей). Эстрадник повышает голос, стучит по стволу, даёт волю накопившим чувствам. В результате - протокол «за хулиганство», и эстрадник долгие дни принуждён «продавать слонов» на тротуарах Рождественки, дожидаясь своей очереди.

...Невесёлые, сосредоточенные лица у эстрадников потому, что большинство разговорников-средняков разучивают свои монологи и куплеты, шагая от угла Рождественки до угла Кузнецкого и обратно...

...Большинство эстрадников обдумывают свои номера в прокуренных комнатках и коридорах Посредрабиса перед вечно закрытой дверью комнаты номер 8. А вечером у многих не лучшая обстановка Нарпита.

Эстрадник должен хорошо одеваться. Костюм – орудие производств а эстрадника. В рваном пиджаке и залатанных брюках не возьмут на работу. И эстрадник тянется. Эстрадник М. Д-н признавался, что ему в течение двух месяцев ежедневно приходилось делать «моцион» от Рождественки до Рогожской заставы, два месяца питаться только хлебом, для того, чтобы... сшить новый костюм.

⁵ **Блюменау Ростислав Владимирович** - эстрадный критик. В 1927-1930 заведующий отделом эстрады журнала "Цирк и эстрада».

⁶ ПОСРЕДРАБИС - посреднические бюро по найму и распределению (трудоустройству) актеров и других театральных работников, существовавшие в СССР в 1920-30-х гг. В дореволюц. время трудоустройством занималось Рус. театр. об-во (РТО), а также частная контора - Театр. агентство Е. Н. Рассохиной. После революции (с нач. 20-х гг.) эти работы проводились в Наркомтруде через Центропосредрабис (Центр. посреднич. бюро по найму и распределению работников иск-в) и отделения на местах (Моск. П., Ленингр. П. и др.). П. действовали в контакте с профсоюзом работников искусств. По мере того, как росла и крепла система гос. зрелищных предприятий, П. теряли свое значение; в 30-х гг. П. перестали существовать. Лит.: Нежный И., Былое перед глазами, М., 1963, с. 173-99. Л. Шн.

Каждые 2-3 месяца должны платить солидные деньги балетмейстеру за новую постановку танца. За два месяца танец стареет, и для того, чтобы получить работу, нужно делать новый. А расходы непосильны...»

Вот это сроки! Что же говорить о нынешних танцорах на эстраде, выступающих с одними и теми же номерами годами? А в других жанрах – разве не так? А в иллюзии? В музыкальной эксцентрике? А в конферансье?.. А тот же Борис Сергеевич Брунов, у которого был «вечный» номер: синхро-буфф «Техника»? А я, грешник? А мои коллеги?.. Причем, я пишу об этом без осуждения или самобичевания. Для нас, современных эстрадников, это стало нормой. Право же, времена меняются и мы вместе с ними.

«...Однажды, - продолжает автор статьи, - пришлось встретиться с эстрадником, который одевался очень хорошо – он ежедневно ходил во фраке и крахмальном белье. Правда, фрак имел довольно помятый вид, а крахмальное бельё – желтоватый оттенок. Человек во фраке был один из лучших русских манипуляторов - Дик Картер. Фрачное одеяние объяснялось просто: костюмы Картера с частью реквизита лежали на вокзале. Их надо было выкупить. А для выкупа денег не было – приходилось ходить во фраке. Ежедневно человек во фраке являлся в отделение милиции и заявлял: «Я артист, у меня нет квартиры и нет денег на гостиницу, позвольте переночевать».

Три недели он жил в разных отделениях милиции, ночуя в «дежурках» и «холодных», вместе с пьяными.

Если у эстрадника есть телефон, он ежедневно получает 2 – 3 приглашения на участие в бесплатных концертах. Если нет телефона, почта приносит солидное количество отпечатанных в типографии и на машинке листов-приглашений выступить бесплатно.

...Правда, здесь, кроме отзывчивости есть и кое-что другое – «а может быть, понравлюсь хозяйственнику, может быть возьмут на работу».

Эстрадник лезет из кожи, голодает, чтобы сделать номер. У эстрадника нет должного руководства, и часто бездна затраченного времени, энергии и денег идёт прахом – не годится репертуар (стоивший многих голодных дней), не подходит жанр, слишком открытый костюм и т.д. Эстрадник в этом иногда мало виноват, он идёт ощупью, вслепую.

...Быт, который нуждается в скорейшем оздоровлении. Широкая кампания должна коснуться и эстрадного быта»

Р. Блюменау

Обратим внимание на одну деталь. Я не поленился, посчитал: слово «эстрадник» повторяется в небольшой заметке 16 (!) раз. Не исключено, что благодаря Р. Блюменау и ему подобным авторам, это слово вошло в эстрадный обиход и продолжает существовать до наших дней. Начинаешь понимать, почему Мария Владимировна Миронова так его не любила. Могу ошибаться в выборе источника, но в одном телеинтервью она прямо об этом говорила. Добавляя при этом: «Это все равно, что оперного артиста называть «оперник»⁷

⁷ По словам бывшего литературного секретаря Театра эстрады Г.Н. Замковец, к тем, кто буквально ненавидел это слово, относился и Б.С. Брунов, запрещая его где-либо использовать.

Глава четвёртая

Самое серьёзное жюри

Зададимся вопросом: кто из конференсье 30-х годов был наиболее «универсальным солдатом», то есть способным находить общий язык с любой аудиторией? Лично мне на ум приходит только одна фамилия...

Действительно, при всём почтении к аристократичному Алексею Алексееву или своеобразному Константину Гипшману, трудно представить обоих, конферирующих перед семилетними зрителями. Конечно, мастерство и талант помогли бы им не упасть лицом в грязь, но это всё-таки было бы преодоление. И уж точно не «купание в роли» и не «как у себя дома».

Что же до Гаркави, то его заслуга в налаживании отношений с этой самой взыскательной аудиторией неоспоримы. «Дядя Миша» любил юных зрителей, и они отвечали ему горячей взаимностью. Истоки такой привязанности нам поможет найти Наталия Сац.

Уместно будет сказать несколько слов об этой удивительной женщине, активном пропагандисте музыкального искусства для детей. Родилась в Иркутске в 1903 году в семье известного композитора Ильи Сац. Режиссёр, драматург, театральный педагог. Создатель первых в мире драматического и музыкального театров для детей. Есть у неё и ещё одно достижение, но в этом скорее заслуга Господа Бога. Она прожила долгую, хотя и непростую жизнь длиною в 90 лет. Наталья Ильинична вспоминала, что бывать среди ребят на детских утренниках, разговаривать с ними, подмечать особенности их восприятия доставляло ей неизменную радость, являлось источником многих и многих творческих мыслей. Особенно её восхищала активность детей, их стремление не только следить за происходящим на сцене, но своими неожиданными репликами участвовать в театральном действии.

А что, если пытаться творчески использовать эту детскую особенность и затеять театрализованную игру артистов со всем зрительным залом?

Сац предложила создать программу под названием «Игра в шарady» и включить туда несколько концертных номеров. Сценарий был одобрен, начались репетиции. Режиссёр программы - Н. Волконский, пианист-концертмейстер - Л. Половинкин (он тогда ещё был студентом консерватории). Художник (эскиз, ширмы) – Л. Голова.

На главную роль Миши руководство привлекло Гаркави. Бессменными исполнителями шарад были Н. Третьякова, О. Савич, В. И. Е. Жанто (жонглёры), М. Андреева (балет) и другие.

В игре «театрализованные шарady» очень ответственна роль ведущего. Он должен был стать для детей своим человеком, вызвать их инициативу, уметь с ними играть, импровизировать текст. Назначили на эту роль Наталью Ильиничну, и она с огромным удовольствием её исполнила. Сац выходила на сцену, там уже стояла весёлая ширма, здоровалась с ребятами. На первом же представлении шарад раздался голос из зала: «Как тебя зовут?» Ведущая начала: «Наталия...», но

отчество сказать не успела, кто-то крикнул: «Здравствуй, тётя Наташа!». Так прозвище «тётя Наташа» за ней и осталось. Она спрашивала у ребят: «Хотите, чтобы мы, артисты, с вами сегодня играли в шарady?» «Хотим» - неслись весёлые голоса из зала. Загадывалось слово, разыгрывался каждый его слог, потом целое, дети угадывали. «Тётя Наташа» рассказывала ребятам, что будто бы, когда она шла к ним, встретила множество артистов. Они пожелали показать своё искусство, чтобы потом выступить в концертах для детей. Надо, чтобы их посмотрела специальная комиссия. И ведущая предложила ребятам стать членами этой комиссии. После просмотра каждого артиста, большинством голосов ставилась отметка за выступление. Сац обращалась к билетерам: «Товарищи билетёры! Пропустите, пожалуйста, артистов!». В зрительном зале включали свет, заднюю дверь широко раскрывали. Там появлялись и шли по среднему проходу на сцену артисты с чемоданчиками, с пёстрыми костюмчиками, перекинутыми на руке, мастера цирка с дрессированными собачками, жонглёры со своим реквизитом, они поднимались на сцену. «Тётя Наташа» очень приветливо здоровалась с каждым из них, знакомила с большой авторитетной детской «комиссией», затем все артисты, кроме участников первого номера, уходили за весёлую ширму и торжественный просмотр начинался.

Комиссия добрая, почти всем участникам ставила «пять» и «пять с плюсом», а некоторым артистам и все «десять». Концерт проходил весело и живо, но вот ведущая объявляет, что комиссия заканчивает работу.

И тут в двери зрительного зала вбегает запыхавшийся большой толстый Миша. «Я хочу выступить! Можно?» - кричал он из зала. «Тётя Наташа возражала»: «Просмотр уже закончен». Он чуть не плачет, лепечет какие-то смешные оправдания, просит ребят помочь ему. «Пусть он тоже выступит, - несётся из зала. – Тётя Наташа, мы хотим на него посмотреть!» Гаркави приглашён на сцену. «- Как вас зовут? – Миша. – Вы же взрослый, а взрослых зовут по имени и отчеству. – А меня зовут просто Миша. – Ну, хорошо, «просто Миша», что вы умеете делать? – Я всё умею делать!». Из-за ширмы выглядывают все выступающие артисты. Жонглёр В. Жанто даёт Мише блестящие шарики. Тот подбрасывает их, но поймать не может. Миша поёт «В лесу родилась ёлочка» без всякого выражения и от смущения крутит пуговицу на своей куртке. Сам предлагает поставить ему «кол», но ребята хохочут, и, когда Миша говорит, что он умеет ещё и танцевать, кричат: «Пусть танцует, пусть!» Миша танцует «Яблочко», старательно, как дошкольник, с неподвижным лицом ходит по кругу, поднимая то одну, то другую руку. Сац опять предлагает поставить ему «кол». Но ребятам он очень нравится, им импонирует, что они всё умеют делать лучше него, и просят дать ему возможность «исправиться». Миша начинает читать «Мужичок с ноготок». Размеренным голосом, без всякого выражения дочитывает он до слов «В больших рукавицах, а сам - с ноготок!». Опасливо поглядывает на ведущую и повторяет: «А сам - с ноготок?». Но что дальше – видимо, забыл. Говорит: «Я с начала!» Но при повторении уже путает фамилию автора и опять говорит: «Я с начала!» Опять путает и в конце концов со словами «Я забыл» с рёвом уходит за кулисы.

Ребята очень ценят тех, кто умеет их смешить. На новое предложение Сац проставить Мише «кол» детские голоса поднимают бурю протеста. Кто-то предлагает поставить Мише «пять с плюсом», кто – сто, а кто и всю тысячу. Но, опираясь на благоразумие некоторых зрителей, девчонок по преимуществу, «тётя Наташа» всё же ставит ему «кол» и, чтобы прекратить крики, напоминает: «Не забудьте! Это же всё проходит не на самом деле!»

Бедная «тётя Наташа»! Могу себе представить, как нелегко ей было успокаивать такую аудиторию! НЕ просто владеть её вниманием, а уж спорить с ней! Но главное произошло:

незадачливый герой Гаркави пусть и схлопотал «единицу», но сам артист, в сущности получил от детской аудитории пятёрку с плюсом и признание в любви к «дяде Мише» нескольких поколений юной публики.

Глава пятая

Конферанс и конферансье

Плох тот конферансье, который заботится, главным образом, о собственном успехе. Такой конферансье никогда не будет иметь своего успеха.

Цитата из этой главы.

Не хочу показаться назидательным, но есть одна простая истина, напомнить о которой считаю своим долгом. В русском языке существует два однокоренных слова – «конферанс» и «конферансье». Во время расцвета этой профессии какой-нибудь не очень грамотный администратор, методист в клубе или просто несведущий зритель, подходя к «капитану концерта», обращался к нему с вопросом:

- Вы у нас – конферанс?

- Да нет же, я у вас – конферансье!

- Какая разница?!!

- ??????!!!!!!

На всякий случай спешу напомнить, что «конферанс» - это эстрадный жанр, а «конферансье» - актёрская специальность.

Теперь, когда поставлены все точки над «и», хочу познакомить читателя с одним уникальным документом. В 1935 году Э. М. Бескин записал беседу с М. Н. Гаркави. Выдержки из неё я и предлагаю вашему вниманию.

ГАРКАВИ: В своей жизнедеятельности как конферансье я прошёл два периода. Сначала я сделался конферансье, как я его называю, репризного характера, то есть человек, который говорит остроты во что бы то ни стало... Но когда я увидел, что это наиболее распространённый вид конферанса и, завоевать положение, идя по этому пути, будет очень трудно – я вспомнил, что я актёр... в настоящее время я и являюсь актёром, играющим роль конферансье... Начну с того, что представляет из себя эстрадная маска, которую я ношу... Прежде всего я скажу вам о важности первого выхода. Когда вы появляетесь перед зрителем, то сразу должны определить, что это за человек, чем он дышит. В моём первом выходе я стараюсь показаться зрителю скромным и необыкновенно приятным человеком. В те вечера, когда мне удаётся путём чисто актёрской техники достигнуть этого... такие вечера считаю для себя наиболее удачными. Тогда уж для меня не играет никакой роли, что говорить... Элемент симпатии, который имеется ко мне со стороны зрителя, уже будет довлеть над ним.

Не ЧТО говорить, а КАК ГОВОРИТЬ!

Надо сказать, что очень часто мой текстовый материал звучит в устах других товарищей. Я даже слышал по радио вещи, составленные мною. Причем это не имело того резонанса со стороны зрителя, который у меня. ...Теперь о системе моей работы во время концертов. Когда вы выступаете в стационарном предприятии, для вас созданы благоприятные предпосылки работы: у вас есть уборная, где вы можете повесить свой костюм, посмотреть в зеркало... Кроме того, вы знаете точный порядок программы, можете подготовиться, чтобы ваше ведение не носило случайного характера.

...Сейчас я буду говорить о работе конферансье на сборном концерте. К сожалению, это деятельность для нас, конферансье, является основной на данный период. Эта работа легче в том смысле, что меньше ответственности. Если я взболтну что-нибудь в клубе «Каучук», то, учтя это, я не повторю в клубе «Красный луч». При этом я могу себя исправить, да и вообще, на это не обратит никто внимания. Тут надо учесть то обстоятельство, что вы выступаете перед аудиторией, у которой только что закончилось заседание. Вы имеете перед собой слушателя, который, с одной стороны – устал, с другой – зритель, который слушает вас для того, чтобы отдохнуть, привести свои нервы в порядок, чтобы завтра свежим выйти на работу. Самым серьёзным является первый выход. Завладеть аудиторией, поднять её и так её р а с п а х а т ь (выделено мною – А.Л.), чтобы всем остальным артистам было легко работать. Я не сторонник того, чтобы весь ваш конферанс заполнялся местной темой. Я противник этого. Но я за то, чтобы прослушать собрание и чтобы в вашем первом появлении промелькнула местная тема. И если вы из этой местной темы возьмёте кусочек (...) значит вы по-настоящему сделали первый выход.

...Я не принадлежу к тем артистам-конферансье, которые своей задачей ставят сострить «во что бы то ни стало». Многие конферансье считают, что если он не вышел и сострил, значит... нарушил какие-то законы конферанса. Конечно, можно острить, если вы чувствуете, что это хорошо. Но выйти и во что бы то ни стало рассказать какой-нибудь анекдот, пусть даже тонкий и остроумный. Он всё-таки будет носить налёт пошлости.

Плох тот конферансье, который заботится, главным образом о собственном успехе. Такой конферансье никогда не будет иметь собственного успеха.

БЕСКИН: *Приходилось ли вам выступить перед иностранной аудиторией? На каком языке вы вели, и какова была реакция зрителя?*

ГАРКАВИ: *Перед иностранцами я выступал. Я конферировал на концерте, устроенном для физиологов в Тифлисе на французском языке, причем, я очень плохо им владею. Но это не играет никакой роли. Иностранная аудитория восприняла моё выступление хорошо, даже лучше русской. В Мюзик-холле были даны два спектакля. Французы были уверены, что я блестяще владею французским языком, и что я их обманываю.*

БЕСКИН: *Приготовляете ли вы своё выступление? А что, если публика задаёт вам вопрос почему вы опоздали?*

ГАРКАВИ: *Нет, не przygotowляю. Я не знаю, о чем я буду говорить. Я жду с нетерпением, чтобы публика меня что-то спросила. Тогда я легко иду дальше. Когда я выхожу на сцену, я представляю из себя сжатый комок нервов, готовый на всё. Когда я посмотрю, какая у меня аудитория, тогда всё пойму.*

...Задача состоит не в том, чтобы рассказать какой-нибудь анекдот, а потом объявить артиста. Задача заключается в том, чтобы в очень легкой, непринужденной форме, подать артиста. Создать ему аудиторию.

Однажды по путёвке Дома Красной Армии, приехал в архитектурный институт... Один раз в жизни я не спросил, что это за аудитория. Так как было темно, я вышел и начал говорить конференс на архитектурные темы... Потом я увидел, что это не даёт нужной реакции, я чувствую, что аудитория меня не понимает. Меня прошиб холодный пот. Первым номером вышел Образцов. Он показал своих кошек и собак, но в публике было полное недоумение. Он показал второй номер, но это тоже не вызвало никакой реакции... Я почувствовал, что здесь что-то «не архитектурное». Попросил дать свет в зрительный зал. Оказалось, что этот зал был снят для возчиков, которые возят дрова для Мосгорторга. Когда я это понял, то вышел как бы в первый раз, и тогда аудитория начала смеяться... Если бы я заранее знал, какая это аудитория, то и Образцова приняли бы иначе, потому что я иначе подал бы его. ...Я против написанных конференсов... У меня лично нет точно записанных острот. И если бы меня заставили написать конференс... то я написал бы два-три рассказа, которые к конференсу практически отношения не имеют, которые нужны... для того, чтобы затянуть концерт, если какой-нибудь артист запоздал...

Значит, основное в нашей работе – это проба аудитории. Каждый конференсье должен выработать какую-то определённую фразу, произнося которую он будет знать, что за аудитория находится перед ним.

Если это принимается на большом смехе, значит аудитория малокультурная. Средний – смешанная. Если просто вызовет улыбку - ...хорошая, и можно говорить спокойно и свободно. Я пробую аудиторию дешёвкой. Это законный приём, для того, чтобы потом легче работать.

...Я лично страшный противник ведения программы в таком плане, чтобы конференсье выходил, говорил свои репризы, а потом объявлял: «Сейчас выступит такой-то...» Это неверно, ибо подготовительным конференсом вы должны дать дорогу артисту... Перед разговорным номером, перед юмористом... вы не имеете право говорить остроты, ибо, вызывая смех у аудитории, вы тем самым обкрадываете артиста, который должен выступать. Перед выступлением инструменталиста, балетного номера зрительного ряда, можно говорить что угодно, хотя я не сторонник, чтобы говорить что угодно. Лично, когда выступает балет, говорю о балете, певец – о певце.

...Я хотел бы резюмировать... Во-первых как закон, перед выступлением разговорника – никаких острот. Во-вторых, конференсье обязан знать, перед кем выступает. Он обязан пробовать аудиторию, чтобы уяснить, как вести себя перед ней.

И потом, самое главное для конференсье – первый выход, который кладёт отпечаток на всю программу, которую он ведёт.

Вот лишь некоторые выдержки из той большой беседы. Десятки и десятки лет отделяют нас от времени её появления. Мир с той поры изменился колоссально, а сама профессия?.. А подход к ней?.. Я не вижу причин, по которым советы Гаркави нельзя было бы сравнить в какой-то степени с советами автора «Работы актёра над собой» К.С. Станиславского. Удивляюсь, почему до сих пор никому не пришло в голову опубликовать эту беседу (за исключением «Русской советской

эстрады» с парой крошечных фрагментов), чтобы осваивающие трудную профессию ведущего знакомство с ней начинали с откровения «красного шоумена»?!

Гаркави был лидером, тем, чей успех на публике был несомненен, и к чьему мнению, безусловно, прислушивались. Но думаю, что даже в самом сладком сне он не чувствовал себя эстрадным пророком, этаким гуру отечественного конферанса. В беседе с Э. Бескиным он не раздавал истины, а делился своим сокровенным, тем, что проверено-перепроверено. Опыт. Нервы. Проба. Душевные и физические затраты. Синяки и шишки. И ещё, и ещё... А потом ещё раз опыт!!! По возможной схожести ситуаций у каждого конферансье он свой. А когда эти наработки пересекаются, когда сталкиваются мнения, вот тут-то и рождается порой нечто любопытное! Предлагаю читателю свидетельство конферансье Н.М. Синева, творческий путь которого пересёкся однажды с нашим героем:

«После небольшого концерта на Киевском центральном стадионе, - пишет Синева в своей книге «В жизни и на эстраде», - весело и темпераментно проведённого конферансье Михаилом Наумовичем Гаркави, я поинтересовался у старого артиста:

- Не трудно ли в вашем возрасте на стадионе?

Усталое лицо Гаркави просветлело.

- Люблю, чтобы было много зрителей... Мне кажется, мы, конферансье, не додали им шуток, веселья, хорошего настроения... А когда народу полный стадион и все смеются – на душе спокойнее...»

Гаркави горячо и убеждённо утверждал, что конферансье должен, прежде всего, думать не о своём личном успехе, а об успехе представления в целом. Синева - на основании своего немалого опыта – возражал: самое опасное в работе конферансье – когда он, не доверяясь культуре зрительного зала, начинает излишне заботливо «подавать» артиста, перегружать конферанс пояснительными текстами, всеми правдами и неправдами вызывать артиста на поклон. Оппонент Гаркави возражал: зритель сам превосходно чувствует, где с ним легко и остроумно шутят, как с равным собеседником, а где, как школьника, начинают поучать или принуждают аплодировать, когда у него нет к этому никакого желания. *«Я признался Гаркави, - пишет Синева, - что у меня на этой почве с артистами нередко портятся отношения. Как-то певица, недовольная слабыми аплодисментами, сердито спросила меня за кулисами: «Вам трудно было лишний раз протянуть руку, чтобы вызвать меня на поклон?» Я тоже ответил: «Извините. Трудно. Радикулит». Гаркави шутливо сказал:*

- Ну, вот видите... Певица пойдёт в министерство культуры, спросит, почему работает конферансье с радикулитом. Пора на пенсию! Заменяют вас молодым, и вы поймёте, что для конферансье полезнее - острить или вызывать на поклон артистку».

Товарищеский спор двух «разговорников» закончился на миролюбивой ноте: *поведение конферансье должно определяться культурным уровнем зрительного зала.* Там, где зритель менее подготовлен, - конферансье не должен пренебрегать функциями воспитателя. Имея же дело с передовыми культурными людьми он, прежде всего, должен заботиться о весёлой

природе эстрадного концерта и твёрдо помнить, что взрыв смеха для успеха всего концерта куда важнее, чем лишняя песня с трудом вытянутой на поклон самоуверенной певицы.

Диалог настолько нечастый для эстрадной культуры, насколько и примечательный. А примечательный он не только тем, что хорошо раскрывает творческую позицию Гаркави, как конференсье, но и показывает в какой-то степени характер этого человека. Согласитесь, реплику: «Не трудно ли в вашем возрасте...» сложно назвать образчиком этикета. Другой бы «корифей» пообидчивее назвал бы её попросту бестактной. Другой, но только не Гаркави! Лёгкость и незлобивость в обращении с публикой он непринуждённо переносил и за кулисы. Редкий человеческий дар!

Глава шестая

Лекция о синей блузе

- Про «Синюю блузу слышал»?

- Так, краем уха. Это которая газету со сцены читает?

(Из книги Михаила Сушкова «Футбольный театр»)

«Каждое утро в одно и то же время прохожие, регулярный маршрут которых пролегал через Тверской бульвар, встречали здесь крепкого коренастого брюнета с тонкими усиками, запоминавшегося не столько симпатичной внешностью, сколько странным поведением... Он выходил из дома № 26 и двигался по бульвару, читая на ходу газету. Двигался вовсе не так медленно, как следовало бы этого ожидать. Он, видимо, приспособился, и шагал уверенно, словно смотрел себе под ноги. Прохожие принимали его за чудака, каких не так уж мало, ибо читающий пешеход не столь большая редкость. Но дворники, которым он намозолил глаза, убеждённо считали его психом. Дворники, в отличие от прохожих, весьма наблюдательны. Они могли проследить довольно большие отрезки пути этого гражданина и обменяться потом впечатлениями. Они знали: в течение ста пятидесяти-двухсот метров гражданин успеет прочесть газету и в конце этой дистанции, замедлив шаг или вовсе остановившись, проделает с ней нелепую операцию: аккуратно разорвёт её на кусочки, часть из них положит в левый карман, остальное скомкает и, в лучшем случае, бросит в урну. Но правый карман «психа» оттопыривал целый рулон газет. «Псих» тут же вынимал очередную, и на следующем участке пути проделывал с ней то же самое. К этому странному гражданину дворники не проявляли особого любопытства. Он был для них ясен как день: псих есть псих, и этим исчерпана вся информация. Они не знали, что «псих» не кто иной, как известный в то время поэт Борис Южанин – основатель и руководитель нового театра «Синяя блуза». Он приходил на службу, уже начинённый газетными сообщениями, переполненный идеями. Садился за стол, раскладывал газетные вырезки и вместе со своим помощником, Владимиром Мразовским, начинал творить сценарий спектакля, который к вечеру будет закончен, а завтра поставлен и показан».

Так писал о «Синей блузе» Михаил Сушков, автор книги «Футбольный театр»! Что мы знаем об этом явлении 20-х годов прошлого века? Я не побоюсь назвать эту самую «блузу» культурно-социальной Атлантидой, навсегда потопленной с очередной «сменой вех». Благодаря таким авторам, как Сушков и сохранившимся публикациям в старых журналах, автор книги о «красном шоумене» имеет возможность рассказать современному читателю, какие «шоу» удавалось показывать «синезелунам» или, проще говоря, тем, кто - всего-то! – читали со сцены газету!

...Этот пока ещё безымянный любительский коллектив появился осенью 1923 года, как «живая газета» института журналистики под руководством Бориса Семёновича Южанина. Он оказался отличным организатором и фанатиком движения, позже названного «Синяя блуза». В ту пору – двадцатилетний студент Коммунистического института журналистики (КИЖ), участник

гражданской войны на Дальнем Востоке. Название дала прозодежда⁸ - свободная синяя блуза и чёрные брюки (или юбка), в которой стали выступать артисты, что соответствовало традиционному облику рабочего на агитплакатах. Московский городской совет профсоюзов (МГСПС) предложил Южанину создать несколько таких групп для обслуживания рабочих клубов, столовых и чайных. Программа, рассчитанная на один час, точно по времени шла под рояль (либо гармонь) в стремительном темпе. Она начиналась и заканчивалась общим марш-парадом (антре), наиболее известный:

Мы синеблузники,
Мы профсоюзники,
Мы не бояны-соловьи.
Мы только гайки
Великой спайки –
Одной трудящейся семьи.
(Муз. Д. Покрасса, слова Б. Южанина)

Каждую неделю репертуар менялся, артисты знакомили публику с последними политическими, международными и экономическими новостями в формах, доступных даже неграмотному зрителю. Информация передавалась через частушки, монологи Деда-раёшника, литературные монтажи для лучшего восприятия сопровождалась акробатическими перестроениями (пирамидами). Много писал для коллектива сам Борис Южанин.

Далее передаю бразды правления в этой главе Виктору Ардову и Михаилу Гаркави. Был, как видно, и такой дуэт в истории эстрады! Правда, в печатном варианте их дуэта хватило лишь на одну публикацию. Ниже я привожу (с небольшими сокращениями) то, что смело можно бы назвать настоящей лекцией по истории такого явления культурной жизни СССР двадцатых годов, как движение «Синяя блуза». Известный советский писатель и не менее известный конференсье прочтут вам краткую и не слишком утомительную лекцию о почти забытом явлении в нашей жизни и на нашей эстраде!

«Синеблузникам пришлось начинать, что называется, на голом месте. Никому не было известно, что такое агитбригада. Каковы должны быть номера, исполняемые этой бригадой? Каков нужен артистический состав? Экономические основы? Где выступать? Всё это должен быть Южанин совместно со своими соратниками – а таких набралось сравнительно много. Вокруг этого неугомонного инициатора - артисты, режиссёры, художники, администраторы... Интересно, что бюджет «блузы» был самостоятельным. С первого же дня она работала на самоокупаемость. Но работала! Работала же! И как работала! Благодаря неукротимой воле Южанина и энтузиазму всех её участников, «Синяя блуза» после кратчайшего репетиционного периода начала выступления. Где? Да повсюду! В цехах заводов, в клубах и даже в пивных! Репертуар на эстрадах этих заведений исполнялся артистами, которые всячески пытались протащить в своих шутках и куплетах антисоветские темы и похабщину. Вот тут-то и надо было дать бой недобитому прошлому: завоевать пролетарскую аудиторию было просто необходимо. И «Синяя блуза» одержала эту свою первую победу. Заведующие государственными, кооперативными, общественными предприятиями народного питания и владельцы частных пивных стали приглашать к себе для

⁸ Прозодежда – рабочая одежда для людей, занимавшихся производственной деятельностью (выдавалась работающим на производстве за счёт предприятия).

выступления коллективы «Синей блузы». ...Очень скоро одного коллектива стало не хватать. Возникали всё новые и новые. К началу тридцатых годов существовали 15 бригад центральной московской «Синей блузы», состоявших из профессиональных артистов. ...А самодеятельных коллективов возникло несколько тысяч. Появился деловой термин: синеблузное движение. Оно перелилось даже за границы Советского Союза: в Германии (вспомним, что это были годы Веймарской республики, созданной после Версальского мира 1919 года), в Швеции, Дании, Чехословакии звучали песни и слова «синеблузного» репертуара. А наши коллективы не только ездили по всему СССР, но и проходили зарубежные гастролы в Скандинавии и Китае, в Германии и Польше.

Чем же объясняется такой беспримерно бурный успех? Главным образом тем, что потребность в агитбригадах вообще в советской эстраде была очень велика. «Синяя блуза» возникла и действовала в то же самое время, когда зачиналась и советская литература. Когда в репертуаре драмы появились первые пьесы из советского быта. Когда молодой артист Н. Смирнов-Сокольский создавал свои первые фельетоны на эстраде. И народ с жадностью внимал новым словам о новых делах родной страны. Самое важное в искусстве и литературе было и остаётся – отражение и осмысление настоящего времени. Здесь немалую роль сыграла инициатива Южанина: он внимательно следил за журналистикой и газетами, за литературой и театрами. Всё пригодное «Блузе» он немедленно отбирал и раздавал коллективам. Так впервые попали на подмостки «Синей блузы» произведения Маяковского и Асеева, Кирсанова и Демьяна Бедного. Но вскоре авторы уже сами пришли в тесные комнаты бывшего ресторана «Лондон» - рядом с Домом Союзов в Охотном ряду – приносили сочинения специально для «Синей блузы». ...В двадцатых годах помещение «Синей блузы» видело в своих стенах и Маяковского, и Катаева, и Ильфа, и Петрова. Там начинали молодые В. Масс, Н. Эрдман, В. Казин... Но подчас, когда жизнь опережала темпы наших авторов, «синеблузники» сами брались за перо. Рождались бесхитростные, примитивно звучащие сегодня, но всегда боевые активные частушки, такие, как, к примеру, эти:

Ах, не буду никогда
Есть консервы я –
Консерваторы для нас –
Стервы первые.
(В. Шершеневич)

Слушатели, очевидно, делали скидку на молодость и горячую заинтересованность авторов и исполнителей, потому что принимали подобные тексты всегда одобрительным гулом и аплодисментами.

Помним, пользовалась успехом даже такая прихотливая частушка, сочинённая в коллективе:

Пекарь знает, что железо
Очень полезно:
В хлеб всегда он запекает
Что-нибудь железное.

Да простят меня досточтимые Виктор Ефимович и Михаил Наумович, но я хочу привести ещё несколько примеров частушечного творчества «Синей блузы». От откровенно богохульских:

Наш «Безбожник» прёт вперёд:
Вышел на дорогу.
Круг безбожников растёт!
Ну и слава богу!

...до надзирательно семейных:

Пионер крепит победу,
Он отважен и суров.
Мамка кликнула к обеду,
Он в ответ: «Всегда готов!»

Казалось, не было ни одной стороны нашей жизни, которую «синезелуники не отразили в своём творчестве»:

Я куплю себе калоши
На резиновоm ходу,
Чтобы наши не сдыхали,
Как с собрания уйду.

Дурака заставь молиться –
Мигом лоб расквасит свой.
Дурака заставь напиться –
Он расквасит лоб чужой.

У одной семейки бравой
Дочь Трибуною зовут,
И к Трибуне той оравой
Все ораторы бегут.

Извините, что перебил, дорогие мэтры, продолжайте, пожалуйста!

Все выступления «синезелуников» строились на пластике, движении, поэтому музыка в каждой программе играла большую роль. Для «Блузы» писали музыку не только композиторы Д. Покрасс, М. Блантер, Ю. Милютин. В её спектаклях принимали участие в качестве пианистов К. Листов, С. Кац - в будущем популярные композиторы, пианисты Е. Макухин, Е. Рохлин, Б. Зазерский, К. Ставицкий – очень способные музыканты, умевшие, а это было обязательно, писать, подбирать и копировать музыкальные тексты.

По музыкальной части «Блуза» не брезговала готовыми вещами.

Начиная с песни-зачина – своеобразного гимна «Блузы» - многое в выступлениях коллективов опиралось на прежние популярные мелодии. И это было правильно, ибо снобистское желание давать только новые мотивы крайне обеднило бы спектакли, мешало бы проникновению в массы таких нужных в те времена мыслей и слов, создаваемых для пропаганды и агитации, для

разъяснения всего нового, что существовало в жизни или должно было возникнуть в результате Октябрьской революции... Разумеется, новый репертуар потребовал и новых методов сценического решения. И по сей день на нашей эстраде и в цирке, в какой-то мере и в драматических театрах, в опере и балете живы находки постановщиков «Синей блузы». Режиссёры опирались на творчество Мейерхольда и Таирова, они заимствовали свои приёмы в спортивных играх и парадах, которые буквально покоряли зрителей... «Синеблузные» режиссёры С. Юткевич, Б. Шахет, Т. Томас, Н. Форреггер, Н. Тодес и другие умели сочетать патетику с сатирой, бытовой юмор с лирикой. Многие из них вошли в первую шеренгу советской режиссуры.

Художественное чтение – сольное и ансамблевое – украшало программы «Блузы». Прологи и парады, номера, где оратории сочетались с перегруппировкой участников в чисто физкультурном плане, сообщали выступлениям «Блузы» не только художественное разнообразие. Они поднимали идейное звучание спектаклей, ибо пафос наиболее широких лозунгов и идей выражался в таких номерах свободнее и ярче, нежели в обычных эстрадных формах.

Частушки и куплеты, сценки и малая драматургия эстрады, фельетоны и конференсы были неотъемлемой частью всех программ. И здесь «синеблузники» почти не имели соперников: ведь для них писали лучшие мастера этих жанров... Вот почему сборники репертуара «Блузы», выходявшие периодически и включавшие в себя не только текст и ноты, но и советы постановщикам, расходились огромными тиражами.

...Актёры приходили сюда и из театров, и с эстрады, из самодеятельности и из театральных вузов. Считалось почётным оказаться среди этих мастеров малых форм... Концерты «Синей блузы» проходили в Колонном зале Дома союзов, и в Большом зале консерватории, и в ленинградском зале Капеллы, и в мюзик-холлах...

На «Блузу» стала ориентироваться вся советская эстрада. ...Здесь первым достоинством спектакля и репертуара полагали именно современность. И не просто «объективную» современность, а отклики в пользу Советской власти. ...Это и привлекло к ней таких артистов, как Л. Миров, Е. Дарский, Г. Тусузов, И. Чувелев, О. Шахет, Л. Беркович, С. Ягодинский, М. Грановский, Л. Михайленко-Луарина, Б. Тенин...

...Кончилась «Синяя блуза» в начале тридцатых годов по причинам организационным: «блуза» явно переросла возможности своего руководства, а в «инстанциях» не сумели перевести дело на нужные рельсы...»

Вот так – несколько конспективно – я представил читателю лекцию о «Синей блузе». Интересно, на мой взгляд, следующее наблюдение.

Как же это так получилось? Два человека и художника – писатель Виктор Ефимович Ардов и Артист Михаил Наумович Гаркави – одни из самых остроумнейших людей своего времени умудрились написать официальную до жути, застёгнутую на все пуговицы статью! А ведь и у того и у другого к моменту написания этого материала (начало 60-х) наверняка за плечами был «вагон и маленькая тележка» баек, хохм, историй и курьёзов, в том числе связанных с «Синей блузой», но...

Оттого и не порадовали они своих читателей «чем-то этаким», что на дворе стояли шестидесятые! Оттого, наверное, они и ограничились сухим перечислением фамилий и фактов. Впрочем, и за это

им большое спасибо. Благодаря их выступлению в печати сегодня можно узнать, что в коллективе «Блузы» работали Л. Беркович и Л. Михайленко-Луарина. Каждая из них в своё время была связана с «красным шоуменом» семейными узами.

Несколько слов о первой избраннице конференсье.

Беркович Людмила Михайловна (1903 - 1998) – родилась и умерла в Москве. Дочь танцовщицы Ларисы Ерохиной, на сцене – мадемуазель Жиньори, работала в театре миниатюр «Мозаика» с номерами «Вампир», «Искушение» и др. Начала заниматься балетом с девяти лет в школе при театре Зимина у М. Мордкина⁹, затем в студии «Детский балет» у К. Голейзовского¹⁰, после в студии Э. И. Элирова¹¹. С 1920 г. занималась в балетной труппе Театра оперетты, где её заметил А. Кошевский¹², пригласив солисткой в кабаре «Нерыдай» (1922 - 1924). Участвовала во многих пародийных номерах, технически сложном номере «Трансформация»¹³, а также в синтетическом номере «М» и «Ж», в котором с помощью трансформации исполняла три роли: гимназистки, кокетки и «синего чулка».

Выступала в театре «Кривой Джо» (1922), летний сезон 1924 г. в «Вольном театре», где вместе с Я. Хенкиным¹⁴ играла в обзрении Н. Агнивцева¹⁵ «Неугомонный Моссельпромщик». В 1924 – 26 гг. в «Синей блузе», где снова проявляет себя синтетической актрисой, исполняя не только эксцентричные номера, но и сценку «Злободневная шарманка» с будущим актёром Театра сатиры Г. Тусузовым¹⁶, «Частушки Моссельпрома» с танцовщиком и акробатом М. Эскиным.

В 1926 – 1927 гг. в Московском театре Сатиры наряду с танцами занята в характерных ролях. В 1928 – 1947 гг. вместе с мужем танцовщиком Сергеем Ивановичем Ягодинским (1903 - 1952) работает на эстраде в жанре эксцентрических пародийных танцев (пародии на театр, цирк, кино).

⁹ **Мордкин Михайл Михайлович** (1880—1944) — русский солист балета, балетмейстер, балетный педагог.

¹⁰ **Голейзoвский Касьян Ярослaвич** (1892, Москва — 1970) — российский советский артист балета, балетмейстер, хореограф. Заслуженный артист Белорусской ССР (1940), заслуженный деятель искусств Литовской ССР (1954).

¹¹ **Элиров Эдуард Иванович** (1892 - 1946) – режиссёр, сценарист, балетмейстер.

¹² **Кошевский Александр Дмитриевич (Александр Кричевский)** (1873 - 1931) – артист оперетты, композитор. В 1921 году А.Д. Кошевский создает в Москве собственный театр-кабаре «Нерыдай». Это был ночной театр, который помещался рядом с «Эрмитажем». В составе театральной труппы были Л. Беркович, Рина Зеленая, Вера Инбер, М. Гаркави, Г. Тусузов М. Жаров, И. Ильинский. и другие. Репертуар для театра писали молодые литераторы Н. Адуев, А. Арго, Н. Эрдман, В. Типот и композиторы Ю. Милютин, М. Блантер.

¹³ **трансформация** – уникальный жанр, в этом номере артисты волшебным образом меняют костюмы на глазах у зрителя.

¹⁴ **Хенкин Владíмир Яковлевич** (1883 — 1953) — российский и советский актёр, артист эстрады, народный артист РСФСР (1946).

¹⁵ **Агнiвцев Николай Яковлевич** (1888 - 1932) — русский поэт и драматург Серебряного века. Также известен как автор книг для детей.

¹⁶ **Тусóзов Геóргий Барóнович (Геворк Луйспаронович Тусузян)** (1891 - 1986) — советский актёр театра и кино; заслуженный артист РСФСР (1956).

В 1927 г. в «Цирке и эстраде» была опубликована небольшая рецензия на «Справочник синемблужника» М. Розовского: *«Приоритет подачи эстрадного сценария в форме живой газеты принадлежит «Синей блузе», - писал автор рецензии Р. Блюменау, - которая за короткое время своего существования создала целый ряд абсолютно новых жанров эстрады: марш-парад, фельетон, аттракцион...»*

Молодой коллектив познал настоящий успех, тот самый, что редко прощается коллегами и конкурентами.

26 сентября того же года в Колонном зале Дома Союзов «Синяя блуза» отметила свой небольшой 4-летний юбилей. Почему 4-летний? Почему не дождались хотя бы «пятилетки»? Возможно, её создатели чувствовали, что век их детища недолог и потому спешили. В годы своего расцвета «Синяя блуза» успешно конкурировала с профессиональной эстрадой. Да и, собственно, сама была таковой. В интервью журналу «Цирк и эстрада» ответственный руководитель «Синей блузы» Б. С. Южанин признавался:

«Колоссальное количество блестящих отзывов не только рабочей, но и буржуазной прессы показывает какое политическое значение имели выступления «С.б.» за границей. ...Рурскому району (Дюссельдорф, Золинген, Эссен) – этому гигантскому очагу металлургической промышленности «С.б.» также имела возможность показать свою работу...»

Постепенно началось то, что можно было бы назвать как «синемблужомания». В бельгийском Брюсселе при бюро объединения украинских и русских рабочих был организован подобный коллектив. Берлинская «Синяя блуза», работавшая под руководством тов. Вильде, приезжала на гастроли в СССР. Объединённая группа «Синей блузы» завершила трёхмесячную поездку по Северному Китаю. За истёкшее полугодие 1929 года все группы «С.б.» только в Москве и в губернии сыграли 1100 спектаклей (180 выступлений в месяц). За это время состоялось 15 выездов на места, где зрители увидели 300 спектаклей.

Всё было слишком хорошо, чтобы продолжаться долго.

Гаркави всё активнее заявляет о себе как конференсье. Своих читателей журнал «Цирк и эстрада» информировал:

«С 10 января 1930 года базовая группа «Синей блузы». Григорий Мармеладов. Коферансье М. Гаркави».

И вдруг как гром среди ясного неба появилась статья под названием «Синяя блуза больна». Статья опубликована в журнале «Цирк и эстрада» в 1929 году. Чем же, интересно, мог «заболеть» столь здоровый во всех смыслах коллектив, выступлениям которого аплодировали не только в Советской России, но и за рубежом – от Америки до Японии? Статья была без подписи, но вполне вероятно, что указание сверху написать её получил её всё тот же «синемблужовед» Р. Блюменау, ещё вчера безудержно хваливший этот коллектив:

«На эстраде ещё до сегодняшнего дня живы закулисные нравы, ведущие начало от старого, дореволюционного кабака, где единоличным вершителем судеб был антрепренёр-хозяйчик.

...Последние два-три месяца отмечал, что «Синяя блуза» переживает большой репертуарный кризис. ...Кризис этот нашёл своё отражение и в быту у артистов. Старые закулисные традиции просочились и в эту организацию...»

В некоторых группах «Синей блузы» неблагополучно. Снятый в свой время с работы в театре «Смычка» за «хорошие дела» администратор Базлов приютился в московской «Синей блузе». Обосновавшись там, он начал проводить свою линию: «всё зависит от меня», «будущая карьера артистки тесно связано с её сговорчивостью». Базлов наметил несколько объектов из состава. Первой жертвой оказалась актриса Д., к которой он приставал, приглашая прокатиться на автомобиле, требовал встречи в интимной обстановке. В результате переговоров Базлова, встреча состоялась... Базлов не ограничился этим. По прошествии некоторого времени актриса получает записку: «Помните, от вашего согласия зависит будущее...» Убедившись, что приставания к Д. ни к чему не приведут, Базлов избрал новые объекты для своих походов. Он преследует актрис К. и С. Базлов всячески старается продвинуть одну из них, но неожиданно эта актриса увольняется. Причины неизвестны.

Об этом факте знали многие члены коллектива, но молчали. Странно было поведение директора «Синей блузы» Б. Южанина, вызвавшего к себе Базлова, актрису Д. и её мужа. В присутствии мужа актрисы Б. Южанин заставил Базлова извиниться. В деле с Базловым... местком взял примиренческую позицию... и помог только замазать дело. Только когда Базлов был исключён из союза с запрещением занимать административные должности, он был уволен и из «Синей блузы», и то, под нажимом Областного отдела союза.

Положение с «Синей блузой» заставляет серьёзно призадуматься. Коллективы почти не живут общественной жизнью, самокритики не слышно».

Читатель имеет возможность вынести своё суждение о прочитанном. Лично я не вижу в этом поступке директора ничего странного. Нормальное поведение для директора и мужчины. А как по мнению автора этой явно заказной статьи Южанин должен был поступить? «Настучать» на коррумпированного администратора в милицию или, может, сразу в ОГПУ?

Вернёмся к рассказу о «Синей блузе» Гаркави и Ардова и к их объяснению причины преждевременной кончины коллектива. Дело тут, на мой взгляд, не в «переросте возможностей» и «нерасторопности инстанций», не сумевших вовремя перевести нужное дело на нужные рельсы». Поменялось время. Постреволюционный романтизм и леваческая эйфория сменялись буднями сотрудников НКВД. Являясь «всегда боевыми и активными», «синемолуны» любили и умели смотреть и видеть, что происходит в стране. Сталину, увы, потребовались совершенно иные «боевитость» и «активность».

Конец этого по-своему уникального коллектива был предсказуем. В 1930 году Бориса Семёновича Южанина снимают с поста руководителя со следующей формулировкой: «За ряд злоупотреблений, за халатное отношение к своим обязанностям, за протекционизм и т.д. снят с работы и предан суду директор «Синей блузы» Б. Южанин».

Так завершился яркий, но короткий век «Синей блузы» - уникального явления в жизни тогдашнего всё более регламентированного советского искусства.

Глава седьмая

«Извините, но я буду петь»

Певческие номера, превращаемые Гаркави в живые музыкальные сценки, нравились публике. Да и сам он исполнял их с нескрываемым удовольствием.

(Э. Шапировский «Хозяин концерта»)

1924 год. С портрета смотрел улыбающийся молодой человек с надвинутой на глаза кепкой и небрежно перекинутом через плечо шарфом. Портрет был помещён на нотах знаменитого фокстрота Матвея Блантера «Джон Грей» (текст Владимира Массе). Фамилия молодого человека звучала не очень привычно для русских ушей – Гаркави.

Как-то на одной светской вечеринке я столкнулся с признанным знатоком джаза Алексеем Баташевым¹⁷ и завёл разговор о первом исполнителе легендарного фокстрота... Моё, тогда ещё несмелое утверждение, что этим исполнителем был конферансье, Баташов решительно отверг, на чем наш диалог и завершился. Да и что я мог возразить старейшине джазовой критики, историку и активному популяризатору джаза?! К слову сказать, разговор наш состоялся задолго до того, как я стал собирать материалы о «красном шоумене». Но когда в архивных глубинах РГАЛИ удалось отыскать и подержать в руках ноты «Джона Грея» с молодым Гаркави на обложке, сомнения мои улетучились. Более того, укрепилось желание побольше узнать об этой стороне таланта Михаила Наумовича.

Пение занимало в его творчестве пусть не самую главную, но и далеко не последнюю роль. Начнём с куплетов – визитной карточки многих артистов разговорного жанра. С самого начала пути на вершину эстрадной славы он полюбил этот жанр и стал по праву считать его своим. Благо, что куплет, как выразительное средство, был популярен в то время.

В истории советской эстрады навсегда осталось это странное слово – «Нерыдай». Нет, это не опечатка, оно так и пишется – слитно. «Нерыдай» - это название кабаре, привлекавшее несколько сезонов (1921 - 1924) литературно-театральную Москву. Название весьма актуальное, учитывая, что некоторые слои разворошенного революцией российского общества рыдали, другие – пока ещё радовались, а остальные – тихо всхлипывали. Видные театральные деятели, поэты, художники, актёры считали хорошим тоном регулярно в нём бывать. Это был самый что ни на есть ночной клуб, как сказали бы сейчас: программа начиналась в час ночи и завершалась к трём. И чего там только не звучало! Старинные песни и романсы, стихи, басни и, конечно же, куплеты. Основными посетителями «Нерыдая» были «махровейшие цвета нэпа», как писала Вера Инбер. Чем же публику привлекало кабаре? В двух словах не опишешь! Какой-то особой,

¹⁷ **Алексей Николаевич Баташев** - (1934 — 2021) — старейшина джазовой критики, историк и активный популяризатор джаза, автор первой монографии «Советский джаз» (М., Музыка, 1972). Один из членов-основателей Международной джазовой федерации при ЮНЕСКО.

непринуждённой весёлостью, остроумными шутками, звучавшими, кстати сказать не только со сцены, но и из зала. Погоду в кабаре создавала особая литературно-артистическая публика. Завсегдатаям подавали недорогие блюда, и они весело проводили время, помогая артистам развлекать зрителей. Художественный руководитель «Нерыдая» А. Кошевский, в недавнем прошлом опереточный артист, обладал недюжим чутьём на таланты. В компании молодых артистов кабаре были Игорь Ильинский, Михаил Жаров, Рина Зелёная, Георгий Тусузов, Марк Местечкин, наконец – Михаил Гаркави. Можно сказать, что будущий мэтр конферанса впервые попробовал себя именно в этих стенах и как поющий артист.

Жаров вспомнил один эпизод, связанный с совместным исполнением с Гаркави куплетов. Это были куплеты Эрдмана «Москвичи из Чека, го», изящные и остроумные, иногда – злые и ядовитые. Среди зрителей были известны деятели эстрады 20-х годов – Фореггер и Масс. Экспромтом артисты пели:

Я – Николай Фореггер,
Известный культурегер.
Могу поставить вам канкан,
Могу устроить и шантан
От начала до конца
Ламца-ламца, а-ца-ца.

Публика не дремала. Тут же следовала стихотворная «ответка» Массы. Артисты не терялись:

Снова мы – Жаров и Гаркави,
Мы равнодушны к славе.
И так нас знает целый мир,
Не только «Нерыдай» трактир.
У нас куплетов масса,
Не то, что вот у Массы.
Мы экспромтим без конца
Ламца-дрица, а-ца-ца.

Так что, как вы сами видите, «бой» шёл на равных, и в маленьком зале было весело. Значительно позже, на одном из концертов в Зелёном театре ЦПКиО имени М. Горького Гаркави с успехом исполнил песенку «Молодость» (музыка М. Блантера, стихи Ю. Данцигира и Д. Долева). Легко, несмотря на свою массивную фигуру, подтанцовывая, он напевал:

На газоне центрального парка
В темной грядке цветёт резеда.
Можно галстук носить очень яркий
И быть в шахте героем труда.

Для современного читателя может быть непонятно: как можно было «подтанцовывать» под политически выверенный, лишённый изначально какой-либо лёгкости текст? Представьте себе, что можно, и даже очень здорово! Во-первых, тот, кто в 30-е годы прошлого века хором или поодиночке напевал такие песни, тот, как правило, беззаветно верил в то, о чем он пел! А верить – это первое дело! Во-вторых, со сцены в присутствии многих зрителей её пел большой (во всех смыслах) артист, одинаково хорошо чувствующий три ипостаси: музыку, слово и аудиторию.

Однажды на очередном открытии сезона в саду «Эрмитаж» Гаркави вёл концерт на... качелях! Не знаю, его ли это была придумка или он воплощал чей-то оригинальный режиссёрский замысел, но

в результате москвичи и гости столицы стали свидетелями презабавного зрелища. «Гляди-гляди!!! ГАРКАВИ – И НА КАЧЕЛЯХ!!!»

- Здравствуйте, друзья москвичи! Открываем старинный московский сад «Эрмитаж». Первая программа! Гулянья! Музыка! Киоск с... витаминами. А какое же русское гулянье без вита... без качелей? Тяга, товарищи, к качелям, огромная! Но количество качелей лимитировано. Пока меня одного обеспечили! ...И всё-таки вам небось интересно, почему я полез на качели? Объяснения, товарищи, очень простое. Мы открываем 27-й сезон «Эрмитажа». Я выступаю здесь в 14-й раз из 28-ми возможных. В каком только виде я не выступал! В двадцать восьмом году – во фраке, в двадцать девятом – в костюме, в тридцать первом – тридцать втором – во смокинге, в тридцать пятом году - то Мефистофелем, то Онегиным одевался, в тридцать шестом меня из зрительного зала на носилках выносили. Да, чуть не забыл! В тридцать четвёртом году – на осле выезжал. В сороковом году в серебряном костюме выходил, под русалочку работал... В годы войны два раза в военной форме выходил. Дай, думаю, в этом году я на качели сяду. Всё-таки разнообразие! И, кроме того, совершенно серьёзно, товарищи, - это первый на нашей эстраде конференс на качелях! И мне хорошо, и вам приятно. А если что не так сказал, так разве я за это отвечаю? Меня же укачало, товарищи! И в прессе, между прочим, хорошо напишут: «Впервые в СССР! Конференс на качелях! Ново? Оригинально! И неожиданно. Вроде как бы «Торпедо» у «Динамо» 3:1 выиграло... (качается). Ух, хорошо! Ну а политическое качание, сами понимаете, совсем другое дело. Черчилля, к примеру, вон как качнуло, думаю, ему и на ноги не встать! А всё почему? Забыл, что ещё наш Александр Николаевич Островский сказал однажды в Малом театр: «Не в свои качели не садись!». А я-то на своих качелях своего производства. Родного. Они и не дадут качнутся лишний раз, и не подкачают, выдержат...

Затем, как бы желая закрепить всё сказанное, конференсье переходит на язык куплета:

*Я попросил один завод,
Чтоб тросы сделал он, и вот,
На этих тросах я стою
И гордо песенку пою.
Хоть я тяжёл, как кашалот,
Качанье тяжесть придаёт...
Тихо и плавно качаясь,
Срыва совсем не боюсь,
Воздухом всласть наслаждаясь,
Я сам себе дивлюсь.
И открываю программу,
Спев этот скромный куплет.
Вы, о, мужчины и дамы,
Примите мой тёплый привет.*

«Хоть я тяжёл, как кашалот...» Сколько раз на протяжении своей карьеры он обыгрывал собственную комплекцию! Сколько раз публика дружно смеялась в ответ! Сколько раз критика ехидно, а порою и откровенно злобно укоряла артиста за это! Частенько он становился крупной во всех смыслах слова мишенью для эпиграмм:

*Он обладает редким даром
К программе вызвать интерес,
И говорят о нём недаром:
Артист большой имеет вес!
(А. Рейжевский)*

Но это – признание в любви по сравнению с такой «колючкой»:

*Что толст он – это не беда,
Беда, что тонок не всегда!
(А. Раскин)*

Что ж, Михаил Наумович просто обожал подобные «подколы», часто вызывал на них оппонентов, а потому со свойственной ему невозмутимостью писал:

*Он самый крупный из униформистов
И в малых формах он души не чаёт,
А формы малые любить любовью чистой
Ему большая форма не мешает.*

В самом деле, укорять Гаркави за обыгрывание своей фигуры было так же бессмысленно, как укорять настоящего кашалота за любовь к водным процедурам. Между прочим, он был не первым, во всяком случае, не единственным конферансье, обыгрывающим свои габариты. Любил это делать, например, и Александр Глинский.

Вернемся к нашему обаятельному «кашалоту на качелях». Гаркави наступал:

*Да, я тяжёл, как бегемот,
Предупреждал меня завод,
Что самый толстый трос стальной
Тотчас же лопнет подо мной.
Друзья вокруг кричали все:
Убьётся наш конферансье!
Я сел, рискуя головой,
И вот, пока ещё... живой!
Тихо и плавно качаясь
Всех привожу я в раж
Еле стоит, содрогаясь,
Театр стоит «Эрмитаж».*

Далее в песенном монологе Гаркави обращается напрямую к залу – по принципу «»мне сверху видно всё, так и знай».

*Качаясь сильнее, сильнее
Я в этом смысл нашёл:
Мне сверху отсюда виднее,
Кто с кем пришёл.
Вот эта дама каждый год
Со своим супругом в сад идёт:
В губах - кармин, в ресницах – тушь,
И каждый год с ней новый муж.*

Ясно, что Гаркави не адресует спич какой-нибудь конкретной даме в каком-нибудь седьмом ряду, но вероятность того, что часть публики может так подумать, достаточно велика. Это похоже на дореволюционного балаганного зазывалу, «подкалывавшего» зрителей, обращаясь к одному из них: «Ты чего чужой карман шаришь?». Об этом подробно написано в известной книге А. Некрыловой «Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища». Люди начали вертеть головами, выискивая воришку...

В принципе, для человека, работающего в куплетной, «контактной», манере этот стиль вполне приемлем – провокация как способ воздействия на публику. Вполне в законах жанра. Но в следующем куплете конференсье впадает в морализаторство, а может и в самом деле куплетиста укачало?

*Хотите модной дамой быть?
Теперь не в моде эта прыть.
В почёте прочная семья,
Возьмите хоть пример с меня.*

Учитывая, что на сцене стоял человек, женатый в третий раз, последняя строчка спасает куплет от скучной назидательности и превращает его в забавный:

*Тихо и плавно качаясь,
Дань отдавая весне,
С публикой нежно прощаясь,
Я побегу к жене.*

Ни дать ни взять – ария конференсье на качелях! Пишу эти строки и вдруг подумал: как жаль, что Гаркави и оперетта никогда не пересекались! С высоты сегодняшнего дня можно по разному относиться к содержанию куплетов, но не может не вызвать симпатии тот по истине студенческий задор, которым было переполнено выступление артиста!

Читателя, возможно, заинтересует и такой факт. Друг знаменитого коллекционера Валерия Сафошкина - Леонид Шемета, занимающийся историей популярных песен, сделал в какой-то степени сенсационную находку. Оказывается, знаменитую утёсовскую «Песню старого извозчика» первым в концерте стал петь Михаил Гаркави и делал это так мастерски, что Леонид Утёсов, увидев этот номер, пришёл в восторг, а впоследствии сделал свою версию этой песни и записал её на пластинку!

Существует и другая информация о «песенном» творчестве Гаркави, принимать которую можно с любопытством, но, вместе с тем, с осторожностью.

Варлен Стронгин¹⁸ в своей книге «Тюрьма и воля Лидии Руслановой» пишет о знаменитой эстрадной паре тех лет: *«Когда и как они познакомились, как развивались их чувства, история умалчивает... Я не знаю в каком году влюблённые очутились на Чёрном море, на курорте в Гаграх, но я точно знаю, что молодой человек написал там прекрасную песню и посвятил её своей любимой. Возможно, это была единственная песня в его музыкальном творчестве, как единственной бывает первая и единственная любовь. Я помню первые строчки этой песни: «О, море в Гаграх, о, пальмы в Гаграх...» ...Со дня возникновения этой песни прошло не менее семидесяти лет, если вы сейчас... попадёте в Гагры, то пианист оркестра в местном ресторане «Гагритии» непременно напоёт вам эту песню, ставшую если не гимном, то символом курорта. Запомните имя автора музыки и слов: Михаил Гаркави».*

Приведу несколько личных соображений на этот счёт.

Сперва я по-детски обрадовался, когда узнал об этом факте – коллекционеры и исследователи меня поймут! Но тут же зашёл в Интернет, где меня ждало разочарование. Первый же сайт выдал имя неизвестного мне автора. Называть его имя - ещё больше запутывать собственного читателя.

¹⁸ Варлен Львович Стронгин — советский и российский писатель, журналист, редактор.

На других сайтах я узнаю, что автор неизвестен и что, вообще, эту народную (городскую) песню написал кто угодно, только не Гаркави.

Так что я не стал бы на месте Стронгина так уверенно утверждать авторство «Моря в Гаграх» за Михаилом Наумовичем. Версия, и не более.

Архив конференсье, сохранившийся в фондах РГАЛИ, свидетельствует о том, что авторство куплетов, песенок и песен Михаил Наумович написал не одну и не две.

Там же я нашёл черновую машинописную копию письма крупному партийному чиновнику тех лет Л.Ф. Ильичеву. В нём обнажились противоречия личности Гаркави, как и времени, в котором он жил. Письмо было написано к очередному апрельскому пленуму ЦК КПСС: «Зная, что 28 апреля на пленуме Вы делаете доклад, хочу поделиться некоторыми своими соображениями. Быть может, они Вам пригодятся. Считаю это своим долгом, как член КПСС».

Не секрет, конечно, что формирование идеологии молодёжи оставляет пока желать лучшего. Из опыта артиста, уже свыше 40 лет имеющего общение со зрительным залом, вижу, что, если ещё недавно выступить перед молодёжью и студентами было всегда радостно и приятно, теперь, к сожалению, совсем не то. Молодёжь, не вся, конечно, заражена каким-то стремлением к модерну в плохом смысле этого слова, потеряла столь характерную для молодых непосредственность и не любит ничего серьёзного. Мне, проводившему все комсомольские концерты в 1923 – 1933 годах, это особенно заметно. Естественно, я стал анализировать – откуда это? Откуда такая любовь к Окуджаве, эта любовь к стихотворному... трюкачеству? Я пришёл к выводу, что у нас недостаточно обращают внимание на формирование вкуса и идеологической направленности молодёжи...»

О многом, волнующем этого ещё не очень старого человека, но артиста с богатейшим жизненным опытом, написал любимец публики – остряк и душа Михаил Наумович Гаркави. Честно признаюсь, от некоторых пассажей (как, например, несправедливых выпадов в адрес Окуджавы) хочется откреститься, убедить сначала себя. А потом и своего читателя: нет, это не слова Гаркави, живо откликнувшегося на всё новое и оригинальное в нашем искусстве! В какой момент столичный бонвиван и живчик превратился в старого брюзгу, не желающего понимать простой закон жизни: новое время рождает новые песни?

Но из песни, как известно, слов не выкинешь... Гаркави не принял или не понял великого барда, принёсшего на нашу эстраду, в нашу культуру и мировоззрение, вместе со своей скромной гитарой и чуть слышным голосом, целую эпоху! Как автор письма мог писать, что молодёжь потеряла любовь «к чему-то серьёзному»? У слушающих сегодня Булата Окуджаву, язык не повернётся назвать его вещи «однодневками», «случайными» и «несерьёзными». Попытка стать идеологическим подпевалой Коммунистической партии, от имени которой он и решил написать своё письмо, не помешала Гаркави... включить одну из песен Окуджавы в свой репертуар! Парадокс? Абсурд? Нет, просто жизнь. Ежедневная советская жизнь с её двое-... - или даже нет, - много-мыслием. На собрании человек говорит одно, на кухне другое, а в кругу друзей третье, и четвёртое – наедине с собой.

А с одной из песен Окуджавы вообще получилась особая история. Мне рассказал её член правления ЦДРИ, талантливый композитор и пианист Алексей Лейбович Чёрный:

«Мой папа и моя мама Леонид и Флора Чёрные дружили с Михаилом Наумовичем и были членами его бригады во время войны. После неё родители развелись, и моя мама вышла замуж за Валентина Станиславовича Дашкевича – знаменитого акробата. (Была такая пара – Владимир Аникин и Валентин Дашкевич). Дядя Валя Дашкевич – мой отчим - был родом из Подмоскovie, и Гаркави его прописал у себя дома! Это потрясающая история! Потому что

Михаил Наумович был добрейший человек! Как там говорил Булгаков про квартирный вопрос? И все этого вопроса страшно боялись. А он не побоялся. Он провожал меня в армию. А до призыва... Я прилично играл на рояле и находился среди «золотой молодёжи». Я всех знал, и меня все знали. Стиляга! Джаз и всё такое...

И однажды Михаил Наумович меня попросил написать ноты песни про Лёньку Королёва, в то время, когда автор – Булат Окуджава – был мало ещё известен, и только всходил на Олимп. Я написал клавиш, а Михаил Наумович исполнял эту песню вместе с аккомпаниатором по моему клавишу...»

Самым глубоким, точным и талантливым исследователем творчества Гаркави был, на мой взгляд, Эмиль Шапировский. К такому убеждению я пришёл, «проглотив» его очерк о Михаиле Наумовиче «Хозяин концерта»! Остановимся на том месте, где Шапировский сравнивает Гаркави-куплетиста и Гаркави-шансонье и обращает внимание своего читателя на то, что «...первый весь упор делал на предельном выявлении политической остроты номера, приближении его к публицистическому звучанию. Центр тяжести переносился на слово, как таковое. Актёр не играл своих персонажей, а рисовал их сатирические портреты... Второй – шансонье – сохранял музыкальный образ песни и в аккомпанементе и в исполнении. На мелодии, можно сказать, строился и весь эмоциональный эффект актёрской игры... Не превращаясь в вокалиста, исполнитель всё же позволял себе более свободно и чаще переходить от речитатива к пению, однако зная такт и меру. Песня оставалась песней, - пишет Шапировский, - хотя раскрытие её драматургии достигалось средствами, присущими разговорному жанру».

Глава восьмая

О желчи, анекдотах и остроумии

Вы воспринимаете уроки только тех, кто принимает вас и уступает вам дорогу? НЕ пробовали ли вы воспринимать великие уроки тех, кто не принимает и отвергает вас и не уступает вам дорогу?

(У. Уитмен)

Собирая по крупицам биографию моего героя, я всё больше убеждался в том, что Гаркави был богатым человеком. Нет, я не про материальное. Не про его гонорары, любовь к антиквариату, бегам, «сочным женщинам», живописи.

Он был богатым как артист в смысле внимания прессы.

Да и как можно было тогдашним акулам, пескарям, бычкам и малькам пера обойти столь колоритную личность!

Моё внимание привлекла пожелтевшая газетная вырезка, возраст которой не может не вызывать восхищение. Всё-таки «старушке» давно перевалило за семьдесят – 1933 год! Издание тоже уважаемое – «Вечерняя Москва». Но само содержание вызвало во мне вихрь иных чувств.

Название статьи носит несколько кулинарный характер: «Об эстраде, программе и перце» (автор Евг. Бермонт). Привожу её почти полностью:

«Конферансье Мих. Гаркави, представляя балетную пару (Соловьёва и Александр Девис), сказал, что «если у танцовщицы плохой характер, то танец всегда хороший и наоборот. В данном случае «наоборот» - у Соловьёвой, по-видимому, очень хороший характер. В чём соль, в чём «яд» этой остроты Гаркави – доискаться невозможно. Ну, это хоть коротко. А то начинается, например, томительное разглагольствование на тему о классическом балете. Раньше, дескать, к нему относились с предубеждением. Говорили, что он построен на эротике. Эротика – утверждает Гаркави – слово непонятное – попросту на половом вопросе». Решили заменить классический – производственным, самый же производственный танец – чечётка. Высшее образование полотёров...

А вот, товарищ Гаркави, в трактирах раньше половые были. Помните? О них ещё Форель писал... Хи-хи-хи. Остроумно? А? Используйте. Конферансье просто не хватает... остроумия. И тогда работу языком он заменяет работой плечами, телом, используя природные данные своего массивного организма. Это выходит лучше. Когда слушаешь Гаркави, думаешь, как необходим нам хороший конферансье. Ведь это перец в программе, лавровый лист, специя, которую кладут в похлёбку для остроты, для запаха, для пряностей. Ну а если вместо лаврового листа класть дубовый? Невкусно. У нас есть единственный конферансье «высокого класса», актёр весёлого таланта с ядовитым языком, конферансье, который не повторяет заученных старых анекдотов, а творит, стоя у рампы. Это А.Г. Алексеев».

О том, какие эмоции проснулись во мне, когда в тишине читального зала Российской государственной библиотеки по искусству я наткнулся на эту рецензию – рассказывать не стану. Потому что читателю нужны не эмоции, а бесстрастный анализ творчества одного из эстрадных корифеев своего времени. Я это понимаю, но, право же, трудно в этой ситуации сохранять в себе спокойствие патологоанатома!

Тем не менее, попробуем всё взвешенно обсудить.

Не знаю, как у вас, дорогой читатель, но у меня нигде по близости нет пункта проката машины времени. Я не могу переместиться на семьдесят восемь лет назад и оказаться на том концерте. Единственное, что я могу сделать, так это сопоставить некоторые факты.

Вспомним дату публикации: 1933 год. Официально считается, что самостоятельно Гаркави начал конферировать с 1928 года¹⁹. Следовательно, на тот момент он плотно работал в этом жанре пять лет. Уже?.. Ещё?.. С какой стороны посмотреть. Даже при необходимом минимуме природных данных, мастерство конферансье шлифуется годами.

Далее. К этому времени за спиной Михаила Наумовича были годы работы во всевозможных театрах и мюзик-холлах, участие в «Синей блузе». Он намотал сотни километров гастрольных дорог, выступал перед разномастной публикой: извозчики, нэпманы, военные, совслужащие... Неоднозначный уровень вкуса, у каждой социальной группы своё представление о том, что пошло, а что нет, что смешно – что не смешно.

Эти годы стали годами формирования вкуса и у самого Гаркави.

Он пробовал, ошибался, учился, выпитывал, рисковал, экспериментировал и проверял. А скоро, как говорит Остап Бендер-Задунайский, только кошки родятся.

Как там пишет Бермонт? «Заученные старые анекдоты»? Всё правильно. Стало быть, Гаркави в то время было удобнее работать со старыми и заученными анекдотами, чем с новыми, но невыученными!

Шёл напряжённый, не всегда бесполезный поиск своего репертуара, своего творческого «я». Нормальный процесс.

Между прочим, юмор, как таковой, даже на самом его «верхнем» уровне тоже выглядит не настолько уж отлитым из бронзы, как может показаться на первый взгляд. В статье одного из ведущих литературных критиков и поэтов русского зарубежья Георгия Адамовича приводится мнение писательницы Надежды Тэффи. Она утверждала, что при чтении Гоголя даже не улыбается, а не то, что смеётся. «Очевидно, - резюмирует Адамович, - понятие смешного до крайности растяжимо». Гоголь, разумеется, остаётся Гоголем, но ведь и Тэффи в юморе кое-что понимает!

Впрочем, я отвлекся.

Теперь по поводу противопоставления М. Гаркави А. Алексееву. Его, Алексеева, творческий почерк, как конферансье, его манера и стиль давно признаны едва ли не эталонными в среде самих конферансье. Но и то, что Гаркави считал Алексеева своим учителем, а Алексей, в свою

¹⁹ По версии М. Вострышева – с начала 1923 года, когда Гаркави был привлечён к конферансу в театре-кабаре «Нерыдай!»

очередь, гордился учеником, тоже сомнений не вызывает. Конечно, как и подобает мэтру, Алексеев мог и пожурить, если надо, своего «ученика», а куда ж без этого?!

Но вот что интересно.

Евг. Бермонт, и это нельзя не признать, даёт очень точное определение творческого стиля конференсье Алексея Алексеева: «Творит, стоя у рампы». Обратим внимание на эту фразу. В том-то и дело, что когда тот же Алексеев был в чём-то недоволен своим подопечным, то недовольство это заключалось именно в нюансах поведения *Гаркави творящего, «стоя у рампы»*.

Выскажу, быть может, спорное мнение. «Юмор напрокат», как иногда называют анекдот, никогда не был «коньком» для Михаила Наумовича ни тогда, ни позже. Он и не стремился на этом поприще взять пальму первенства – у него своих «пальм» было с ботанический сад! В веках он останется, как гениальный враль. А кому хотелось посмеяться над анекдотами – спешили на концерт Леонида Утёсова.

В своей знаменитой книге «Серьёзное и смешное» Алексеев рассказывает:

«Михаил Наумович Гаркави считал меня своим учителем на поприще конференса. В чём же состояло его ученичество и моё учительство? Студийной работы я не вёл: когда мы встретились, Гаркави был уже хорошим характерным актёром, прошёл школу МХАТ и начинал понемногу конферировать. В 1925 году мы поехали на гастроли в Ростов и Минеральные Воды. Конферировал я. Гаркави мне помогал. А было у нас с ним так: перед каким-нибудь номером Миша просил меня: «Алексей Григорьевич, дайте, я сейчас поговорю». Он шёл на просцениум, а я стоял за занавесом наготове: если Миша зарпортуется или обидит кого-нибудь, я тут как тут и перевожу разговор в другое русло. Ведь я хозяин концерта и отвечаю за ошибки молодого Гаркави. Михаил Наумович и позже любил вызывать зрителя на разговор, экспромтом отвечал на вопросы, на записки, и делал это всегда занимательно, изредка не очень остроумно, но всегда «с пылу с жару»: отвечал моментально. Но тогда, в 1925 году, он делал это неправильно. Я всегда считал, что, если кто-либо из публики заденет вас грубо, пошло, оскорбительно, бейте его безжалостно, издевайтесь над ним – зрители будут на вашей стороне. Гаркави же в те времена нарочно вызывал кого-нибудь из зрителей на разговор, незаметно наводил на нужную ему реплику и бил заранее приготовленной злой шуткой, стараясь повеселить зал издевкой над неповинным зрителем. Я категорически запретил ему делать это: «Человек пришёл в театр получить удовольствие, и он не враг вам, а друг, а вы его ни за что ни про что срамите перед всем залом. Нельзя так! И Гаркави, умный, талантливый человек, согласился со мной. ...Наутро мы поехали со спектаклем в Пятигорск. Представьте себе переполненный вагон, многие стоят. Актёрики наши играют в игру. Задают друг другу загадки, скажем, так: что такое – начинается на Ц, кончается на К, пять букв, сукин сын? Оказывается – щенок, и весь вагон смеётся. Когда очередь загадывать дошла до Гаркави, он привстал. И какой-то пьяноватый человек плюхнулся на его место. И хотя все кругом протестовали, он не уходил и уже начал грубить. Тогда Миша громко сказал: «Игра продолжается! Что такое – начинается на Х, кончается на М, встречается иногда в вагонах? – Правильно, «хам»!» - и в упор посмотрел на обидчика. Весь вагон долго хохотал, а Миша победоносно взглянул на меня. Я в душе радовался его находчивости и остроумию, но из не-да-го-ги-чес-ких соображений укоризненно покачал головой».

Эти слова «учителя» об «ученике» принадлежат свидетелю, участнику и, в каком-то смысле, инициатору описываемых событий. Из процитированного фрагмента видно, сколь малое представление имел к 1933 году критик Бермонт о выбранной им «мишени» для своих критических стрел. Это как в той русской поговорке «Слышал звон, да не знает, где он». Его язвительное сопоставление двух разных творческих натур – Алексеева и Гаркави, выглядит, по меньшей мере, неуместным.

Заученные старые анекдоты, как это не дискуссионно звучит, конференсье порой необходимы, ибо это промежуточная остановка по дороге творческого поиска и «проверка себя». Молодой, настырный и самозабвенно влюблённый в Эстраду Михаил Гаркави уже хорошо это понимал!

И вообще. Что бы там господа критики не писали, но у конференсье, в конце концов, нет иного способа утвердиться (или разочароваться) в той или иной шутке или анекдоте, кроме как опробовать их на публике²⁰! Ну нет и всё тут!... В противном случае будет мрак, неуверенность и топтание на месте. Да, шутку Гаркави про хороший характер танцовщицы Соловьёвой и рассуждения о «половом вопросе» я бы тоже не записал в разряд удач, но и что с того?

В творчестве по одному событию судить о явлении в целом – нельзя, ибо идущий по этому пути рискует оказаться в нелепом положении. Впрочем, судя по дальнейшей победной творческой судьбе Михаила Наумовича, с Бермонтом так и получилось.

Подведём некоторые итоги. Так уж получилось, что не по воле самого автора, в этой главе выведен ещё один герой – эстрадный критик. Неприятный, едкий, колючий, желчный, но – критик. Кстати, досталось от него в той статье и Лидии Руслановой: «...поёт этнографические русские песни так, как в русской деревне их уже никто не поёт».

В общем, такой «разгром» учинил тов. Бермонт, какой не снился никакому Фадееву!

Вы не поверите, дорогой читатель, но я скучаю по таким вот «врединам»! Хотя я и не мазохист. Бояться нынешним конференсье их не надо. Как профессия – «эстрадный критик» - даже не может быть занесён в «Красную книгу», ибо давно уж нет такой профессии. Её заменили «обзоры» в «жёлтой прессе» и пересуды в Интернете, но это, сами понимаете... Другие времена, другие нравы.

А всё-таки без критиков скучновато. Некоторые из них, как, например, тов. Бермонт, были очень забавными, наделёнными неподдельным чувством юмора. Ведь только остроумный критик мог бы заявить, что Гаркави (!) не хватает... остроумия!

PS: На Новодевичьем кладбище, где завершили свой жизненный путь немало наших выдающихся современников, я, когда есть возможность, навещаю могилу Михаила Гаркави. Естественно, всякий раз возникает желание увидеть и другие, не менее «знаменитые» участки... Справа от могилы советского писателя А. Фадеева²¹, я однажды наткнулся на место упокоения неутомимого критика конференсье - Евг. Бермонта.

Так остывают страсти. Хотя...

²⁰ Добавлю с позиции действующего ведущего: а также - игры, конкурсы, викторины, «прикольные» призы... В нашей профессии надо пробовать.

²¹ Сравнение с «Разгромом» А. Фадеева пришло мне на ум задолго до того, как я узнал о месте упокоения Евг. Бермонта. Случайное совпадение?

Глава девятая

Бой до последнего... концерта

Это что за отряд?
Про него говорят:
Не сапёры, не связисты,
Но дела, говорят, боевые творят –
Фронтовые друзья-артисты!

(Из фронтового фольклора)

Кто такой «военный человек»? Призванный в армию? Надевший форму? Взявший в руки оружие? Вставший в строй? Безусловно. Но с того момента как страна услышала по радио знаменитую речь В. М. Молотова, в Советском Союзе к очень многим специальностям можно было приставить слово «военный». Военный повар. Военный портной. Военный журналист. Военный инженер. Военный врач. Да мало ли!

Михаил Гаркави один из первых в своём эстрадном «цехе» освоил уникальную специальность военного конферансье. Когда случилась беда, и жизнь пошла по иному, военному, времени, - кого, прежде всего, можно было бросить на эти «опасные гастроли»? Конечно, Гаркави! Тем паче, что к началу 1941 года у него уже был немалый опыт работы в войсках. И не только в мирное время.

За его плечами уже было участие в финской компании. Концерты проходили, как правило, под открытым небом. Гаркави вместе с Л.А. Руслановой дали сто с лишним концертов за 28 дней! В бригаду артистов также входили постоянный аккомпаниатор, виртуоз на саратовской гармошке В. Максаков, баянист И. Голый, братья Набатовы, жонглёр Спивак, вокальный дуэт Хромченко и Юровецкий, танцевальная пара А. Рейдель и В. Хрусталёв выехали на финский фронт зимой 1940 года.

Об этом периоде его работы стоит рассказать подробнее. По свидетельству одной из спутниц Гаркави в его бесконечных гастрольных маршрутах, танцовщицы Анны Рейдель, путешествовали они как попало: то на автобусе, то на дрезине, то на самолёте, то на санях, шли иногда на лыжах. В ту зиму на севере стояли жесточайшие морозы. Выступали и в блиндажах, и в небольших, искусственно замаскированных землянках, в ангарных палатках и походных госпиталях. Попадали под обстрел – всякое бывало... Ближе к передовой концерты давали порой в фанерных, почти летних домиках, наши солдаты воздвигали из «на ходу» взамен домов и посёлков, уничтожаемых противником при отступлении. Никаких подмостков – артисты находились в узком проходе между двухэтажными нарами, где располагался зритель. Если внезапно отказывал «движок» и на сцене гас свет, в зрительном зале немедленно вспыхивали огоньки карманных фонариков, освещавшие исполнителей. Но хотя в глубине дома стояла маленькая печурка, раскалённая докрасна, все выступающие, кроме танцоров Рейдер и Хрусталева, выступали в ватниках. Ночуя в подобных домиках, артисты даже не раздевались – холод был страшный, несмотря на походную печурку. Спали на верхних нарах, головой к мёрзлой стенке, а ноги в валенках – только что не дымились вместе с печкой. О том, насколько хрупким было всё это сооружение, можно судить по такому

случаю. Однажды Хрусталёв, возможно, слишком плотно, чем надо, прислонился к стене и... вылетел с нею прямо в сугроб.

Таким образом, имея за плечами опыт финской компании, Гаркави встретил 22 июня 1941 года во всеоружии своей профессии. Профессия военного конферансье стала для него настоящим призванием! Он находил особое удовольствие оказываться на таких опасных участках фронта, куда и военный-то человек отправлялся с замиранием сердца! Вот о чём поведал своим читателям Ф. Носков на страницах журнала «Эстрада и цирк»: *«Командир партизанского отряда «Во славу Родины» рассказывал, что он, кажется, был удивлён только один раз в жизни: когда в его отряд, находившийся в окружении, в кольце, из которого уже много дней и ночей пробивал себе выход, с Большой земли прилетел очередной самолёт с боеприпасами. «Я разинул рот, - рассказывает командир отряда, - когда увидел, что из аэроплана, как ни в чём ни бывало, вылез толстый улыбающийся человек и доложил мне, что он артист Гаркави, который прилетел дать несколько концертов в частях, находящихся в моём распоряжении. Если бы епископ Кентерберийский прилетел в это время узнать, как моё здоровье, я бы, наверное, удивился меньше, чем увидев у себя этого концертанта. Какие уж он там давал концерты и как его сумели отправить обратно, я не помню. Но помню, бойцы говорили, что, если у этого человека есть какие-нибудь грехи на душе, их стоит отпустить за такую честную работу актёрскую...»*

Жизнь артиста фронтовой бригады. Что известно о ней нашему современнику? Что-то, разумеется, известно, предположим, из пьесы Г. Горина «Прощай, конферансье». Андрей Миронов, а за ним и Михаил Державин сыграли главного героя, что называется, и с любовью, и со знанием дела. Поставленная в Московском театре Сатиры, она показывала вполне реальные будни фронтовых артистов. Будни, наполненные почти ежедневными концертами, встречами и таким же ежедневным смертельным риском. Борис Филиппов в «Записках «Домового»» опубликовал страницы из своего военного дневника. Любители «старой» эстрады наверняка слышали об этом, по-своему уникальном документе. Благодаря Б. М. Филиппову сохранилась история о Нонне Тимофеевне Якушевой, военная судьба которой достойна отдельного рассказа. Она получила медицинское образование в Воронеже и в первые дни войны была призвана в армию. Перевязывала раненых, отстала от части. Отступая вместе с двенадцатью ранеными бойцами, встретила отряд фашистов и вступила с ними в бой. Застрелила из нагана фашистского офицера. Вырвавшись из окружения и подбирая по пути оставшихся красноармейцев, она возглавила отряд, насчитывавший уже 50 человек. Отряд попал в «мешок», выйти из которого можно было только пройдя деревню, занятую фашистами. Красноармейцы пробились без всяких потерь. Операцию возглавляла Нонна Якушева. За этот подвиг была награждена орденом Красного знамени. Гаркави, чьим коньком, как известно, были чтения со сцены стихов, посвящённых бойцам и командирам, посвятил Нонне Тимофеевне песенку. Солдаты аплодировали. Якушева вспыхивала ярким пламенем и немного сердилась. Такая вот история.

По сей день мы смотрим сюжеты по телевизору, как там-то или там находят неразорвавшиеся снаряды времён Второй мировой. Их оставили враги или свои - уже не важно – была война... А как быть с «литературной миной», подложенной в наше настоящее, а значит и будущее? Она хитро сделана, эта мина. Дождётся своего книгоглотателя, разлетится на кусочки, а потом – хоп!» - и опять соберётся в прежнем виде целая и невредимая, в ожидании следующего Привожу небольшой фрагмент из романа Василия Аксёнова «Московская сага. Война и тюрьма...»:

«Артистов... по фронту шаталось великое множество, немало было и простой, как мычание халтуры, бригады сколачивались наобум, боема охотно валила развлекать «бесстрашных воинов», а в основном подкормиться у полевых кухонь, разжиться тушённой. «Красота кабаре» к тому же была не прочь прокрутить в блиндаже блиц-романчик...»

Градус неприязни писателя здесь столь очевиден, что возникает вопрос: а не замешано ли здесь что-то личное? И что лично господину Аксёнову сделали те, о ком он пишет?! Выражаю «признательность» автору романа за «шатающихся по фронту» артистов и за «красоток кабаре», «кувыркающихся» «в блиндаже». Думаю, что отдельное «спасибо» Аксёнову скажут ветераны Великой Отечественной войны, а также родные и близкие тех, кто не вернулся и чьё бесстрашие автор вдруг взял и закавычил. Всего и делов!

Я об одном жалею. Что жизненные тропы советско-диссидентского писателя Василия Аксёнова и нацистского пропагандиста Йозефа Геббельса не пересекались. Герр рейхминистр мог бы многому научиться у автора «Саги»! А то сыпал, понимаешь, с самолётов свои дурацкие листовки, влияние которых на умы наших граждан было так себе, а пользы для самокрутки, растопки печки, да по нужде... А тут - посмотрите! Эка свой лупит по своим! Загляденье!

Но вот вам другое свидетельство. Известный эстрадный автор Владимир Поляков писал: «Снаряды падают рядом. А весёлый Владимир Хенкин читает свои юмористические рассказы, и тысяча солдат смеются... Сквозь рошу, обстреливаемую фашистами, бредут короли смеха – Рудин и Корф, чтобы погибнуть героями».

Об этом, поистине трагическом эпизоде стоит рассказать подробнее.

Ей был присвоен 13-й номер, и в её составе числилось 13 человек. На Западный фронт она поехала 13 сентября в 13 часов. (Впоследствии участники бригады вспоминали, что и суточные были установлены в размере 13 рублей!). Бригаду сформировал директор ЦДРИ Лев Лебедев. Состав: Р. Холодов, В. Токарская, Я. Рудин, Р. Корф, Н. Политикина, В. Мирсков, Р. Бригиневич, трио Макеевых, А. Бугров и аккомпаниатор Розенберг. Анна Рейдель и Михаил Хрусталёв вспоминали позднее, что в сентябре сорок первого года фронт напоминал слоённый пирог: трудно было разобрать, где свои, где немцы. Деревни переходили из рук в руки, грозила опасность оказаться в окружении... Так и случилось с концертной бригадой, посланной им на смену. Постараюсь коротко изложить ход событий, запечатлённый Б. Филипповым в книге «Актёры без грима».

До начала октября бригада выступала с концертами в районе Вязьмы. 4 октября их зрителями должны были стать бойцы 16-й армии, которой командовал К. Рокоссовский. 2 октября бригада прибыла в штаб, где её собиралось принять командование армии. Дежурный офицер сообщил, что командование не может принять артистов, поскольку в расположение части просочились немецкие танки. Офицер посоветовал артистам двинуться на Москву или перейти, в крайнем случае, на обслуживание второго эшелона. На самом же деле дежурный офицер не хотел волновать впечатлительных артистов – положение на фронте обострилось до предела...

События застали бригаду №13 в наиболее трудный момент битвы под Москвой, когда бросок противника к ближним подступам столицы ещё не был приостановлен. В этот критический период Корф высказался за продолжение работы. На короткой летучке актёры решили выполнить свой долг до конца. Бригада нашла приют в редакции фронтовой газеты. Вместе с сотрудниками газеты артисты скоротали ночь на 4 октября. В половине пятого утра их разбудил сигнал тревоги: в

грузовую машину, а потом... А потом началось метание из стороны в сторону. Машина всюду натыкалась на КПП и патрули. Так прошли сутки. Все дороги были замкнуты противником. Во время этого бесплодного метания бригада №13 встретила комбата Некрасова с небольшой группой бойцов. Цель была одна: пробиться на восток. С 5 по 7 октября бригаде было тяжелее всего. В какой-то момент Лев Лебедев отдал приказ оставить вещи в машине и идти пешком. Быть может, в это время с артистом цирка Владимиром Макеевым произошёл психический шок. Коллеги его стали опекать, но он ускользнул от их наблюдения и исчез навсегда. 7-го октября артисты оказались в лесу, чуть западнее Вязьмы. Под прикрытием наспех сколоченной безымянной воинской части, они продолжали свой путь. Лебедева сначала ранило, потом он погиб от разрыва мины.

Дальнейший ход событий в его абсолютной точности уже вряд ли удастся восстановить. По версии Рейдель и Хрусталёва²², Рудина и Корфа повесили, в книге В. Строгина²³ – расстреляли, а Б. Филиппов²⁴ пишет, что Рудин потерялся, Корфа ранило осколком в голову, ему оказали первую помощь, а затем... *«Корф был бледен. Потеряв контроль над собой, он побрёл как слепой, вглубь леса, с пледом, пререкинутым через руку – их дорогой «пупсик», - как интимно называли Корфа в своей среде. Уцелевшие в этом хаосе битвы актёры больше не видели своего старшего товарища. Его навсегда поглотила лесная чаща. Печальная ирония заключается в том, что «хаос битвы», в котором оказалась бригада №13, породила и хаос в свидетельствах её мемуаристов. Хотя, допускаю, что идущий, как слепой в глубь леса Корф с пледом, перекинутым через руку – настоящая находка для кинематографистов».*

Завершая свой рассказ о бригаде №13, Б.М. Филиппов делает главный вывод: *«Нет никаких сомнений, что Р. Корф и Я. Рудин - погибли».*

И как следствие, автор книги, которую читатель держит сейчас в руках, делает свой главный вывод: об артистах, нередко милых, простодушных, даже не успевших до конца осознать в какое пекло они попали волею судьбы, такой авторитетный в читательском мире писатель, как В. Аксёнов мог бы говорить и повежливее...

А ещё я вспоминаю детские зонтики из фильма Семёна Арановича «Торпедоносцы», покачивающиеся на волнах – всё, что осталось от артистов-лилипотов... Вспомните искажённое от боли лицо героя Родиона Нахапетова, ставшего очевидцем гибели концертной бригады: *«Карать!!! Карать!!!»*

Но вернёмся к Василию Аксёнову:

«...Вёл программу знаменитый московский толстяк, любимец сада «Эрмитаж», конференсье Гаркави. Участвовали звёзды первой величины: Эмиль Гилельс, Давид Ойстрах, Любовь Орлова, Нина Градова... После музыкантов Гаркави, облачённый во фрак с пожелтевшей со времён нэпа манишкой, читал какой-то бесконечный фельетон. Он то впадал в стекленеющий патриотический транс на тему «Не смеют крылья чёрные над Родиной летать» и тогда застывал время от времени в монументальном величии с отвалившейся чуть в сторону челюстью, то вдруг весь поджимался, позорно юлил и суетился, изображая презренных врагов...» И так далее и тому подобное...

²² А.Рейдель, М. Хрусталёв – «Никогда не забыть», «Музыкальная жизнь» №3, 1965

²³ В. Стронгин – «Тюрьма и воля Лидии Руслановой», 2009 г.

²⁴ Б. Филиппов – «Актёры без гримма», 1971 г.

Я не призываю писать исключительно иконы с тех, кто не взял в дни войны в руки оружия, а остался со скрипичным смычком, арфой, рояльными клавишами или, как тот же Гаркави – с шуткой, добрым словом, куплетом. Среди них были разные люди. Но они честно выполняли свою работу. И любой из них рисковал своей жизнью не намного меньше, чем бойцы действующей армии. К тому же, бывший литературный стилиста показывает незнание того, о чём он пишет. «Знаменитый московский толстяк» на тот момент был знаменит далеко за пределами Москвы. Легче назвать уголки в нашей стране, где бы зрители не видели его колоритную фигуру. Какой уж там Эрмитаж?! Садам была вся страна!

В 1988 году жена Гаркави Л. Михайленко-Луарина передала РГАЛИ с другими материалами и фронтовой дневник мужа. В нём есть эпизод того, как возглавляемая им фронтовая бригада выступала в Ленинграде на борту линкора:

«Во время концерта линкор тряхнуло так, что рояль откатился на два метра, и руки пианиста повисли в воздухе. Я спросил капитана: «Что это значит?» Капитан ответил коротко, но вразумительно: «Ничего не попишешь – война».

Значительно позднее, подводя свои жизненные итоги, Гаркави писал: «Разбирая бумаги и книги, я отыскал записную книжку, обыкновенную записную книжку для телефонных номеров на переплёте которой стояла цифра 1941.

Первые четыре страницы - это просто книжка как книжка. И вдруг все записи перечёркнуты, и я читаю: 28 июля совещание по вопросу работы фронтовых бригад, и вслед за этим дата – 8 августа 1941 года».

Вот ещё несколько характерных записей в дневнике неизменного руководителя фронтовой бригады М. Гаркави:

Наша машина уже под Можайском. Проливной дождь сменяется солнцем. Мы в Вязьме. По небу проплывают самолёты со свастикой, летящие на Москву.

9 августа – первый концерт в авиачастях генерала Захарова. Концерт идёт на крыле самолёта ТБЗ. Вход на сцену, то есть на крыло – это лестница, уложенная из снарядных ящиков. Ощущение непривычное...

В этом же месяце в частях ныне маршала Конева присутствуем при встрече «Катюши». Честно говорю – выстрел испугал и нас.

Подъезжаем к заставе: «Стойте! Кто идёт?» - «Артисты» - «Ах, артисты, вас-то мы и ждём! Руки вверх, слезайте. Вы арестованы!»

Потом выяснилось, было недоразумение.

Сентябрь 1941 года. Южный фронт. 19 сентября подъезжаем к городу Сталино. Кругом затмение. Ночь провели на вокзале. Дали концерт эшелону в абсолютной темноте. Запрещено было зажигать огонь. Спрашиваю бойцов: «Ну, как концерт? Ведь ничего не видно?» - «Зато чувствовали мы вас очень хорошо, лучше, чем в мирное время».

Во время концерта (часть Аладинского) после первого номера подходит командир: «Получили срочное задание, прекратите концерт, только никуда не уезжайте. Прилетим, дослушаем». Через час прилетели. Прошёл ещё один номер. Вдруг опять вылетели на задание. Короче говоря, концерт шёл полтора дня, но программа была выполнена и нами, и лётчиками».

1942 год.

Ночь провёл на узле связи. Впервые услышал очень интересные позывные в частях Коробова: «Ресница», дайте «Слезу».

Идёт концерт в частях Морозова. В длинном сарае, набитом бойцами до отказа. В середине концерта. На сцену, отстраняя меня, выходит командир части и говорит мне: «Одну минуточку, товарищи, я должен дать несколько экстренных распоряжений». И, обращаясь к аудитории, говорит: «Первая, вторая, третья роты – к пункту сбора. Шофера – к машинам! Люди – к орудиям». И после того, как буквально все ушли, оборачивается ко мне и говорит: «Ну, продолжайте ваше дело». Впервые за мою артистическую жизнь концерт прекратился за полным отсутствием зрителей.

Даём концерт в клубе-землянке. Народу так много, что лампы тухнут из-за отсутствия кислорода.

Дороги из-за дождей так развело, что невозможно было подвезти продовольствие. Ни командование, ни артисты ничего не ели полтора суток. Ночью командир разбудил: «Вставайте, товарищи артисты, кухни приехали и привезли горячий гороховый суп».

Никогда ещё суп не был так вкусен, как тогда.

Один артист мечтал привезти своему ребёнку немецкую каску. Во время остановки поезда увидел лежащую каску. Артист было бросился за ней, но поезд тронулся, и он вскочил обратно в вагон, не успев дотронуться до каски. В это время какой-то мальчик бросился к каске. Каска взорвалась. Это была мина.

Маршал Советского Союза И.С. Конев, оценивший вклад артиста в поддержание боевого духа в войсках, прозвал Михаила Гаркави «маршал конферанса». Знали и любили Гаркави на фронте так, что удивлялись даже выдавшие виды командиры и политработники. «Горькавый приехал» - мгновенно разносилась весть по всем частям. Очевидцы рассказывали, как, подписывая пропуска на передвижение артистов в прифронтовой полосе, генералы в штабах не тратили на Гаркави бланки пропусков, говоря, что «этого толстого чёрта» и без них везде пропускают. Стоило ему показаться на любой заставе, как солдаты не смотрели ни на какие пропуска и говорили шофёру: «Давай, давай, это Горькавый с артистами! Проезжай!»

Из дневника М.Н. Гаркави

Немецкий городок Кунау. Просыпаемся от страшной канонады. Пейзаж ночного боя. Трассирующие пули, зенитки, пулемёты, автоматные очереди. По привычке ползком пробираемся к фронтовому Дому Красной Армии. Нас встречают смеющиеся люди, предлагают подняться с земли. Не понимаем, в чём дело. Поднимаемся и узнаём: «Победа! Германия капитулировала. У артистов на глазах слёзы радости!»

Запись была сделана 8 мая 1945 года. А 20 июня из Дрездена через Бреслау в теплушке бригада возвратилась в Москву. За войну она дала 1854 концерта. Тысяча восемьсот пятьдесят четыре! Война, как известно, длилась тысяча четыреста восемнадцать дней. Методом простого арифметического подсчёта нетрудно определить, сколько дней и ночей артист Гаркави и его бригада провели вместе с бойцами. На улицах Москвы «маршала конферанса» нередко останавливали незнакомые люди в шинелях:

- Здравствуйте! Не узнаете? Вы же были у нас под Харьковом. Возле Берлина, Дрездена, Праги... Ну, как поживаете? А ведь правда, незабываемое было время!

Гаркави был награждён редчайшей для работников искусства наградой –боевым орденом Отечественной войны первой степени. Он шёл по городу и люди оборачивались, увидев его массивную фигуру, громко называли его имя. Таксисты замечали его с середины улицы, тормозили у кромки тротуара, приглашали: «Куда вам, Гаркави? Садитесь - подвезу». Писатели-фронтовики просили, чтобы на их встречи приходил 9 мая.

В поварском колпаке, с черпаком, посреди уютного зала Центрального Дома литераторов, он наливал супец из настоящей походной кухни...

Добавление к этой главе появилось внезапно. Неожиданно для всех поклонников, Василия Павловича Аксёнова не стало на 77 году жизни...

А я всё надеялся на то, что встречу его когда-нибудь на очередной книжной ярмарке. И, встретив, задам единственный вопрос: что заставило его выпустить столь мощный «залп» по герою моей книги и его боевым товарищам – артистам на войне?!

Глава десятая

Синий платочек Михаила Гаркави

Ревностные поклонники творчества Клавдии Шульженко наверняка удивятся, прочитав название этой главы. А то и возмутятся. Ведь для них ясно, как божий день, что эта песня является «визитной карточкой» великой певицы.

Это... я не знаю... как канотье для Мориса Шевалье (позже заимствованное Б. Бруновым), как котелок и трость для Чарли Чаплина, как, наконец, клетчатая кепка для Олега Попова. На месте последнего пристанища Клавдии Ивановны – Новодевичьем кладбище – замечательные профиль народной любимицы украшает тот самый синий платочек.

Песня – легенда, песня – исповедь, песня – эпоха... Песня Шульженко...

И больше нечего добавить.

Не отвергая ни строчки из вышенаписанного, попробуем таки добавить в эту картину один малоизвестный штрих. Но сначала об известном.

1940-й год. В Москве в эстрадном театре маленького парка выступал джаз-оркестр под управлением Генриха Гольда и Юрия Петербургского, составленный целиком из польских музыкантов. Впрочем, с недавнего времени – с осени 1939-го года – они стали поголовно советскими гражданами. Авто книги «Три влечения Клавдии Шульженко» Глеб Скороходов пишет:

«...Играл Петербургский блестяще. Большинство его мелодий оказались знакомыми, а новые легко запоминались. Запомнился сразу и «Синий платочек», подхваченный вскоре многими эстрадными исполнителями. Но Шульженко петь его не стала: текст песни показался малоинтересным и банальным».

«Платочек» в первоначальном варианте был всего лишь девичьим атрибутом, что «мелькнёт среди ночи». Своё виденье этой истории предлагает А. Гиммерверт, автор книги об Оскаре Строке:

«До сих пор любимый у нас – памятный шлягер Петербургского, написанный в 40-м году в Минске, куда композитор уехал, предвидя оккупацию Польши Германией и где возглавлял эстрадный концерт Белоруссии. Именно в предвоенном Минске, в номере гостиницы, Петербургский написал вальс Niebisra Cbusteczra, который с русским текстом Якова Галицкого, Павла Германа и Михаила Гаркави стал «Синим платочком»».

И вновь рассказывает Скороходов.

«Однажды зимой сорок второго на концерт ансамбля в горнострелковую бригаду прислали щупленького корреспондента фронтовой газеты. Ему поручили дать отчёт о выступлении артистов.

После первого дневного концерта он подошёл к Шульженко:

- лейтенант Михаил Максимов!

Клавдия Ивановна с любопытством смотрела на юношу, выглядывшего школьником... Смущаясь и робея, лейтенант сказал Клавдии Ивановне, что вчера написал песню.

Мелодию я взял известную – вы, наверное, знаете её. – «Синий платочек», я её слышал до войны, а слова написал новые. Ребята слушали – им понравилось...

...В тот же вечер, когда Максимов передал Шульженко новый текст, она сразу, без репетиций, исполнила её в концерте».

А годом раньше, 9 августа 1941 года, группа артистов фронтовой бригады, в составе которой В. Хенкин, Л. Русланова, М. Гаркави, артисты оперетты Е. Калашникова и И. Гейдройц, артист радио Г. Капиани – ожидали автобус с фронта. В багаже у каждого из них всё самое необходимое: котелки, ложки, вилки, ножи, мыло, полотенце, смена белья... Балагурит Хенкин, острит Гаркави. Но вот подходит «автобус» - обыкновенная открытая грузовая трёхтонка со скамейками, все

рассаживаются в кузове машины. Русланова садится в кабину с водителем. Щёлкают фотоаппараты. Дождь усиливается, и над кузовом грузовика вырастают раскрытые зонтики. Гаркави затягивает популярную песню про синий платочек, падающий с плеч. Все подтягивают. Водитель «даёт газ», звучат прощальные гудки – группа отправляется в сторону Можайского шоссе.

Эта документальная картинка родилась на основе дневника Б. Филиппова, с выдержками из которого читатель уже познакомился в главе «Бой до последнего... концерта». Любопытно, что мнение коллег относительно «опытов с пением» Михаила Наумовича было неоднозначным. Смирнов-Сокольский, например, считал, что эта часть работы Гаркави «должна быть более острой, более пародийной». Что ж, критика – штука полезная для артиста. Если она, конечно, объективная. Николай Павлович был высоким профессионалом, к мнению которого прислушивались не только новички. Но вот какую запись находим в дневнике Филиппова 22 августа 1941 года.

«Начинаем концерт. Выступают баянисты, певец Гаркави исполняет свой «Синий платочек», и вдруг команда: «Лётный состав, ко мне! Поблагодарим артистов. Вынуждены сделать перерыв». Экипажи бегут к самолётам. «Мы будем вас ждать, товарищи! - кричит им вслед Гаркави, - Объявляю вынужденный антракт. А за песенку «Синий платочек» угостите врагов дополнительной порцией ваших «гостинцев!» ». Прошло уже больше часа... Начинаем беспокоиться. И только ещё через пятьдесят минут слышим шум приближающихся самолётов. Нас всех волнует одна и та же мысль: все ли вернулись? Считаем: один, два, три. Четыре, пять... Один за другим снижаются самолёты, пока не приземлился последний, лётчики не уходили с аэродрома, а затем все вместе прибыли к нам. Встречаем.

Ну как?

Удачно. Благополучно. Без потерь!

Все садятся обедать. Капитан Чумаков подходит к Гаркави: «Вы знаете, всю дорогу пел ваш «Синий платочек». Приклеилась ко мне эта песня. Сброшу бомбу на фашистов и пою:

Помню как синий платочек

Падал с опущенных плеч.

Ты говорила, что не забыла

Ласковых радостных встреч.

И вы знаете, как только я спою это словечко «падал», бомба как будто сама падает из самолёта и точно накрывает цель. Теперь всегда буду петь вашу песенку!»

Вернёмся к высказыванию Смирнова-Сокольского. Если принять за основное требование для исполнителя песен (как я его понимаю) – умение влиять песней на умы и чувства слушателей, то, согласитесь, Гаркави в роли певца был на высоте!

История с «волшебной силой» «Синего платочка» Гаркави почти зеркально напоминает историю «Синего платочка» Шульженко.

Г. Скороходов «Шульженко участвовала в концерте на аэродроме, расположенном в непосредственной близости от фронта. Около аэродрома попали под бомбёжку. Пришлось переждать. Как только она кончилась и вернулись лётчики, в блиндаже состоялся концерт, длившийся более двух часов. Когда объявили, что концерт окончен, встал лётчик Герой Советского Союза Николай Пелютов и попросил Клавдию Ивановну: «Спойте ещё раз «Синий платочек», а я обещаю, что в первом же бою собою фашистский самолёт». Пелютов слово своё сдержал – через два дня в армейской газете появилась статья под названием «Как песня помогает бить врага».

Истории настолько похожи, что возникает ощущение, что между двумя знаменитостями происходило что-то вроде негласного соперничества в борьбе за сердца своих боевых слушателей!

Я по-доброму завидую автору книги «Три влечения...» Ведь Глебу Скороходову посчастливилось не раз и не два общаться с героиней своих будущих книг! *«Мне рассказывали, - вспоминала Клавдия Ивановна, - что во фронтовой бригаде на каждом концерте по три-четыре раза в день её пел Михаил Гаркави, и всегда с огромным успехом. Его жена Лидия Андреевна Русланова слушала, слушала мужа, и спустя полгода сама записала «Синий платочек» на пластинку. С довоенным текстом, конечно. И никто этому не удивился, разве что сам Михаил Наумович».*

Остаётся сожалеть, что, несмотря на огромный успех этой песни в исполнении конферансье она так и не была записана на пластинку.

Этого мнения придерживается в частности певец, опытный собиратель и обладатель уникальной коллекции грампластинок Ярослав Семёнов. В его собрании, что называется, есть всё, в том числе и большая подборка пластинок (начиная с 1910-х годов) с редчайшей записью корифея дореволюционной эстрады известного куплетиста Б. С. Борисова – артиста театра Корша. Семёнов утверждает, что если бы эта «визитная карточка» К. Шульженко была записана М. Гаркави, то наверняка оказалась бы у него дома.

Автор, тем не менее, будет признателен, если у кого-нибудь из читателей будут более обнадёживающие сведения.

Мы смогли бы тогда беспристрастно сравнить три варианта. И не для того, чтобы «столкнуть лбами» двух певиц и одного «не певца», а для того, чтобы каждый из нас мог выбрать из этой палитры свой любимый цвет.

Глава одиннадцатая

Муж Руслановой

Любителям и знатокам советской эстрады нет нужды представлять эту великую певицу. Какая-то часть её репертуара, слава Богу, осталась на киноплёнке. О её триумфальной, а в чём-то трагической судьбе рассказано в книгах и документальных фильмах. Судьбе, так и просящейся в сценарий большого игрового кино, в котором и додумывать ничего не надо, только бери её жизнь, как она есть, и переноси на экран! Песни в её исполнении и в наши дни продаются в

соседстве с «репом», «попсою» и «русским шансоном». Если кто-то из читателей по каким-то уважительным причинам впервые в жизни слышит это имя, то я искренне завидую этому человеку: ведь ему только предстоит открыть для себя «Вот мчится тройка почтовая», «Окрасился месяц багрянцем, «Жигули»». Я уже не говорю про «Валенки»!..

Рождённая в глухой мордовской старообрядческой деревне, где песня сопровождала её всегда, она с шести лет давала домашние концерты. Осиротев в пять лет, Лидия Андреевна (тогда ещё Агаша Лейкина) песней зарабатывала милостыню, пока не оказалась в сиротском приюте в Саратове. Хор в церковно-приходской школе, работа на мебельной фабрике... Первое «официальное» выступление Руслановой состоялось в 16 лет, когда её было доверено выступить перед солдатскими депутатами. Дальнейшее поступление в Саратовскую консерваторию и учёба у профессора М. Медведева убедили будущую «звезду» эстрады в том, что она «не создана для академического пения». «Моя вся сила в непосредственности, в естественном чувстве, в единстве с тем миром, где родилась песня», - писала она на излёте карьеры.

Что ещё очень важно: мало кто из певиц так умел работать со словом, выбирая в каждой песне главное, ключевое, которое определяло её звучание. Обладавшая врождённым чувством стиля, Русланова была «сама себе режиссёром». И тем не менее, на огранку её таланта большое влияние оказал Михаил Гаркави. Мне думается, этому факту не придаётся должного значения ни поклонниками таланта великой певицы, ни специалистами. Увы, такого рода недооценка «того, кто рядом» - не нова!

Например. Многие ли из читателей связывают имя Александра Стефановича с первыми оглушительными успехами Аллы Пугачёвой? Часто ли вспоминает об этом она сама? Стефанович – талантливый режиссёр (фильмы «Дорогой мальчик», «Пена», «Душа», «Начни сначала»), автор ряда интересных документальных картин, в том числе и та, в которой он берёт интервью у «воспевательницы» Третьего рейха Лени Рифеншталь, собиратель всевозможных непридуманных баек. Автор книг «День божоле», «Я хочу твою девушку» (последняя совместно с Э. Тополем). Будучи некоторое время мужем Примадонны, он во многом помог ей в создании сценического образа.

Нелишне будет напомнить, что в совместных концертах Гаркави (в 20-30-е гг. – муж Лидии Андреевны) прививал ей вкус к импровизации, свободному общению с залом. Это помогло ей со временем стать прекрасной рассказчицей, мастерству которой могли позавидовать и «дипломированные» чтецы. К счастью, кое-что из таких монологов сохранилось в записи, при желании их можно найти и оценить. Отдельная и практически неизвестная страница в творчестве Руслановой – исполнение стихов. Как рассказывал Ф. Мишин, в одну из сред у Евдокии Дмитриевны Турчаниновой Русланова прочитала стихотворение Некрасова «Школьник», и все были поражены правдивостью её исполнения.

Конечно же, Русланова по своей природе была солисткой. При этом, как утверждают современники, не только прекрасной певицей, но и замечательным партнёром. Людмила Зыкина вспоминает один интересный её приём: *«Лидия Андреевна создавала по существу театральные миниатюры на эстраде. Вот она уже начала песню, как вдруг у рояля, в нарушение всех правил, появился Михаил Гаркави. Зритель заинтригован, удивлён. Русланова поёт, не обращая на своего партнёра ни малейшего внимания. И лишь в середине она вдруг как бы замечает неизвестно откуда взявшегося конферансье. Прервав пение, она говорит про него нечто озорное. Он краснеет, смущается... Сыграно великолепно. И тогда она поёт частушку:*

У милёночка, милёнка

Чесучовый пиджачок.

Подошла поцеловаться...

Тут она делает паузу и пренебрежительно-ласково говорит:

Убежал мой дурачок!

С неожиданной грацией грузный Гаркави поспешно скрывается за кулисой. Зал долго аплодирует, не даёт петь».

Воздействие мужа-конферансье продолжалось и вне сцены. Гаркави как-то умел влиять на эту сильную женщину с сильным волжским характером. И своей нешуточной страстью к коллекционированию живописи и антиквариата она во многом была обязана «красному шоумену».

История их знакомства не блещет неожиданными поворотами. Для эстрадного мира она была достаточно предсказуема, возможно, даже предreshена. Как, наверное, было предreshено и последующее расставание.

Итак, Михаил и Людмила. Конферансье и певица. Вот что рассказывается о «муже Руслановой» в тонком и душевном документальном фильме Татьяны Косовцовой «Златые горы» Лидии Руслановой»:

«Весёлый, вальяжный, этакий столичный бонвиван. Он подкупал своим лёгким отношением к жизни. Любитель всевозможных розыгрышей и капустников, завсегда тай московского ипподрома и заядлый футбольный болельщик. Казалось бы, он говорил с ней на одном языке и понимал её с полуслова... Известный балалаечник, народный артист России Михаил Рожков находил их взаимоотношения довольно смешными: «Гаркави – матерщинник и остряк, запросто разговаривающий с публикой... Они оба были такие... артисты для площадей и массовых сцен».

Творческий союз Гаркави-Русланова поначалу устраивал обоих. Общая работа. Общее увлечение. Но время шло и оба стали понимать, что в стенах роскошной собственной квартиры, где они остались без зрителей один на один – душевного общения не получалось. Их отношения портили и неприятные слухи о том, что Гаркави тратит Руслановские деньги на бегах...»

Последнее утверждение представляется нам не бесспорным. К моменту знакомства с Руслановой Гаркави был уже вполне состоявшимся конферансье, стало быть финансово независимым человеком. Множество концертов «жены» шли при непосредственном участии «мужа». Так что можно было бы сказать и наоборот – Русланова тратила на покупку очередного антикварного шедевра заработка Михаила Наумовича. Как посмотреть!

Однако мне придётся отвлечься от столь соблазнительного занятия – считать чужие деньги. Началась война – Русланова не осталась в стороне от всеобщей беды.

Авторы продолжают:

«В репертуаре Руслановой было около ста народных песен. Но она всё время искала что-то новое для себя. В ноябре 1938 года она случайно оказалась на репетиции, где другая певица работала над новой песней – «Катюшей». Через несколько часов Русланова её спела. По памяти! Именно в её исполнении эта песня вошла в историю Великой Отечественной войны. Она даже не могла предположить, что «Катюша» станет синонимом её собственного имени! Она подарила бойцам не только задушевную песню, ставшую символом женской верности. Когда-то, в сиротском детстве, она делилась последним куском хлеба. Теперь она отдавала всё, что могла для фронта и для победы... На заработанные под бомбёжкой деньги она купила две батареи гвардейских миномётов. Прославленные «Катюши» бойцы окрестили «Лидушами».

Сейчас вряд ли удастся сказать по какой видимой причине семейный союз Гаркави-Русланова в конце концов распался. А ведь личная жизнь эстрадных кумиров миллионов советских зрителей – благодатная тема для слухов и пересудов. И вряд ли они не были бы «обнародованы», имей они место. Да это и не важно. Их брак исчерпал себя. Такое бывает. И в жизни двух больших мастеров начинался новый период. Так что ограничимся общим выводом авторов фильма: *«Война расставила всё по местам. То, что раньше казалось важным, теперь не имело значения. Семейный союз не выдержал испытания временем и обстоятельствами. Теперь их связывали лишь совместные выступления на фронте».*

Как пела сама Русланова:

«Прощай, милый, до свиданья, не забудь мово страданья!»

Глава двенадцатая

Худенькие ножки на зелёном поле

18 апреля 1923 года. В этот день учредительное собрание группы физкультурников и спортсменов-чекистов приняло решение о создании пролетарского спортивного общества «Динамо». Были утверждены программа и устав. В мае того года была создана показательная (инструкторская) футбольная команда. Её формирование было поручено известному московскому вратарю Фёдору Фёдоровичу Чулкову. Он рассказывал: *«Я задумался, какую команду можно создать? Что брать за идеал? Можно сформировать молодую, задорную команду из комсомольцев частей ГПУ. Но с такой командой многого не добьёшься – ведь мастерство не компенсируешь жаждой победы, как бы велика она не была. Пойти по пути приглашения мастеров из других команд было трудно – коллектив только создавался и никакой репутации ещё не имел. Мы всё же решили пригласить в свой состав сходящих, но известных в прошлом футболистов – Василия Житарева, Сергея Дмитриева-Маро, Николая Троицкого, Михаила Денисова, Николая Игнатова, братьев Овечкиных. Все эти футболисты были уже в годах. Василий Житарев, например, играл за сборную России ещё на Олимпийских играх 1912 года. Расчёт был прост – пусть и не быстры теперь эти мастера, но они покажут тот образец техники, к которому будут стремиться молодые!»*

На первых порах у команды не было своей базы и тренироваться приходилось то в Сокольниках, то на Воробьёвых горах. Но вот однажды, в конце 1923 года они отыскали захламленный пустырь

за детской больницей с романтическим названием «Святая Ольга» в Орлово-Давыдском переулке близ Рижского вокзала. Комсомольцы и молодёжь общества горячо взялись за дело.

По вечерам после работы трудились до темноты. Но и энтузиазм был не всемогущ. Надо было оградить поле, сделать скамейки, закупить спортивное снаряжение. На первых порах денег, полученных от членских взносов, не хватало. Выручил капитан команды Иван Тимофеевич Артемьев – он же и тренер, и массажист и врач в одном лице. Будучи хорошим организатором, настоящим выдумщиком, он предложил однажды такую идею: почему бы не провести показательный матч между «Динамо» и командой московских театров?

- А что, мысль неплохая, - поддержал предложение артист эстрады и по совместительству хороший футболист Казимир Малахов, - надо поговорить с артистом оперетты Георгием Яроном. Кто-кто, а он большой почитатель футбола. Да ещё и динамовский болельщик!

Этот уникальный по-своему матч состоялся 28 сентября 1924 года и вызвал большой интерес – игру смотрело более пяти тысяч зрителей.

Возглавляемые Малаховым (центральный нападающий) артисты вышли в следующем составе: вратарь М. Гаркави (эстрада), защита – Ф. Курхин (театр Сатиры), И. Коновалов (МХАТ), полузащитник – И. Ильинский (театр имени Мейерхольда), В. Бигилиев (Камерный театр), нападающие – Н. Латышевский, А. Шахет, Л. Леон, Л. Арнольд (цирк) и А. Крейн. Судил эту встречу популярный артист оперетты Г. Ярон. Интерес к матчу был огромный. Поклонники Михаила Гаркави прямо-таки жаждали посмотреть, что же это будет за зрелище – Гаркави в воротах? В сердцах множества болельщиков появился коктейль из скепсиса и насмешливого любопытства. Многим, например, не верилось, что Игорь Ильинский способен успешно выступить в роли нападающего. Многим, но не всем. Любители спорта знали, что знаменитый артист не расставался с клюшкой, но ведь хоккей и футбол не одно и то же!

А как выступили мхатовцы А. Кторов и И. Коновалов, артист камерного театра В. Вигилев и артист театра Сатиры Ф. Курихин? Почитатели таланта балетмейстера Л. Жукова (Большой театр) и режиссёра А. Арнольда (цирк) возлагали на своих любимцев большие надежды.

Капитаном и центральным нападающим команды артистов был Казимир Малахов. От него ждали многого. Ведь артист выступал в лучших футбольных командах Москвы!

Г. Ярон выступил в дебютной для себя роли судьи.

Итак, настал незабываемый день 28 сентября 1924 года. Москвичи, а точнее, те из них, кому удалось оказаться среди болельщиков, с замиранием сердца следили за игрой.

...Долго ни одна из команд не могла открыть счёт. Но вот вратарь Михаил Гаркави точным ударом направил мяч вперёд, его принял Арнольд и незамедлительно отпасовал Малахову, переместившегося на место правого крайнего. Обведя по пути трёх динамовцев, Малахов блестящим по красоте ударом в падении посылает мяч в ворота противника – 0:1.

Во втором тайме артисты почему-то всей командой ушли в защиту и, конечно, проиграли! 7:3. Но разве дело в этом? Спортсмены и артисты показали прекрасный пример содружества. Журнал «Известия физической культуры» 15 октября 1924 года рассказал своим читателям: *«Артисты... убедились в том, что мало хотеть играть. Нужно ещё и уметь. Худенькие ножки с трудом*

носили по полю артистические животики. Картина для физкультурников грустная. От театральных подмостков до зелёного поля – дистанция огромного размера».

«И хотя в печати, - вспоминал Чулков, - нас сурово раскритиковали за этот матч, на полученные деньги мы сумели завершить строительство спортивной площадки».

От страха мучила икота,

Когда меня, как барабан,

Со звоном втискивал в ворота

Футбольный Грозный Иоанн.

Эти строки об Иване Артемьеве написал Михаил Гаркави после дружественного матча, сыгранного футболистами «Динамо» со сборной артистов столичных театров.

Футбол был пусть и не одной, но – Бог свидетель! – пламенной страстью! Современник вспоминал на какие ухищрения шли настоящие футбольные фанаты в надежде попасть на стадион: *«Если билет не купил – остаётся «стрелять» или «тырить»». Стрелять билеты муторно. Никакой надежды и варианта нет. Лучший – на станциях метро перед «Динамо». Подходит поезд, набитый болельщиками так, что вот-вот треснут вагоны – и ты орёшь в спрессованное человечество: «Лишний есть?» Если на твоё великое счастье услышишь: «Есть» - ввинчиваешься в человечество с силой, которую в себе не подозревал. Но гораздо чаще время идёт, а удачи нет».*

Те, кто конструировал проходы на «Динамо» наивно думали, что защитили себя от безбилетников. Вдавливающееся на территорию людское месиво разделялось противотанковыми железными поручнями на множество узких струек - друг другу в затылок. По бокам стояли решительные контролёры, в деле несопоставимо серьезнее мужчин. Как кто попытается – сразу же вон. За шиворот. Но проскочить в одиночку мимо контролёров пытались только дурачки. «Паровозик» - вот надёжная система! Тридцать – сорок-пятьдесят безбилетников выстраиваются в змейку и согласованно бросаются вперёд, напирая по проходу. Контролёры кричат, хватают за руки... Куда там!.. Один из счастливых зрителей запечатлел в памяти такую картину: длиннющий «паровозик», а в нём – лица популярного писателя и чтеца Ираклия Андроникова и счастливое лицо ещё более популярного конференсье Михаила Гаркави.

В 1960 году москвичи чествовали торпедовцев, завоевавших в минувшем сезоне звание чемпиона Советского Союза и кубок СССР по футболу. 17 ноября во Дворце спорта Центрального стадиона им. Ленина состоялся вечер. Газета «Футбол»: «Под аплодисменты собравшиеся тренеры команды В. Маслов, Б. Хренов и начальник команды Ю. Степаненко получают дипломы первой степени. ...Один за другим выходят футболисты: А. Глухотко, А. Поликанов, А. Медакин, В. Шустиков, Л. Островский, В. Воронин, Н. Маношин, С. Метревели... Горячие поздравления торпедовцам передали ветераны советского футбола заслуженные мастера спорта М. Семичастный, Н. Старостин, Н. Морозов и В. Бобров.

В заключение состоялся большой концерт, который начался с того, что конференсье М. Гаркави преподнёс команде «Торпедо» футбольный мяч с автографами известных артистов».

Кстати, Гаркави – футболист или, во всяком случае, Гаркави – преданный футбольный «болельщик», как тогда говорили, был запечатлён в документальном фильме «Мяч в игре» 1959 года, снятый на Центральной студии документальных фильмов. В нём оператор студии М.Ф. Ошуров берёт интервью у эстрадного артиста М. Гаркави и спортивного комментатора Н. Озерова.

Глава тринадцатая

Шахматист-затейник

Одним из типовых журналистских вопросов является вопрос известному человеку про его хобби. Читатель может пропускать пространные рассуждения «звезды» об искусстве, жизни и мироздании, но он всегда остановит свой взор на том моменте интервью, где его кумир рассказывает о своём увлечении. Если оно у него, конечно, есть. Ведь имеется множество любимцев публики, которым сказать на эту тему просто нечего. Ну, нет у него никаких увлечений! То ли времени на это не хватает, то ли желаний.

Но в случае с моим героем всё по-другому. Несмотря на колоссальную концертную загруженность, этого импозантного и шустрого толстяка обуревала пусть и не единственная, но пламенная страсть – шахматы. Вот строки из «Бюллетеня Комитета по физкультуре и спорту при Совете министров СССР»:

«Надо сказать честно: март 1954 года очень тяжёлый месяц для шахматных болельщиков. Голова идёт кругом! Подумать только: чемпионат Москвы, международный турнир в Бухаресте, товарищеская встреча шахматистов СССР и Аргентины и, наконец, матч на первенство мира! Вы представляете себе, что творится дома? На всех столах разложены таблицы с результатами. И, как честно нам кажется, слишком мала и скупа информация об этих волнующих событиях!»

Автором этих взволнованных заметок является не прожжённый шахматный обозреватель, а профессиональный конферансье. Страстная натура на сцене, Гаркави оставался таким же неугомонным и помимо неё! Он не просто любил болеть на шахматных поединках, но и хорошо знал предмет своего увлечения! Начав играть в шахматы с 1909 года (то есть с двенадцати лет), он называл эту страсть болезнью затяжной, хронической, но не так уж и опасной, а, стало быть, не требующей лечения. Знакомство гимназиста Миши с этой древней игрой началось с посещения в качестве болельщика чемпионата Москвы в том же 1909-м году (по другим данным в 1908-м), который проходил в Охотничьем клубе.

Что ж встревожило его сердце, равно как и сердца миллионов советских болельщиков, в том первом послесталинском году? Первенство мира! Ботвинник – Смыслов. Гаркави всерьёз и без всякого актёрства задавался вопросом: за кого же болеть?! Кстати, так заметка и называлась, и была опубликована под рубрикой: «Из писем в редакцию».

Разве кто-нибудь из нас «за» Ботвинника и «против» Смылова или «за» Смылова и «против» Ботвинника? Нет! Два блестящих представителя русской шахматной мысли, унаследовавших всё лучшее, что дали шахматной мысли Александр Петров, Михаил Чигорин, Александр Алёхин... И

разве не радует нас – патриотов любимой Родины, что по бокам огромной демонстрационной доски, устроенной в концертном зале имени Чайковского, висят два красных стяга... Так что сами видите, вопрос за кого болеть серьёзней, почти не разрешимый вопрос.

Можно уловить в этих строках элемент игры, некое лукавства. Хотя лично я никакого лукавства не вижу, а лишь равнодушного поклонника, стоящего на распутье. В конце концов он делает выбор в пользу Смыслова. И даже подводит под это теоретическую базу:

«Я, как известно, по своей профессии – конферансье, а В. В. Смыслов – поёт, и поёт неплохо. И, конечно, было бы лестно объявить со сцены: «Арию Елецкого из оперы «Пиковая дама», музыка Чайковского, исполнит чемпион мира по шахматам...»

Интересно, что отголоски споров шахматных болельщиков тех лет на вечную тему – кто сильнее? – дошли до наших дней. Ведь сильнейшие шахматисты во все времена не просто пожинали плоды своей славы. Они делали эпоху. Вот что пишет Валентин Гафт в своей книге «Сад забытых воспоминаний»:

«Мне кажется, что в конце 40-х – начале 50-х годов было повальное увлечение шахматами. Тогда был век Ботвинника, который стал первым советским чемпионом мира и все ходили с досками, да и вообще было какое-то любопытство к игре. Очень много людей, казалось, на вид каких-то посредственных, за доской проявляли чудеса фантазии и сообразительности».

Спустя семь лет шахматист по фамилии Гаркави снова ныряет в море острых шахматных ощущений. На этот раз возмутителем спокойствия стал матч между М. Талем и М. Ботвинником. Здесь Гаркави-корреспондент предстаёт перед читателями «Бюллетеня центрального шахматного клуба СССР» не только восторженным поклонником, но довольно ироничным и внимательным наблюдателем. Он легко и точно проводит аналогию между миром шахмат и эстрадной средой.

«По-моему оба партнёра – Таль и Ботвинник- играют в этом матче не совсем в своём стиле. Некоторые партии вообще носят чисто «эстрадный» характер. Например, легкомысленный розыгрыш Талем дебюта в седьмой партии. Постоянство в дебютных системах – увы! – напоминает мне постоянство репертуара у некоторых эстрадных артистов. По-видимому, это влияние театра, в котором проходит матч».

Заканчивая эту небольшую статью, Гаркави делает такой вывод:

«Свои личные симпатии я не скрываю. Я болею за Талья, но... отдаю предпочтение Ботвиннику. Впрочем, я буду доволен любым исходом матча, ибо победителем может оказаться... только мой тёзка!»

А вот факт, вроде бы никак не связанный с матчем Таль – Ботвинник. Сохранилась фотография, опубликованная в «Горьковской правде». Она запечатлела игру двух шахматистов-любителей, больше известных как конферансье Михаил Гаркави и артист театра и кино Сергей Мартинсон. Конечно, одной фотографии недостаточно для того, чтобы передать происходивший в стране шахматный бум, о котором пишет В. Гафт. И всё же она указывает на чрезвычайный интерес к этой игре в среде творческой интеллигенции.

Однажды, оставаясь верным себе, Гаркави на полном серьёзе сообщил в беседе с корреспондентом этой газеты, что ему довелось играть в сеансах всех современных ему чемпионов мира. Правда, о своих результатах в этих сеансах, из скромности, умалчивал.

Он не пропускал ни одного серьёзного матча. Часто заходил в пресс-центр и наблюдал, как анализируют партии гроссмейстеры. Однажды у столов с позициями из партий с одной стороны находилось несколько гроссмейстеров, а с другой – наблюдающий за анализом Гаркави. В это время в пресс-центр зашёл кто-то из фотокорреспондентов. Сценка показалась ему интересной. Последовала вспышка и через несколько дней в витрине ТАСС, посвящённой турниру, появилась фотография с надписью «сеанс одновременной игры».

Раз пошла такая тема, то позвольте рассказать вам одну не совсем шахматную историю, произошедшую с Михаилом Наумовичем. Причём, эту историю любил рассказывать он сам. В 1925 году, когда проходил 1-й Московский международный турнир по бриджу, он увидел на Тверской участника турнира Левенфиша. Тот сказал, что ему, Ласкеру и Шпильману нужен четвёртый игрок для игры в бридж, и спросил, играет ли Гаркави в эту игру.

- Я понятия не имел о бридже, - признался Гаркави. – Мои познания ограничиваются преферансом. Но перспектива стать членом столь знаменитой гроссмейстерской компании была слишком соблазнительна, и я решил рискнуть. В гостинице «Националь», куда мы пришли, я был представлен Ласкеру и Шпильману. И мы сели за карты. Но игра была недолгой. Как только я сделал первый ход, Ласкер внимательно посмотрел на меня и сказал:

- Прошу извинить, но с этим юношей я больше в бридж играть не буду!

Я честно признался, что не умею играть в бридж, но очень хотел познакомиться с Ласкером. Экс-чемпион рассмеялся, и конфликт был исчерпан.

В июле 1957 года газета «Шахматная Москва» писала: «Тем, кто интересовался историей шахмат, знакомы имена английских гроссмейстеров Блекмана и Гунсберга. Известно, например, что Гунсберг добился почётной ничьей в матче с Чигориным, а Джозеф Блеберн участвовал ещё в первом международном турнире по круговой системе, проведённом в Лондоне в 1857 году. ...А между тем, - пишет газета, - у нас в Москве живёт и здравствует шахматист, встречавшийся за доской с Блекманом. Правда, это встреча состоялась не в 1851, а в 1908 году, когда престарелые Блекман и Гунсберг приезжали на гастроли в Москву и давали альтернативный сеанс одновременной игры в Охотничьем клубе». Отвечая на вопрос об истоках привязанности конферансье к древнейшей игре, он признался корреспонденту, что счёт его встреч с гроссмейстерами, открытый почти полвека назад, с тех пор изрядно вырос. «Мне приходилось беседовать и играть с Рубинштейном, Шпильманов, Немцовичем, Рети и со всеми без исключения советскими гроссмейстерами. Но... больше всего я горжусь знакомством и встречами с четырьмя чемпионами мира – Ласкером, Капабланкой, Ботвинником и Смысловым».

Осенью 1955 года в газетах появилось сообщение о начале седьмого традиционного шахматного радио-матча Москва-Арктика. Признаюсь, автор этой книги к шахматам имеет такое же отношение, как и они к нему. Но, вчитываясь в статьи тех лет, посвящённых этой игре, и он почувствовал, что постепенно втягивается в водоворот нешуточных страстей в мире гамбитов, рокировок, эндшпилей и тайм-аутов! «В последних трёх матчах, - спешила сообщить своим читателям газета «Водный транспорт», - переходящий кубок Центрального совета спортивного общества «Водник» неизменно завоёвывали полярники у своих партнёров – московских водников. В нынешнем году на стороне москвичей будут выступать вместе с водниками шахматные коллективы театров столицы. ...Шахматная команда большого театра встретится в эфире с коллективом научной станции «Северный полюс - 4».

Шахматисты Малого театра под руководством Прова Садовского будут играть с шахматистами... станции «Северный полюс - 5».

Ощущение складывается такое, что слова Остапа Бендера о покорении мироздания шахматной мыслью, некогда брошенные в толпу наивных жителей города Васюки, начинали сбываться. А где же самый затейливый игрок среди поклонников древнейшей игры? Как это где?! Впереди, за шестидесятичетырёхклеточной доской! «Команда мыса Челюскин две партии проведёт с шахматистами Центрального дома работников искусств», - рапортовал своим читателям «Водный транспорт». Состав руководства клуба был впечатляющий: заслуженный деятель искусств, профессор Я. Флиер, артист М. Гаркави и Г. Афонин, заслуженная артистка РСФСР Рина Зелёная, пианист Л. Иванов...

И начался бескомпромиссный боевой седьмой радиомачт «Москва - Арктика».

Свою главную, тем не менее, партию с судьбой Гаркави сыграл не на доске, разбитой на квадратики, а на концертной эстраде, которая вновь звала его – гроссмейстера импровизации и экспромта. И он спешил.

Поспешим и мы, дорогой читатель!

Глава четырнадцатая

«В своё время то, что вы делаете, называлось афишей...»

Однажды вечером, лёжа в кровати, Гаркави перелистывал томик Пушкина. Знакомые, тысячу раз читанные страницы, главы, четверостишия. Но вот внимание конферансье задержалось на следующих строках из «Путешествия в Арзрум»: «Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году. Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки... всё в нём было необыкновенно привлекательно».

Гаркави уже успел прочитать половину последнего слова «при...», собирался уже было прочитать «...влекательно», но вдруг... (Здесь я вынужден забраться на крепкие плечи Антона Павловича Чехова и позаимствовать его классическую фразу из рассказа «Смерть чиновника»). В рассказах часто встречается это «но вдруг». Авторы правы: жизнь так полна внезапностей!

...в комнате начало происходить что-то странное. Закачалась люстра, стали медленно гаснуть лампы, и перед потрясённым хозяином квартиры появилась из полутьмы фигурка хрупкого человека в очках, в зеленоватом дипломатическом фраке с малиновым шарфом на шее. Он поглядел на Михаила Наумовича своими чуть прищуренными близорукими глазами, с удивлением осмотрел необычный для его времени костюм (то бишь пижаму), и, слегка откашлявшись, заговорил:

- Простите, сударь! Не будучи представленным вам, осмелюсь спросить, с кем имею честь?

В ожидании ответа, видя очевидную рассеянность своего визави, отрекомендовался:

- Я, Грибоедов Александр, государственной коллегии иностранных дел коллежский советник. А вы, сударь?

- Я?! Хм... Представитель... ведомства... по делам искусств. Конферансье! – с усилием подбирая нужные слова, произнёс Гаркави.

- Простите, милостивый государь, я, вероятно, ослышался. Кто-кто?

- Конферанс...сье... - ещё более робко ответил конферансье.

- Слово непонятное, уж простите меня, сударь, великодушно. А в чём, собственно, заключаются ваши обязанности?

Гаркави, как и подобает мастеру своего дела, сумел, наконец, взять себя в руки и заговорить более твёрдо:

- Знаете ли Вы, Александр Сергеевич, что такое концерт?

- Слышал, - усмехнулся Грибоедов, - это нечто... услаждающее слух зрителя.

- Вот-вот, - обрадовался Гаркави, - именно услаждающее. – Так вот, перед тем, как артист начинает услаждать слух и зрение сидящих в зале, вхожу я. Я рассказываю о том, кто будет выступать в концерте, объявляю порядок номеров.

- В своё время, сударь, - учтиво перебил меня Александр Сергеевич, - то, что вы делаете, называлось афишей.

- Да нет, афиша – это одно, а я – совершенно другое. Афиша нема и немногословна, а я разговариваю и даже пытаюсь весёлой шуткой вызвать улыбку в зрительном зале.

- И что ж, получается? – саркастически спросил гость.

- Бывает, - вдохновенно ответил хозяин.

- И это вы называете делом?

- А как же!

- А не кажется ли вам, милостивый государь, что вы отказались бы от подобного занятия, если бы вспомнили слова, которые я вложил в уста Чацкого:

Когда в делах – я от веселья прячусь,
Когда дурачится – дурачусь.
А смешивать два эти ремесла
Есть тьма охотников...

...Простите, милостивый государь, вы не из их числа?

Последнее замечание, надо сказать, Гаркави несколько задело. И даже обидело.

- Да нет же, Александр Сергеевич, тысячу раз нет! И если уж цитировать ваше бессмертное произведение, то ко мне скорее всего относятся слова, которые говорит Софья:

Что помнится? Он славно

Пересмеять умеет всех,

Болтает, шутит мне забавно:

Делить со всяким можно смех.

- Со всяким! – негодуяще заметил Грибоедов. – Значит вы это делаете для «рассказчиков неукротимых, нескладных умников, лукавых простаков, старух зловещих, стариков...»

- Нет, - весело и уверенно возразил Гаркави, - пойдёмте на концерт, Александр Сергеевич. И вы воочию убедитесь, что между людьми вашей эпохи и теперешними зрителями «дистанция огромного размера».

Гаркави рванулся было к классику, чтобы взять его под руку и... проснулся!

Такая вот невероятная история. Со своим другом и коллегой Фёдором Липскеровым её придумал и записал сам Михаил Наумович. Будучи во многом новатором общения с публикой, неутомимый и находчивый на площадке, он так же неутомимо искал новые формы концеранса.

Гаркави справедливо считал, что «роль концерансье в концерте должна быть не только развлекательной, но и... включать в себя элементы познавательного характера...». Так был создан концеранс «Грибоедовские мотивы». Концеранс, в хорошем смысле слова, занимательный и полезный.

Пьеса «Горе от ума» и впрямь великолепное подспорье в работе концерансье, настоящий клад для реприз и «подводок»! Да и что говорить конкретно об этой профессии, если в жизни эти фразы давно уже стали крылатыми.

Вот реприза, в которой Гаркави мастерски это использовал:

- Каждый раз, выходя на сцену, я испытываю некое смущение, и виной этому вы – зрители. Ведь все ваши взгляды с любопытством обращены на меня, а я на сцене один. Иногда кое-кто из вас даже вопросы задаёт, и я должен, не теряясь, быстро на них ответить. В ваших глазах я так же часто читаю вопрос: «А кто ты такой?» Вот я и смущаюсь, ибо «да хоть кого смутят вопросы быстрые и любопытный взгляд». Но я понимаю также, что тут одним смущеньем не отделаешься, и я смело отвечаю на вопрос, который сейчас читаю в ваших глазах: «А кто же сейчас будет выступать?» Выступает...

Чем не хороший пример нынешним шоуменам?

Репертуарный голод – это, очевидно, одно из тех явлений, которое навсегда. И вот в это же время, уснув под снегом книжной пыли, стоят на полках настоящие залежи реприз, хохм и подводок. И что с того, что время написания «Горя от ума» отделяет от наших дней «дистанция огромного размера»?

А впрочем, дорогой читатель, нас уже ждёт следующая глава, так что «карету мне, карету!»

Глава пятнадцатая

Десять белых голубей породы турман

Искушённый в эстрадных делах читатель нисколько не удивится, услышав имена таких эстрадных дуэтов, как Миронова – Менакер²⁵, Мирон – Новицкий, Шуров – Рыкунин, Владимиров – Тонков.

Но вот интересно: а что бы такой читатель сказал по поводу дуэта Гаркави – Смирнов-Сокольский? Скорее всего, укажет автору на его якобы фактическую ошибку. Дескать, не было никогда такого дуэта!

Вы правы, мой образованный друг! История не оставила свидетельств их совместной работы именно в дуэте. И, тем не менее, в жизни они нередко «кооперировались». В проникновенном некрологе, посвящённом Гаркави и опубликованном в журнале «Театр», журналист А. Кривицкий писал, что Михаил Наумович всю жизнь дружил с Н.П. Смирновым-Сокольским: «Они делали одно дело». И это была правда.

Я хочу рассказать вам об одном эпизоде из жизни двух этих великих артистов.

...Пятидесятые годы прошлого века. Хозяин квартиры двадцать пять в доме 7Б по Старопименскому переулку в Москве получил довольно странную открытку с текстом, отпечатанным на машинке.

Начинается сие послание вполне обыденно:

«Многоуважаемый Алексей Абрамович!

Мы редко обращаемся к Вам с какими-либо просьбами, и сами знаем, как неприятно одалживаться у товарищей.

Поймите, только крайняя нужда и сравнительно неважные дела в поездке вынуждают нас просить Вас об одолжении.

Выехав в поездку мы не взяли с собой много денег. Короче говоря – мы из совсем не брали.

Обстоятельства жизни, принимая во внимание санаторный режим, - таковы, что расходы не покрывают те поступления которые мы имеем.

Памятуя ваше к нам доброе отношение – очень просим нам помочь».

Казалось, куда понятнее?!

Но дальше изложение заурядной просьбы двух приятелей, обращённой к третьему, приобретает довольно причудливый оттенок:

«Нам совершенно необходимы десять белых голубей породы турман. Они могут быть мохнатоногими, но могут быть и гладкоколенчатыми – это представляем вашему вкусу.

²⁵ Александр Семёнович Менакер — советский актёр, артист эстрады, режиссёр, участник дуэта «Миронова и Менакер»; заслуженный артист РСФСР (1978).

Лучше, конечно, если грудки у них будут иного цвета, но в крайнем случае сойдут и одномастные тоже.

Надеемся, что вы пойдёте навстречу Вашим старым товарищам и не замедлите выслать нам таковые. Наш адрес на обороте.

Ваши Гаркави-Сокольский».

Чтобы так изобретательно «валить дурака» в эпистолярном жанре, нужно обладать недюжинной творческой фантазией. И что самое главное – уметь отличать мохнатоногих голубей от гладкоколенчатых...

Адресатом его послания оказался знаменитый конференсье Менделевич – человек в юморе весьма искушённый.

Знакомьтесь: Александр Абрамович Менделевич – собственной персоной.

Краткая анкета. Родился в 1886 году в Москве, в семье служащего. Окончив экстерном гимназию, поступил в Московский университет, но через два года оставил учёбу, чтобы поступить в театральную школу А. Г. Шора, которую окончил через три года по двум специальностям – пению (класс А.В. Секор-Рожанского) и драме (преподаватели Е.Б. Вахтангов и Д.М. Озоровская). Затем, в 1909 году выступал в труппе Введеского народного дома, где сыграл свою первую роль – Бобчинского в «Ревизоре». Затем судьба оказалась под крылом балиевской «Летучей мыши», мобилизация в действующую армию, театр оперетты Потопчиной. Одновременно с работой в театрах Менделевич выступал в концертах как рассказчик, читал с эстрады Чехова, Горбунова. С 1921 года полностью посвятил себя эстраднему искусству. Особенно он был популярен как конференсье. Эстрадные театры «Аквариум», «Альказар» (художественным руководителем которого он был), театры миниатюр «Весёлые маски», «Трудовая жизнь», участвовал в спектаклях московского и ленинградского мюзик-холлов. Выезжал в составе фронтовых бригад на фронт. Вёл программы в Эрмитаже. В журнале «Цирк и эстрада» неким П. была опубликована на Менделевича такая эпиграмма:

Он так талантом насыщён,
Что остроумье так и льётся
За что бы лишь ни брался он.
Но... ни за что он не берётся!

Ситуация с «мохнатоногим» письмом – не первый случай, когда эти двое (Гаркави и Смирнов-Сокольский) подкалывают этого третьего (Менделевича). Николай Рыкунин рассказывал, однажды на гастролях в Минеральных водах «эти двое» пригласили Менделевича в парк подышать свежим воздухом. Менделевич отказался: он, дескать, не ходит в парки, потому что не может видеть изуродованный надписями скамейки и деревья. Вечером они стали уговаривать его поехать за Кисловодск в замок Коварства и Любви, тем более, что у Александра Абрамовича была реприза, связанная с этим замком. Накануне Смирнов-Сокольский и Гаркави уговорили двух скалолазов написать на скале огромными буквами: «Здесь был конференсье Менделевич!» Когда Менделевич приехал, шутники его окружили и стали что-то рассказывать, стараясь спровоцировать, чтобы он повернулся ликом к скале. Это помогало мало. Тогда кто-то из них подбросил вверх фуражку. Тут-то, наконец, Менделевич вдруг и увидел «сюрприз», и застыл в оцепенении. Смирнов-Сокольский шутливо встав пред ним на колени, поклялся, что скалолазы всё сотрут.

Но те уж к тому моменту были пьяны в стельку.

А на следующий день, как ни старались, краска не стиралась.

Менделевич, оскорблённый шуткой, уехал.

И вот такой человек держал сейчас в руках «мохнатоногую» открытку от своих «одномастных» друзей. Он явно не торопился с отправкой «голубиной посылки». Это видно хотя бы по тому, что вслед за открыткой на московский адрес Менделевича полетела телеграмма:

«Волнуемся, как дела голубями если нет турманов сероногих высылайте белых лапчатых адрес Тбилиси четвёртое почтовое отделение до востребования Сокольский – Гаркави».

В общем, этот, с позволения сказать, эпистолярный роман, продолжался довольно долго. Дождались ли два маститых эстрадных «голубятника» долгожданной посылки, об этом история умалчивает...

Не знаю, много ли у Гаркави было в жизни недоброжелателей – редко, чтоб успешные люди жаловались на их отсутствие, - но были и друзья. Тот же Менделевич Александр Абрамович.

Об особой задушевности их общения свидетельствуют сохранившиеся письма...

24 февраля 1951 года Гаркави – Менделевичу: «Ты знаешь, что я тебя очень люблю, и всю мою сознательную жизнь моё знакомство с тобой, и если ты меня называешь своим другом, то об этом я всегда и искренне говорю с гордостью».

В другом письме – без даты, Гаркави выписывает из букв имени друга несколько столбцов с новыми словами.

Александр Менделевич

Аврал леска кедр

Аммиак лиана кадр

Арка лама

Арена ленч

Ландорин

Ливер и т.д...

Любил он «это дело» и в письмах коллегам часто использовал, например – Рине Зелёной.

Из того же письма, написанного в гастрольной круговерти:

«Вообще, с поездкой у меня всё в порядке. Есть рецензии и даже очень хорошие, и, что самое для меня неописуемое - сборы».

Я, ты знаешь, на это никогда не обращал внимания, но тут я обрадовался, ибо всё время наши молодые кадры говорили, что я сборов не делаю, а получилось наоборот».

В другом письме Гаркави обращается к Менделевичу «Мой птенчик».

Ессентуки, санаторий №5, 18 октября (год не указан, примерно – конец 50-х):

«Напрасно упрекаешь меня в том, что я работаю. Я ведь месяц отдыхал в подмосковном санатории, куда ко мне приезжал Владимир Яковлевич (очевидно Хенкин – А.Л.) и другие, а здесь я на работе, причём за один месяц 8 выступлений – не ах, какая нагрузка!

Клянюсь всем. 26 – 27 буду в Москве, о чём ты знаешь из телеграммы. У меня событие: мне поставили первую пломбу в зуб...»

Гаркави в письмах называл Менделевича «мой Лодере», Менделевич Гаркави - не Михаилом, а Медведем, что вызывало у Михаила Наумовича определённую обиду:

«Сегодня 17 марта получил твою открытку, очевидно ошибочно, ибо на адресе написано не Михаил, а Медведь?! Это грубо!»

В том же письме Гаркави жалуется другу, что у него не получилось поехать в Индию. Судя по всему, речь идёт о туристической поездке.

Признаюсь вам, дорогой читатель, что у меня были определённые сомнения – включать эту несерьёзную главу в книгу или нет. Немного подумав, я рискнул её оставить. Право же, мы так мало, так, ну очень шапочно, знаем о наиболее выдающихся именах эстрадного цеха, что любой, даже бытовой пустяк из их жизни достоин нашего внимания.

Тем паче, что, как мне кажется, главы в этой книге должны быть разными: и «мохнатоногими» и «гладкоколенчатыми». Лучше, конечно, если грудки у них будут иного цвета, но в крайнем случае сойдут и одномастные тоже!

Глава шестнадцатая

Душка Мороз

...Как и подобает радушному хозяину, он встречает своих гостей у входа. Стены Московского театра эстрады потрясают смех и крики самой озорной и горластой публики. Он не спешит поразить своих впечатлительных зрителей вычурными манерами или оригинальным одеянием. Доброжелательная, но не заискивающая улыбка, обыкновенный костюм, вот, пожалуй, и всё... С почти двухметровой высоты «дяди Миши» - а именно так зовут хозяина – дети слышат слова тёплого привета:

Сколько к нам пришло ребят!
С добрым утром! Я вам рад!

Дядя Миша мгновенно находит общий язык с детьми, пришедшими на праздник новогодней ёлки, находчиво и остроумно отвечает на любой вопрос, вместе с массовиками проводит игры. Но вот появляется Снегурочка (артистка Т. Чернова) - дети в восторге! В фойе зазвенели песни, разыгрываются весёлые интермедии. В разгаре ёлочной кампании «Московская правда» писала с ненаигранным удивлением: «Ёлка, зажгись!» - пользуется у ребят особым успехом. Шутка ли: стоит лишь произнести хором заветное слово «Зажгись!..», как вспыхивает ёлка.

Тот из моих современников, кто приводил хоть раз на новогодние представления своих детей, не увидит в эпизоде зажжения ёлки ничего сногшибательного: практически на каждой «ёлке» звучит сакраментальное «ёлочка, гори!». Но тогда, в январе 1958 года, все эти новогодние «примочки» современных культурных организаторов привлекали живое внимание рецензентов.

Это было в первой части представления, авторами которой являлись М. Гаркави и драматург М. Тривас. Зрители в нём являлись одновременно и активными участниками. Автор статьи не прошёл мимо и такого излюбленного для нескольких поколений моих коллег приёма, как «паровозик». «Под музыку, изображая поезд, следуют они в зрительный зал, рассаживаются по местам... В лучах прожектора через весь зал на сцене проносится спутник. Это на нём в гости к ребятам прилетел Дед Мороз. Дед Мороз и Снегурочка, и дядя Миша – все трое находятся на сцене, связывают между собой номера программы. Запоминаются мелодии песен, написанных главным дирижёром Театра эстрады Н. Мнихом».

Судя по тому, какое любопытство проявляет журналист к некоторым приёмам работы артистов с детской аудиторией – они казались ему необычными и неординарными. Это теперь «паровозик» или «раз, два, три – ёлочка гори» и прочие массовицкие прибаутки стали составной частью репертуара для многих нынешних *культурных организаторов*. (Извините меня за сей анахронизм, но как-то не по душе мне термин «аниматоры»²⁶).

²⁶ Господа преподаватели училищ искусств и университетов культуры! Объясните, в конце концов, в своим студентам, что «аниматорами» называются те, кто занимаются мультипликацией, а не так называемой «массовой работой» или «работой с массами». И если вас не устраивает слово «массовик», то давайте вместе искать новое, а анимацию оставим создателям «Ну, погоди» и «Чебурашки».

А были времена в нашем ленинско-сталинском королевстве, когда саму фразу «новогодняя ёлка» было нельзя произносить вслух без риска оказаться «на родине Деда Мороза». Впрочем, об этом чуть попозже...

«Паровозик»... Это великолепный ход, помогающий спокойно, избегая давки и толкотни, управлять большим количеством детей, играючи заводя их в зал. Теперь уж вряд ли кто решится назвать человека, которому довелось изобрести этот «паровоз». И я не утверждаю, что именно Гаркави придумал его и впервые опробовал. Но то, что приёмы искусства массовика со всеми их фишками, «мульками» и играми были близки сердцу «красного шоумена» - сомнений не вызывает.

То, как Гаркави относился к представителям этой наиболее близкой к народу (хотя и наиболее поносимой) творческой специальности видно из его неопубликованной биографии «Эстрадный концерт»:

«Они (массовики - А.Л.) подвергаются часто на страницах наших сатирических журналов серьёзной критике. Выражение из одного фельетона о них в «Крокодиле» - «два притопа, три прихлопа» вошло в быт. Но нельзя забывать, что их много... а главное, они полностью относятся к эстраднему разделу работы. Здесь, правда, нет традиций. Этот жанр целиком рождён новым временем, но они находятся в самом отсталом состоянии. Ими никто не занимается! ...Ряды засоряются случайными людьми... А между тем у них должны действовать те же законы, что и у «разговорников» на эстраде».

И Гаркави приходит к такому болезненному (до сих пор!) для этого жанра выводу: «Нужна школа массовиков!».

Ему же принадлежат слова, сказанные на одном из занятий курсов культурорганизаторов: «Хороший конференсье – это всегда хороший массовик. Если это не так, то это плохой конференсье!».

Его заслуги как конференсье-новатора до сих пор не получили заслуженной оценки, а жаль! Ведь многие приёмы активации аудитории стали обыденными во многом благодаря Гаркави-шоумена. Пресса старалась не пропускать ни одной интересной программы с его участием. Многие в его работе было не похоже на репертуар «обычного» советского конференсье.

«Паровозик», о котором писалось чуть выше. Поёт в фойе с народом «Подмосковные вечера». Разыгрывает бутылку шампанского в танцевальном конкурсе. Проводит прямо со сцены развлекательную викторину. Массовик с большой буквы «М»! Наш человек!

Знаете ли вы, дорогие читатели, что с его именем связана традиция отмечать праздник шампанским? Дебют «Советского шампанского» состоялся 1 января 1937 года, когда в Кремле на праздничном приёме стахановцев Гаркави под бой курантов впервые осушил бокал игристого. Шампанское, заметим, у нас только-только стали выпускать. В 1937-м разлили первые 300 тысяч бутылок. Досталось на Новый год далеко не всем.

Судьба распорядилась так, что в истории советских массовых праздников Гаркави принадлежит несколько «пальм первенства». Впервые после долгого периода гонений на самый любимый детский праздник на новогоднем балу именно ему довелось предстать перед детьми в образе Деда Мороза. Горькая ирония состоит в том, что случилось это в том самом «посадочном» 1937 году. Но ведь вся шутка в том, что известный и модный в те годы сталинский постулат «жить стало

лучше, жить стало веселее» для Гаркави не нёс в себе ничего нового. Ведь когда «дядя Миша» в костюме Деда Мороза или без такового выходил на сцену, лица зрителей преображались. Не знаю, становилось ли им в тот момент «жить легче», но веселее – бесспорно.

Михаил Гаркави – актёр мхатовской закваски, наверняка, вжился в образ Деда Мороза по всем законам системы Станиславского. А как же иначе?

А теперь давайте вспомним вкратце историю появления в нашей жизни этого знакомого с детства персонажа. А биография, доложу вам, дорогие читатели, достойна целого исследования!

Этим чудаковатым бодрячком с ненастоящей бородой всерьёз занимаются настоящие специалисты: литераторы, этнографы, искусствоведы. Пишут весьма детально, сколько ему лет, кто родственники и друзья, где живёт внучка Снегурочка. Разрабатывается собственный флаг и герб. На эту тему, между прочим, уже написано две диссертации. В общем, все по-взрослому.

Все началось все с... Николая Чудотворца. Изначально Дед Мороз и Санта Клаус были единым персонажем. Прародителем нынешнего Санта Клауса был святой Николай. Это реальный человек, священник, живший в 4 веке в городе Митры (территория нынешней Турции). По преданию, он чуть ли не с рождения был праведником, а когда стал епископом – раздавал бедным родительское наследство. За свою добродетель Николай был прославлен в лике святых, его стали называть Николай Чудотворец. Он стал любимым в народе покровителем детей и бесприданниц. Католическая церковь объявила Николая святым. В день святого Николая – 19 декабря на Руси было принято дарить детям подарки, как это делал архиепископ. С введением нового календаря святой стал приходить на рождество, а затем и на Новый год.

Вначале дед у славян был премерзким типом. Его представляли в виде старца, управляющего своим посохом кончиной всего живого – ни больше, ни меньше! Этой увесистой штукой он колотил непослушных детей или, в лучшем случае, запугивал их страшными сказками. К тому же, сначала люди не ждали от Деда Мороза подарков, а... дарили ему сами! В давние времена славяне верили, что от бед и несчастий людей оберегают духи предков. И чтобы они стали благодушными, их нужно умилостивить. Для этого зимой устраивались колядки. Колядующие одевались как можно страшнее: шубы наизнанку, маски, изображающие духов... Духи стучались в окна и люди выносили им подарки и угощения. Самый страшный из колядующих назывался «дед». Его и считают прообразом современного Дедушки Мороза. Больше всех похож на «нашего» Деда Мороза персонаж старинных сказок Морозко. (Он же, в более поздних версиях, Студенец, Мороз Иванович, Мороз-Красный нос). Дух зимы. Строгий, иногда злой, но всегда справедливый. Хороших людей благодарит и одаривает. Плохих же может и заморозить волшебным посохом. Такой вот был вредный дядя... то есть, я хотел сказать – дедушка.

В привычном для нас облике добродушного и симпатичного старичка Дед Мороз появился в России лишь в 1840 году в рассказе Владимира Одоевского «Мороз Иваныч». Это была литературная обработка народной сказки «Морозко». В смягчённом варианте писателя ленивой девушке достаётся не смерть, а всего лишь ожерелье из сосулек. Несмотря на то, что новогодние традиции пришли к нам из Западной Европы в середине XIX века, дед не сразу утвердился в роли дарителя. Лишь к восьмидесятым годам XIX века ёлка и мешок с подарками крепко увязались с образом лесного старика. А окончательно наш дедушка подобрел только к началу XX века, после того как поэтесса Раиса Кудашева написала в 1903 году слова песенки «В лесу родилась ёлочка». С 1910 года стал появляться живьём с румяными щеками и ватной бородой.

После известных событий 1917 года первые десять лет ёлки ещё оставались атрибутом Нового Года. Но в 1927 году советская власть запретила устраивать новогодние мероприятия, а Дед Мороз был объявлен... врагом народа. Товарищи атеисты постарались на славу, развернув в стране непримиримую борьбу «с религиозными предрассудками!» В изданных в 1927 году «Материалах к антирелигиозной пропаганде в рождественские дни», например, говорится: «Ребят обманывают, что подарки им принёс Дед Мороз. Религиозность ребят начинается именно с ёлки. Господствующие эксплуататорские классы пользуются «милой» ёлочкой и «добрым» Дедом Морозом ещё и для того, чтобы сделать из трудящихся послушных и терпеливых слуг капитала». Некоторые агитки обрамляли стихами, дабы постараться затмить песню «В лесу родилась ёлочка»:

Скоро будет рождество, праздник буржуазный.
Связан испокон веков с ним обычай безобразный.
В лес придёт капиталист, косный, верный предрассудку,
Ёлку срубит топором, отпустивши злую шутку.

Как идеологически пытались шутить тогда члены партии: «Только тот, кто друг попов, ёлку праздновать готов». И лишь в 1935 году вопрос о ёлке оказался снова открытым. Дело было так. Секретарь ЦК Украины Павел Постышев посоветовался с «лучшим другом советских детей» товарищем Сталиным и написал письмо-обращение к комсомольцам, которое было опубликовано в «Комсомольской правде» 28 декабря 1935 года. Статья называлась «Давайте организуем к Новому году детям хорошую ёлку!» Вот выдержки из неё:

«В дореволюционное время буржуазия и чиновники всегда устраивали на новый год своим детям ёлку. Дети рабочих с завистью через окно посматривали на сверкающую разноцветными огнями ёлку и веселящихся вокруг неё детей богачеев... Какие-то, не иначе как «левые», загибщики ославили это детское развлечение как буржуазную затею... Следует этому неправильному осуждению ёлки... положить конец... устроим хорошую советскую ёлку во всех городах и колхозах...»

Письмо было воспринято как директива. И уже на следующий день «Комсомолка» опубликовала постановление ЦК ВЛКСМ за подписью А. Косарева, предписывающее организовать «ёлки» весело и без занудства. Однако ещё два года крупные «ёлки» в стране проходили без Деда Мороза. Но вот настал печально известный 1937 год...

Есть такое магическое словосочетание «тот самый». Что бы человек ни делал в искусстве (равно как и в других областях жизни), какими бы взлётами ни был отмечена его судьба, всё это ровным счётом ничего не значит, если про него нельзя было бы сказать – «тот самый».

Гаркави – этот тот самый советский артист, который первый заново подарил советским ребятишкам Дедушку Мороза после десятилетий запретов и «непущений»! Случилось это 11 января 1937 года на первой Кремлёвской Ёлке. Воистину, ирония судьбы или... с Новым Годом!

Вернуть детям праздник... Не правда ли, достойная миссия и артиста и человека?! Судя по всему, Гаркави это удалось. Юные зрители мгновенно вспыхнули любовью к «дяде Мише».

Так началась самая веселая и безопасная сезонная компания в СССР, а потом и в России – ёлочная!

Глава семнадцатая

Артист в клетке

Не помню уже с чего началась моя любовь к французской эстрадной песне. В разное время в моём сердце навсегда поселились Шарль Азнавур, Ив Монтан, Морис Шевалье, Серж Гинзбур...

Я обратил внимание, что в биографии каждого из них обязательным «пунктиком» было кино. Причём, не преходяще, не эпизодом, не в роли «самого себя», а нередко основательно и глубоко. В самом деле, невозможно представить себе историю французского кино без оscarоносной «Весёлой вдовы» Эрнста Любича с Морисом Шевалье, «Стреляйте в пианиста» Франсуа Трюффо с Азнавуром или «Платы за страх» Анри-Жоржа Клузо с Монтаном, «Марихуаны» Пьера Коралика с Сержем Гинзбуром, с ним же – «Слоган» Пьера Гримбалта, «Авантюра есть авантюра» Франсуа Трюффо с Жаком Брелем.

При этом все перечисленные артисты продолжали оставаться живыми форпостами французской эстрады.

И ещё о Франции. В шестидесятые годы Париж познакомился с творчеством советского артиста эстрады и кино Афанасием Беловым, выступившим в спектакле «Тик-так...» Рецензенты, не скрывая эмоций, сравнивали Белова с известным комиком Бурвилем (тоже неслабым киноактёром). Такое вот пересечение культур двух стран.

Повезло ли с кино нашим «эстрадникам»? Трудно сказать. Даже гениальный Райкин, по большому счёту, на этом поприще карьеры не сделал. «Мы с вами где-то встречались» в паре с очаровательной Людмилой Целиковской или любимые мною «Люди и манекены» были, по сути, кинопродолжениями его знаменитых спектаклей. Патриарх отечественного конферанса Алексей Алексеев сыграл губернатора в фильме А. Рома «Предатель», но на этом его кинокарьера и завершилась. Леонид Утёсов, знакомый с кино не понаслышке, сыграл настоящую роль лишь в «Весёлых ребятах» Г. Александрова (фильмы Б. Светлова 1925 года «Карьера Спирыки Шпандыря» и «Чужие» заставят утвердительно кивнуть разве что Кирилл Разлогова, Наума Клеймана и иже с ними).

Мария Владимировна Миронова, снимавшаяся, кстати, в «Мы с вами...» вместе с Райкиным, так же была заметной киноактрисой.

А совсем недавно я сделал для себя маленькое открытие. В фильме «Улица полна неожиданностей» увидел мелькнувшего в эпизодической роли Павла Рудакова, известного куплетиста. Ещё один - ленинградец Герман Орлов, поучаствовавший в кинопроцессе в картинах «Челюскинцы» режиссёра Михаила Ершова, «Своики» Сергея Аристова, «Цветы календулы» Сергея Снежкина. Можно также назвать имя своеобразнейшего конферансье Константина Грибшмана, успешно снявшегося в «Женитьбе», «Петре Первом», «Иудушке Головлёве». Историки эстрады наверняка припомнят киноопыты Юрия Тимошенко и Ефима Берёзина – знаменитых Тарапуньку и Штепселя. Первый относится к 1953 году, фильм режиссёра В. Строевой «Весёлые звёзды». А я, например, с интересом смотрел в школьные годы фильм «От и до» с участием этой пары. В роли ведущей в нём выступила диктор ЦТ очаровательная Татьяна Судец.

Борис Владимиров и Вадим Тонков, больше известны в народе как Авдотья Никитична и Вероника Маврикиевна, имели в своём послужном списке игровой фильм «Бабушка надвое сказала» режиссёров Ю. Харченко и Ю. Клебанова. Фильм был показан в новогодние праздники, повеселил не одну советскую семью, но... вряд ли прибавил славы эстрадным «бабушкам»! Кстати, о «бабушке». Вспомните легендарный мультфильм «38 попугаев», где Владимиров озвучивал бабушку... Удава. Пересмотрите и прислушайтесь. Вы сразу узнаете голос незабываемой Авдотьи! Тот же Владимиров озвучивал завистливую, приставучую ворону в мультфильме «Мешок яблок» режиссёра Витольда Бордзиловского. Партнёра незабвенной Маврикиевны наблюдательный зритель может встретить также в небольшой роли коллеги уходящего на пенсию героя Евгения Евстигнеева в «Стариках-разбойниках» Э. Рязанова.

Из недавнего случайно подсмотренного в современном российском кино: эпизодическая роль Владимира Ляховицкого (артиста театра под руководством А. Райкина, работавшего затем в паре на эстраде с актёром того же театра Максимом Максимовичем) в фильме Александра Атанесяна «24 часа».

Другой Владимир – Трошин, прославившийся как незаурядный певец, первый исполнитель «Подмосковных вечеров» - достаточно известен как киноактёр. Вот наиболее заметные его работы - «Дело было в Пеньково», «Гусарская баллада», «Олеко Дундич», «Старый Новый Год»...

Чуть не забыл про Рину Васильевну Зелёную! В эстрадной энциклопедии к определениям «артистка эстрады, театра» по праву добавлено «кино». Я бы даже не рискнул определить, «кто» она больше!

Знатоки, наверняка, дополнят мой список киноролей эстрадных артистов.

А что же Гаркави? При всей своей колоритности и «типажности» своей фигуры, серьёзной актёрской закваске, режиссёры не спешили приглашать его на съёмочную площадку. «Ваш выход, Михаил Наумович!» он слышал в своей жизни неизмеримо чаще, чем «Мотор!». И всё-таки эта сторона его творческой жизни, на мой взгляд, достойна внимания.

Любопытно, что в уже упоминавшемся «биографическом рассказе» сам герой о своих киноподвигах пишет так: *«Я пошёл в театр, к режиссёру наниматься и в первое время буквально обалдел. Режиссёр на меня посмотрел: «Да, - говорит, - это фигура». Я... стал сниматься в кино».*

«Два года шло замечательно, потом начались недоразумения. «Понимаете, товарищ Гаркави, ролей для вас нет!» А ведь действительно, я всех буржуев в театре сыграл... и потом, помните, пьесы пошли из рабочей жизни, ну кого же мне играть? Тогда я пошёл в конферансье. Тут я действительно на месте».

Мне думается, что Михаил Наумович слухавил. Разве с появлением «пьес из рабочей жизни» «буржуи», а также «нэпманы», бюрократы, уголовники, «враги», «шпионы» и прочая братия исчезли с экрана? Вспомните хотя бы фильм «Путёвка в жизнь», «Член правительства» или тот же «Цирк». Даже при жесточайшей сталинской цензуре таким героям давали «засветиться» на экране. А как же! Народ должен был знать в лицо не только своих героев, но и врагов!

Предполагаю, что причина лежит в его основной профессии, не оставлявшей или почти не оставлявшей времени на что-то иное... Здесь как у его любимого Маяковского: мы говорим

Гаркави - подразумеваем концерт. Вот кинорежиссёры и подразумевали... Как можно было дать этому толстяку серьёзную роль, если у него наверняка концерты расписаны на недели вперёд!

Но интересно то, что именно концертная его деятельность приподнимает перед нами тайну его киносудьбы. 4 декабря 1962 года газета «Вперёд» подмосковного города Троицка писала: *«Итак, концерт начался. На сцене – Михаил Гаркави... ведёт себя просто, будто пришёл к давно знакомым друзьям Впрочем, мы знаем его. Правда, до этого знали заочно, по радио, по экрану.... создавший несколько отрицательных типов (вроде Геринга, Черчилля) у нас в гостях».*

Я рад, что в некоторой степени могу подкрепить фактом слова автора той заметки. Действительно, в 1949 году режиссёр Владимир Петров снял двухсерийный фильм «Сталинградская битва». Роль хозяина люфтваффе исполнил (на тот момент уже член ВКП (б)) Михаил Гаркави. Фотография, представленная в подборке данной книги, даёт яркое представление о «типажности» артиста. Бывший служитель драматического театра попал, что называется, в родную стихию. Роль! Играть! Да ещё и в кино! Отказаться было невозможно. Стоит, пожалуй, рассказать поподробнее об актёрском составе в этой картине, музыку к которой написал Арам Хачатурян, а закадровый текст читал «сам» Юрий Левитан. Роль Сталина досталась Алексею Дикому. Гитлера сыграл Михаил Астангов, Виктору Станицину досталось сразу две роли – Черчилля и советского генерала Толбухина. Рузвельт – Николай Черкасов. И, наконец, Михаил Гаркави в роли Геринга. Все последующие годы его жизни, если где и заходил разговор о его киноопыте, то Геринг, в том числе и им самим, назывался, как его «фирменная» роль. Н.П. Смирнов-Сокольский как-то пошутил: *«На роль Геринга Гаркави пригласили исходя из равного живого веса, а вот насчёт второй роли замечу: кто из массы советских киноартистов смог бы достойно сыграть роль не ударника производства или секретаря обкома, а мудрого и благородного сэра Уинстона Черчилля?!»*

А сейчас предлагаю читателю мысленно совершить визит в Санкт-Петербургский театр комедии имени Акимова. В тишине только что «отвоёванной» гримёрки (моя собеседница попросила коллегу оставить её наедине с «корреспондентом из Москвы») начинается задушевный разговор с удивительной актрисой, Светланой Алексеевной Карпинской – заслуженной артисткой России. Воистину всею союзную славу ей в конце пятидесятых принесла роль Кати Ивановой в фильме «Девушка без адреса» Эльдара Рязанова. На молодую актрису сразу же обрушился успех. Её буквально заваливали письмами: «Москва. Кате Ивановой».

Но прежде чем предоставить слово Карпинской, два слова о режиссёре фильма. Стало уже давно общим местом говорить о том, что произведения искусства сродни детям. Родители их порой ругают, но продолжают любить! Почему Рязанов к «Девушке...» изначально относился без той «отцовской теплоты», с какой, например, относился к другому своему «ребёнку» - «Карнавальная ночь» - я ответить не берусь. Сам режиссёр в своей книге «Не подведённые итоги» так высказывается по этому вопросу: *«...С.И. Юткевич (известный кинорежиссёр – А.Л.) безудержно хвалил мой... фильм «Девушка без адреса», когда худсовет принимал картину. «Девушка без адреса» была откровенно слабее «Карнавальная ночь» и я не понял такой необъективности Юткевича».*

Полагаю, в этом несовпадении взглядов профессионала со стороны и самого творца ничего особенного нет. То, что Рязанов выдаёт за необъективность Юткевича, можно также назвать предвзятостью самого Рязанова. С какой стороны посмотреть...

Далее он пишет: «Для режиссёра вообще очень важно найти баланс между собственными убеждениями и так называемым мнением со стороны». Удалось ли Эльдару Александровичу найти этот баланс? Подумаем вместе. Если «сторона» - иными словами зритель – всей душой принимает картину, то он воспринимает её как нечто очень родное и близкое. Практически, усыновляет, а следовательно, имеет право отстаивать своё мнение на равных с «отцом» фильма. Вы не согласны? Так вот я – зритель – решительно отстаиваю то мнение, что фильм «Девушка без адреса» ничуть не слабее «Карнавальная ночь» при всём головокружительном успехе последнего. И это по самому, что ни на есть, гамбургскому счёту. Начнём с того, что его посмотрело без малого 36 млн зрителей. Остроумный сценарий, чудесные песни: «Если улицы Москвы...», «Я, признаться, совершил...»... А актёры, актёры какие! Зоя Фёдорова, Сергей Филиппов! Один их диалог «- Чего хочет Масик? – Масик хочет водочки» - чего стоит! Эраст Гарин, Николай Рыбников, Василий Топорков, Владимир Белов, Рина Зелёная, Георгий Тусузов поднимают этот фильм на уровень если не шедевра, то, во всяком случае, высококачественного кинопродукта.

Была в нём одна эпизодическая роль застрявшего в лифте артиста. Герой бодро появляется в подъезде собственного дома, напевая: «Куда, куда вы удалились...». Его встречает новоиспечённый лифтер – Катя Иванова. Поступью «звезды» он заходит в кабину лифта, закрывает дверь, нажимает на кнопку. Кабина плавно взывает вверх, но... тут же застревает между этажами! «Безобразия! - возмущается артист, - выньте меня отсюда! Сейчас же!»

- Не волнуйтесь, пожалуйста! Нажмите седьмую кнопку, вторую и пятую.
- Ничего не получается! Жму – не идёт!
- Тогда так: первую, аварийную, потом пятую!
- Звонок работает, а лифт нет.
- Почитайте пока свежие газеты, а я за монтером сбегаю.
- Да я же на концерт (герой выговаривает «на коооонцерт» - А.Л.) опаздываю!
- А вы артист?!
- Ну дааа!
- Тогда я для вас всё сделаю!!!

Вот, собственно, и вся роль. «Застрявшим артистом» был Михаил Гаркави.

Рассказывает Светлана Карпинская:

«Сразу и мгновенно я – тогда очень молодая – поняла, что это артист. Артист! Той, старой школы! Из породы больших, толстых, значимых... Очень интеллигентный. Очень терпеливый. По-детски (что важно для актёра) верящий в обстоятельства. Помню, в этот день, в не очень хорошем настроении был наш режиссёр. Этот дубль снимался много раз. Съёмка была какая-то нервная. Может потому, что к этому времени я очень устала? Вы не поверите, но я не помню его идущим! Я помню его уже сидящим в лифте. Он был из тех актёров, кто с удовольствием выполняют любые режиссёрские требования. По-моему ему было очень приятно сниматься, тем более, что делал он это, как мне говорили, в первый раз. Он долго, терпеливо сидел внизу, в лифте. Гаркави еле помещался в кабине, и ему было в ней душно. И вот он, такой большой, смотрит наверх, моя коленка перед ним... Мне его было жалко! И поскольку наш режиссёр был в тот день какой-то злой и нехороший, то у нас с Гаркави произошло некоторое единение двух артистов. Я с удовольствием таскала ему в лифт сосиски. Он уставал, как и я, и на него тоже срывался режиссёр. Он находился в состоянии клетки из которой некуда было деваться. Гаркави смотрел на меня – наверх, а я стояла над

ним и видела умоляющее лицо, толстое и потное, При этом голос высокий такой... В этот момент я свято верила в то, что он - певец, хотя и знала, что конференсье. Такое впечатление от него и осталось – интеллигентности. С ним нельзя было грубо. Интеллигентное глыбище в клетке».

Эпизод, длившийся на экране 54 секунды, даёт редкую возможность услышать его высокий голос, увидеть, наконец, его массивную фигуру в движении, а не только застывшим на фотоснимке. Нетрудно представить себе, как вырубал его этот голос там, где и в помине не было никаких микрофонов, например, на полевом стане или во время войны, когда «патером» или «бельэтажем» бойцам служили поляны, пеньки да пригорки.

Рассказ Светланы Карпинской о совместной работе со знаменитым конференсье оказался чуть длиннее самого эпизода «В клетке», но я нисколько не пожалел о нашей встрече и разговоре. Мне посчастливилось поддержать в руках большую фотографию, где её героиня – бойкая провинциалка, и «артист, спешащий на концерт» ведут свой сочувственный диалог. Светлана Яковлевна любезно разрешила мне взять её с собой в Москву, для пересъёмки. Возвращая фото, я вложил в бандероль листочек с экспромтом:

Питер. Ивановой Кате.
От поклонника А.Л.
На портрете слов не хватит –
Ваш поклонник оробел.
Жизнь идёт, взрослеют детки,
Всё меняется, течёт.
Только жаль, Гаркави в клетке
Всё сидит который год!..

Откровенно говоря, эта тема – «эстрада и кинематограф» - казалась мне наименее перспективной. Но наткнувшись на публикацию «Содружество муз» в журнале «Советская эстрада и цирк», я понял, что всё не так уж плохо. Вот выдержки из неё:

«Эстрада и кинематограф... Мы очень редко задумываемся над тем, как близки между собой эти массовые... виды искусства.

Кинематограф на протяжении нескольких десятилетий был активным пропагандистом эстрадной песни, танца, эксцентрики, оригинальных и разговорных жанров. Из эстрады пришли в кинематограф и обогатили выразительные возможности кинокомедии Л. Утёсов, Б. Тенин, С. Мартисон, Р. Зелёная... В фильмах-концертах миллионы кинозрителей могли увидеть и услышать К. Шульженко, Л. Русланову, Н. Смирнова-Сокольского, В. Хенкина. Их было много – талантливых и оригинальных мастеров экрана и эстрады, искусство которых, к сожалению, почти забыто, а имена сегодня подчас известны только небольшому кругу специалистов. Кинематограф запечатлел и выдающихся зарубежных мастеров эстрадного и циркового искусства.

Запомнился разговор с народным артистом РСФСР Львом Мироновым незадолго до его смерти: «Я жалею о том, что многие прекрасные концертные программы и номера уходят, зачастую не оставляя даже следа в эстрадном искусстве. ...Как было бы полезно нашей растущей молодёжи учиться мастерству у таких замечательных артистов, как М. Миронова, Р. Зелёная, К. Шульженко, Н. Смирнов-Сокольский, И. Набатов, В. Хенкин, Б. Тенин, М. Гаркави» .

И последнее на тему «Гаркави и кино». Сохранились нескончаемые записки артиста Георгия Немчинского, создателя новой формы выступления – кинофельетона. Меня заинтересовал в них тот фрагмент, где автор рассказывает о собранной им коллекции кинопортретов писателей, учёных и артистов: «Из конференсье в разное время были засняты Амурский, Гаркави, Глинский, Гибшман, Орешков, Добрынин, Евгеньев, Плинер и другие»²⁷

Эта информация требует серьёзного к себе внимания со стороны историков эстрады. Она даёт нам пусть и небольшую, но всё-таки надежду увидеть когда-нибудь на плёнке уникальную плеяду мастеров отечественного конференса!

Глава восемнадцатая

На сцене и не только...

Ну что вы глядите в бинокль на меня?
Воображаю, какая панорама!

(М. Гаркави)

Когда мы говорим о лицедействе, то подразумеваем, как правило, актёрскую профессию. Но давайте откровенно: редко кому из нас, простых смертных, не приходилось «лицедействовать»! С большим или меньшим успехом, но приходилось. Работа диктует один стиль поведения. Семья, друзья, отпуск, выходной, прохожие, иностранцы, начальники и подчинённые – другой. Более того. Вспомните Джулию Ламберт из романа «Театр» С. Моэма. Обращаясь к своему старому другу, она показывала на посетителей в кафе: «Мы, актёры, живём искренней жизнью. Вот – настоящий театр!»

Возможно-возможно... В любом случае граница между реальностью и лицедейством весьма прозрачна. Гаркави всю жизнь плавно балансировал между тем и другим. Не лишённый, по словам его друга Александра Менакера, некоторого самодовольства, он любил себя демонстрировать. После концерта, обычно, быстро надевал пальто и бежал к выходу, чтобы оказаться на виду у выходящей публики.

Как-то они были вместе на гастролях в Донецке и ежедневно обедали в театральном кафе.

«Однажды, – вспоминал Менакер, - мы с Сикорой²⁸ и Горышником²⁹ пришли немного раньше и сели за столик. Распахивается дверь. Важно неся себя, входит Миша и, не видя нас, громко спрашивает у официантки:

- А мои люди ещё не приходили?

Ему нравилось, что у него были «свои люди».

²⁷ Г. Немчинский – «С кинопроектором на эстраде». 1964 г. №3

²⁸ Сикора Ружена Владимировна – певица, сопрано. Чешка по национальности. В 1946 году вышла её первая пластинка «Звезда 50-х годов прошлого века...» Исполняла песни на музыку И. Дунаевского, К. Молчанова, Ю. Слова, В. Мурадели, А. Цфасмана, М. Блантера, Н. Богословского.

²⁹ В. Горышник – талантливый пианист, аккомпанировал Ружене Сикоре.

А каким он был вне сцены? Рассказывает, к сожалению, безвременно ушедший от нас режиссёр Московского Театра эстрады Юрий Рубцов:

«Если у Гаркави было много концертов, то он первым делом шёл в известный магазин «Антиквариат» на Арбате и обязательно с «хороших денег» покупал себе в свою домашнюю коллекцию картину, скульптуру или ценную фарфоровую вазу. Директор магазина уже знал: Гаркави пришёл – и вещи были наготове. Эту тягу он старался привить артистам, которые его окружали. В конце концов он привил её Руслановой – своей тогдашней жене, которая из простой крестьянской девчонки стала обладательницей огромной и ценной коллекции. Даже когда они развелись, она продолжала собирать художественные ценности».

К рассказу Юрия Рубцова стоит добавить тот факт, что при аресте певицы в их квартире с тогда уже бывшим мужем были изъяты 4 картины Нестерова, 3 – Поленова, 2 – Серова, 2 – Врубеля, 3 – Сомова, 3 – Айвазовского. А ещё Верещагин, Васнецов, Суриков... Филиал Третьяковки, ни дать ни взять. Ясно, что первое «зерно» страсти к великим полотнам в её душу заронил Михаил Наумович.

«Многие пошли по его пути, – продолжает Рубцов, - Миронова и Менакер. Они собирали ранний советский фарфор, книги, старые и очень старые часы. Даже Утёсов стал собирать и собрал очень приличную коллекцию живописи. Но тон задал Михаил Наумович. Они получали тогда очень хорошие деньги, я тебе скажу! Положим, Миронова и Менакер были гастролёрами номер один и за спектакль в 40-е - 50-е годы получали 5 тысяч рублей. Это когда автомобиль стоил 6 тысяч. Инженер получал 300 – 400 рублей. А ведь у них был не один концерт в день, они старались давать два-три...»

Если бы на чудесном ковре-самолёте мне бы удалось оказаться в его времени, я не удержался бы от интервью.

- Михаил Наумович, - спросил бы его я, - а что вы любите помимо сцены?

И он наверное ответил бы, что любит поесть, хорошие сигары, красивых, тонких, изысканных женщин. (Что не помешало ему, кстати, жениться на женщине крестьянских кровей – Лидии Руслановой, затем на Людмиле Михайленко-Луариной – даме, не отличавшейся сильной худобой).

Тогда, осмелев, я бы задал ему более дерзкий вопрос:

- Говорят, вы очень любите... гм... преувеличивать... Так ли это?

Скорее всего, Гаркави тут же отшутился бы, или, что ещё более вероятно, – послал бы незадачливого корреспондента... обратно в будущее!

Ну а тот, в свою очередь, недолго бы горевал и обратился бы за ответом к современникам великого конферансье. А уж эти бы молчать не стали! Они и так не молчали. Практически во всех мемуарах, когда разговор заходил о Гаркави, современники отмечали его черту первостатейного «барона Мюнхгаузена». В начале книги я уже цитировал это высказывание М.В. Мироновой. Прочитую его ещё раз: *«Если Миша говорит «здрасьте» - это тоже надо проверить».*

«Врал Михаил Наумович самозабвенно и бескорыстно, - пишет Павел Леонидов. – Впрочем, все подобные вруны бескорыстны, они верят в то, о чём врут, и если вы верите им – они счастливы...»

Читатель уже получил информацию о шахматных достижениях героя этой книги. Но поскольку речь идёт о самозабвенном вранье вне сцены великого конферансье, будет интересно послушать рассказ прославленного артиста московской эстрады Романа Романова:

«У Михаила Наумовича Гаркави... была странность. Мы приехали в Ленинград... Нас разместили в гостинице «Европейская». Утром мы встретились с Гаркави в буфете гостиницы. Дорогой, красивый фарфор, хрусталь, расставленный в буфете, вежливый тон буфетчика – всё располагало к вальяжной беседе.

- Должен вам сказать, Ромочка, - начал разговор Михаил Наумович... - здесь я жил много лет назад с чемпионом мира Алехиным.

Я, конечно, раскрыл рот от удивления.

- ...И я хочу похвастаться: мы сыграли с ним несколько партий, и я, вы мне не поверите, одну из них выиграл!

Меня удивило не то, что он выиграл (Гаркави хорошо играл в шахматы), а то, что чемпион мира Алехин, как я знал, все эти годы был в эмиграции и никак не мог жить в этой гостинице. Но убеждённость, с которой Гаркави рассказывал, заставляла в это верить даже стоящего за стойкой буфетчика, повидавшего за свою жизнь немало фантазёров и чудачков. Мне казалось, что он всё это рассказывает не только мне. Он любил хорошо, вкусно поесть и благодаря своему рассказу надеялся получить от буфетчика «особое внимание». И когда мы уже выходили из буфета, буфетчик вслед уходящему Гаркави сказал:

- Приходите вечером, я попробую достать свежих раков и холодненького пива...

Я понял, что расчёт Гаркави был правильным ».

А вот впечатления о «красном шоумене» от знаменитого Бубы Косторского (артиста Бориса Сичкина):

«Он не преследовал никакой цели, а просто любил придумать историю, долго рассказывать и верить в это. Не помню по какому поводу, но я однажды вспомнил разведчика Зорге. Гаркави отреагировал мгновенно: «Рихард Зорге? Это же мой самый близкий друг». Когда разоблачили шпиона, работавшего на ЦРУ, полковника Пеньковского, то Гаркави, оторвавшись от газеты, сказал: «Пеньковский без меня не садился ужинать». В эту минуту он не задумывался, чем рисковал, если бы среди нас сидел какой-нибудь стукач. Заговори о футболе – он тут как тут. «Борис, я был в первой сборной Советского Союза центральным нападающим», - однажды признался он мне. Дело не в том, что я знал все фамилии игроков сборной Советского Союза, а в том, что я видел фотографии Михаила Наумовича в детстве, где он был таким толстым, что ему наверняка не удалось играть даже во дворе. По его словам он был главным хирургом фронта в гражданскую войну. Михаил Гаркави действительно учился в медицинском институте и закончил два курса. Возможно, и работал во время войны, но максимум, как медбрат».

Однажды, когда Сичкин ещё не знал о страсти к выдумыванию разных историй, Гаркави подцепил его как новичка и начал рассказывать о своих фронтовых похождениях. Вот одна из таких баек.

«Во время войны я, один высокий чин из политуправления Красной Армии генерал Шикин и группа артистов московской эстрады на самолёте «Дуглас» летим в осаждённый Ленинград вдохновить наших бойцов. Я – начальник группы, у меня пистолет парабеллум и в палке спрятан партийный билет. Дело в том, что Гитлер поклялся убить двух человек: Сталина и меня. Видимо, своими шутками, частушками сильно ему досадила.

Летим. Всё нормально. Вдруг меня подзывает лётчик и говорит, что над нами кружатся два «мессершмитта». Я говорю лётчику, чтобы он снизился, а сам иду к пулемёту. Артисты все дрожат. Шикин стал бледным, как полотно. «Мессершмитт» идёт в пики, я – очередь по нему. Второй заходит, я – по второму. Мысль у меня только одна: хоть бы не кончились патроны. На улице сумерки, по моим подсчётам, мы должны быть под Ленинградом.

Пока я вёл бой с «мессершмиттами», совсем стемнело. Немецкие лётчики почувствовали, что им здесь не угадать, развернулись и оставили нас в покое. Лётчик подошёл ко мне и сказал, что пока он маневрировал, бензин кончился. Я принимаю решение и приказываю посадить машину в поле. Мы благополучно сели, и я вижу, что мы сели на минное поле. Все артисты в шоке. Шикин смотрит на меня, какое я приму решение. Я вышел из самолёта и думаю: что делать? Вести людей по минному полю? Я не имею права ими рисковать. Остаться на поле до рассвета – опасно. Могут разбомбить. Принимаю решение идти самому. Далеко на горизонте вижу яркие огоньки. Значит, землянки. Пошёл на огонёк по минному полю. Шёл долго, но это не страшно для меня, так как в своё время на всесоюзных соревнованиях я был победителем по ходьбе на двадцать километров. Темно, ни зги не видно. Подхожу к землянке и думаю: «Кто? Наши или немцы?» Короче, вытаскиваю парабеллум, взвожу курок. Открываю ногой дверь, как леопард, впрыгиваю в землянку и слышу крик: Гаркави, родной!!! Это были наши».

Михаил Гаркави рассказывал всё это внимавшему ему Сичкину медленно, смакуя, поглядывая на него в паузах, давая более юному коллеге возможность восторгаться его мужеством, находчивостью и полководческими способностями. А Сичкин слушал его и всё думал: как можно увидеть минное поле, да ещё в темноте? Как можно отгнать два «мессершмитта» Чапаевским пулемётом, которого не было? Но воображение Гаркави давало возможность смоделировать любую ситуацию. «Убеждён, - резюмирует Сичкин, - мысленно он мог себя представить даже Анкой-пулемётчицей».

По рассказам Николая Рыкунина, работавшим в дуэте с Александром Шуровым, однажды Гаркави уговорил их поехать в его родной Бобруйск.

«Он предложил дать там концерт, уверяя, что, как только в его городе узнают о приезде Гаркави, в театре будет столпотворение. Артисты приехали, быстро переоделись и скорее в театр – смотреть как город встречает Михаила Наумовича. Он вышел на сцену и сразу даже как-то похудел: в зале сидело несколько человек, среди которых выделялся высокий пожилой мужчина с пейсами. Концерт мастеров смеха проходил в глубокой тишине. В антракте за кулисы пришёл тот самый человек с пейсами и попросил позвать Гаркави. Михаил Наумович сразу оживился и пригласил всех нас: «Ну вот, видите, меня знают и помнят». Человек спросил:

- Значит вы и есть тот самый Гаркави, чьи родители были высокоуважаемыми людьми?

Гаркави улыбнулся:

- Да, тот самый.

- Так зачем же вы кляун? (клоун)

С нами в этой поездке был Смирнов-Сокольский. Человек высокой культуры, библиофил и книговед, автор трудов по истории книги. Очень эмоциональный, взрывной, при нём мы чувствовали себя немного подавлено, побаивались его острого, порой язвительного языка. Так вот. Сокольский услышал слова ребе и рассмеялся так громко, что едва ли не зазвенели стёкла в окнах. Гаркави обиженно сказал: «Ну, теперь шуточки пойдут на всю Москву!» Так и было».

Гаркави и Смирнов-Сокольский... Дороги их часто пересекались, оба славились своим остроумием и находчивостью, оба высоко держали планку нашей эстрады. О Сокольском, я думаю, стоит сказать особо. Страстный книжник, посвятивший всё своё свободное от эстрады время истории русской журналистики, собравший уникальную библиотеку³⁰. В семнадцать лет он уже имел за плечами трудовой опыт, в том числе и журналистский. Это был эмоциональный, темпераментный, можно сказать, взрывной человек. Н. Рыкунин вспоминал такой эпизод:

«Почему-то помещение для эстрады меняли каждый год и при этом всякий раз давали его в... церквях. Как-то Гаркави привёл Сокольского по очередному адресу, на этот раз – в Третьяковском проезде.

- Вот, Коля, в этой церкви теперь наша Мосэстрада.

И тут же услышал комментарий:

- Смотришь – церковь. Входишь – синагога!

При этом стоит заметить, что Николай Павлович ни в коем случае не был антисемитом – добавляет Рыкунин – поскольку сам был женат на еврейке, но никогда не упускал возможность запустить очередную остроту, она моментально рождалась в его голове, и не поделиться ею с окружающими он не мог – такой уж характер!»

Многие коллеги чувствовали себя при Сокольском несколько подавлено, боялись его \, порой весьма язвительного языка, раскатистого смеха. Любопытно, что он единственный, пожалуй, артист эстрады, в честь которого в Москве возведены два памятника: небольшой, на втором этаже московского театра эстрады и огромный – на Новодевичьем кладбище. Он также по праву считается «отцом-основателем» московского театра, открытого на площади Маяковского в 1954 году.

Сохранилась фотография: М. Новицкий, Л. Мирон, Н. Смирнов-Сокольский и М. Гаркави перерезают на сцене ленточку... Так что Сокольский – возможно единственная эстрадная фигура того времени равная «красному-шоумену» по всем, как говорится, показателям. Уверен, он достоин отдельной книги.

Александр Хорт в своей книге «По жизни - смеясь» приводит такой пример. Н.П. Смирнов-Сокольский спросил сценариста Я. Костюковского, что тот подарит Гаркави к его шестидесятилетию.

- Книгу.

³⁰ Искренне советую читателям найти книгу Н.П. Смирнов-Сокольского «Рассказы о книгах». М.: 1960, в отношении остроты интриг и крутизны сюжетных поворотов не уступающую выдающимся детективам!

- Не надо. Книга у него уже есть, - сказал Николай Павлович с серьёзным выражением лица. – Лучше подарите ему ремень.

- Но ведь Михаил Наумович толстый, носит подтяжки.

- А это будет не для брюк. Для часов.

В час прощания со Смирновым-Сокольским Михаил Наумович говорил: «Артисты эстрады своим искусством утверждают жизнь, а весёлые, весёлые люди – не умирают».

Об этом эпизоде читатель мог и не узнать. Получилось бы, как в той басне Крылова: слона-то я и не заметил. Работая над книгой, я едва не упустил ту незабываемую прогулку!..

Но, слава Богу (и Арнольду Гумницкому), что этого не произошло, и вы, дорогие читатели, имеете возможность вместе с автором и его собеседником – конференсье, режиссёром, заслуженным артистом России А.К. Гумницким оказаться у входа в главный некрополь страны - Новодевичье кладбище.

Итак, представьте себе конец августа, замечательную погоду, располагающую к прогулкам и воспоминаниям.

В кои-то веки мы выбрались с моим старшим другом посетить могилу великого конференсье! Вдобавок, я захватил с собой видеокамеру, чтобы запечатлеть это историческое событие.

Но распорядок дня одинаково суров как для мест массового развлечения граждан, так и для мест их упокоения...

На часах – семнадцать ноль-ноль, и нам ничего не остаётся, как прогуляться вдоль кирпичной стены Новодевичьего монастыря, предаваясь воспоминаниям. Вернее, воспоминаниям предавался Гумницкий, а я его слушал с открытым ртом и включённой камерой...

- Что первое приходит Вам в голову, Арнольд Калманович, когда Вы вспоминаете эту аббревиатуру – М.Н.Г.(Михаил Наумович Гаркави – А.Л.)?

- Сразу на душе радость. Улыбка. Восхищение. Я не говорю сейчас о таланте Михаила Наумовича, о его выступлении на сцене, а о нём как о начальнике отдела Сатиры и Юмора Москонцерта, нашем руководителе. Он был необыкновенен во всём! Мне рассказывала Елена Арнольдова – супруга одного из моих учителей – Геннадия Михайловича Дудника, как муж обожал Гаркави и с каким придыханием его слушал!..

О чём тогда говорить, если Дудник был для нас такой же величиной, что и для Дудника – Гаркави?! Это было что-то необыкновенное!

Как же по-отечески он относился к нам – молодым артистам! Если наши другие знаменитые артисты, которые были ближе к нам по возрасту – и Борис Сергеевич Брунов, и Олег Анатольевич Милявский – относились к нам с симпатией, но с какой-то ревностью. Я не раз задавал себе вопрос, почему же иначе к нам относились Гаркави и Набатов? Видимо, они были артистами такой высоты, что мысль о ревности просто не возникала!

Интересен такой факт. Мы, «совы», прибежали в отдел Сатиры и Юмора пообщаться с Михаилом Наумовичем к восьми утра!..

- Вы удивились, когда я сказал, что он похоронен здесь – на Новодевичьем?

- Да, это вызывает удивление. Ведь здесь хоронили только народных артистов Советского Союза. Но с другой стороны, такова, видимо, была его «государственная значимость». Наверное, учли его работу в годы Великой Отечественной. Если Леонид Осипович Утёсов приезжал на фронт (кажется, на Калининский) несколько раз, то Гаркави прошёл путь от Львова до Сталинграда и от Сталинграда до Берлина (об этом рассказывал Н.П. Смирнов-Сокольский на бенефисе М.Н. Гаркави).

И что символично, в концерте у поверженного рейхстага участвовали и Русланова, и Гаркави. Их обоих наградили орденом Отечественной войны первой степени. И когда среди некоторых высших руководителей произошло изменение отношения к Г.К. Жукову, то ходили слухи, что ему поставили в вину награждение Руслановой без подписи Верховного главнокомандующего. Тем не менее, всё равно нельзя сказать, что этот орден получен ею незаслуженно.

- Гаркави был строгий начальник?

- Нет, какой там строгий?! Вот тебе картинка из жизни (Кстати, я привожу её в своих мемуарах «Прямо по сердцу идёт пароход»).

Михаил Наумович был «жаворонок» и на работу, как я уже сказал, приходил к восьми утра. А к девяти появлялись все артисты. Такое часто бывало перед просмотром, но нередко они приходили и просто так – его послушать! А он как раз только что приехал из санатория. «Актёр из Сочи!» Весь в воспоминаниях, загорелый, настроение чудесное. Рассказывает, как он общался с актёрами театра и кино. Все хохочут, смеются. Вдруг вбегают ещё одна знаменитость – Владимир Коралли (артист, муж Клавдии Ивановны Шульженко). Вбегают с бумажкой и, прерывая очередной рассказ Гаркави, просят «Мишенька, подпиши! Скоро отходит поезд. Вон – машина внизу, опаздываю!» Недовольный, что его прервали на взлёте его фантазии, Гаркави ему отвечает: «Володя, я же разговариваю, ведь это ж бестактность! Я ведь что-то рассказываю моим коллегам!» Коралли не отстаёт: «Мишенька, ну, умоляю!.. Машина!.. Я опаздываю!!! Ну, черкнуть-то, господи... И я побежал!» Гаркави, недовольный, берёт бумажку, ручку и ставит роспись. Коралли ему говорит спасибо и бежит к выходу, а Гаркави ему вслед: «Парадоксы жизни! Ещё вчера купался в Чёрном море, а сегодня опять окунулся в говно!»

- Гаркави любил крепкое словцо?

- Нет. По-моему – нет. Я ещё понимаю Смирнова-Сокольского. При его характере можно было от него ожидать. Что же касается Гаркави, то - зачем? Чем мог быть Михаил Наумович так расстроен? Тем, что не давали почётное звание? Может быть, в кругу друзей он что-то и говорил. А так, по жизни, настолько его все любили и обожествляли, что расстраиваться и возмущаться просто не было причины!

Интересно было видеть, конечно, как он вёл программу мюзик-холла в трёх отделениях! На сцене он творил чудеса!

Борис Сергеевич Брунов делал это за столом, когда поднимал рюмку и говорил тост о каждом по кругу, давая характеристику. И настолько точно! (При этом, может, кого-то обижая, но ведь сидели все свои). Стоял беспрерывный хохот.

Такие же чудеса совершал Михаил Наумович с публикой в зале на официальном концерте!

По словам Михаила Ножкина³¹, он был один из немногих людей, кто соответствовал своему внешнему виду: *«Толстый, добрый, он и по натуре был таким – добродушным и с юмором». «Заводился» редко, и тогда уж был заядлым матерщинником. Дело в том, что это было особое поколение артистов, когда ругались спонтанно. Это была эмоциональная вспышка, реакция на что-то раздражающее и не более того: «Ну что ж ты так-растак?!» И то, очень редко, в основном – с юмором. Гаркави был очень доброжелательным к молодым актёрам. В то время я много писал нашим разговорникам и Гаркави часто просил кого-нибудь из них поддержать с репертуаром или, как тогда говорили, «одеть-обуть».*

Атмосфера была тогда на редкость творческой. Вот, например, готовился концерт, в котором участвуют солисты большого театра, ведущие актёры театра имени Е. Вахтангова (тот же Гриценко), А. Грибов их МХАТа, пианист Е. Гилельс, коллектив И. Моисеева. Тут же выступали очень хороший жонглёр, интересный фокусник, артисты оперетты...

«За кулисами, - вспоминает Ножкин, - я имел счастливейшую возможность знакомиться, а потом и дружить с выдающимися деятелями театра и эстрады! Вот в чём была прелесть!»

Здесь нужно отметить, что знаменитый ныне киноактёр, поэт и шансонье Михаил Ножкин действительно пользовался симпатией «красного шоумена». В июне 1959 года весьма популярная в те годы газета «Советская Россия» поместила статью под названием «Дневник искусств». Были в ней и такие строки: *«Несомненно талантливый артист Михаил Ножкин, читающий фельетон «Ровесники». Фельетон злободневен, но иногда, правда, образность подменяется дидактикой и неверно понятой публичностью. Но главное, что в строй артистов-разговорников вступил способный молодой человек со своим творческим лицом».*

Автор статьи – Михаил Гаркави. Это был не первый и далеко не последний случай, когда конференсье брал в руки авторучку и превращался в журналиста, пишущего об эстраде. Я, правда, так и не понял: с какой стороны обходить «дидактику, подменяющую образность» и чем именно опасна «неверно понятая публичность».

Успокоимся на этом. Михаилу Наумовичу было виднее, какими словами благословить своего тезку на «ратный путь» по дорогам эстрады. Ясно одно: симпатия была взаимной. Рассказывает М. Ножкин:

«Михаил Гаркави был со всеми из них (актёров – А.Л.) в хороших отношениях, потому что редко кто из того ранга людей не дружил друг с другом. У них была особая аура, понять которую сегодняшним «звёздам» довольно трудно. В сообществе столь крупных личностей не было чувства «клановости». Мастера уважали других мастеров за то, чего не умели сами. Недаром Станиславский боялся выходить на эстраду. («Хенкин выходит к публике один на один?!») Театральные артисты понимали: если кто-то выходит на эстрадную сцену, то будет нечто

³¹ Михаил Иванович Ножкин – советский и российский актёр театра и кино, поэт, поэт-песенник, музыкант, народный артист РСФСР (1980), член Союза писателей России, Почётный гражданин Ржева, Народный артист РФ (2022)

интересное и достойное уважения. И не только из-за актёрского уровня, но и чисто по-человечески. Известнейшие «киношные» композиторы не считали зазорным выступить в эстрадных концертах. Зрителям с ними было интересно. Но и им это было интересно со зрителями, ибо давало возможность прикоснуться ещё одной гранью души к обществу и его проблемам!

А как интересно было за кулисами! Шёл обмен информацией: А тот, что нового сделал? А с чем на сцену вышел этот? Смотрите, артист N выучил новый монолог! Сейчас увидим новый танец! Настоящая академия.

Театральная Москва приходила на премьеры в театре Эстрады, потому что работали их коллеги. И наоборот. Они всё время подпитывали друг друга».

Слушая Ножкина, невольно хочется воскликнуть: «Раньше были времена, а теперь моменты! Мастера уважали других мастеров за то, чего не умели сами...» Золотые слова! Грустно становится на душе, когда думаешь, что подобное единение всех родов искусств немыслимо на нынешней эстрадной сцене.

Но не слишком уж идиллическую картину он нарисовал? Лично я склонен думать: не слишком. Почему-то верю ему как артисту и человеку.

Но дом под названием «Жизнь и судьба Гаркави» складывался из таких разных кирпичиков, что нельзя идти на поводу даже собственных веры и неверия. Приходится принимать в расчёт разные источники. А потому вновь позволю себе процитировать «фантазёра» Варлена Стронгина (ну, не может же он, в конце концов, фантазировать обо всём, о чём пишет?!)

Итак, по Стронгину, Гаркави до поры до времени дружил со своим ровесником и тёзкой Михаилом Яншиным.

«Позднее они разошлись. В полном смысле слова. Шли по Тверской. Навстречу им, грустно опустив плечи, плёлся Михаил Булгаков, переживавший оголтелую критику своей пьесы «Дни Турбиных». В этой пьесе Яншин играл роль Лариосика, но, заметив опального драматурга, поспешил на другую сторону улицы. Ошарашенный этим поступком Булгаков остановился.

- Здравствуйте, Михаил Афанасьевич! – приветствовал его ничего не понимавший в происшедшем Гаркави и оглянулся. – Куда-то исчез Яншин!

- Туда, куда и все так называемые друзья! – вздохнул Булгаков.

- Бог их накажет, - весело произнёс Гаркави.

- Спасибо за сочувствие, - Булгаков печально улыбнулся, - если бы вы по прежнему служили в Художественном театре, то я добился бы того, чтобы вы играли в моей пьесе.

- Что вы, Михаил Афанасьевич, Яншин - прекрасный артист, а я вообще не прижился в театре!

- Жаль, что так вышло, - развёл руками Булгаков. А в театре вы не остались потому что, наверное, мечтали сразу стать премьером. Для вас просто нет ролей в новых пьесах. Хотя нет, вы с успехом могли бы играть врагов революции. Вид у вас, извините, слишком аристократический. Будете раздражать рабочего зрителя.

- Возможно, - нехотя согласился с Булгаковым Гаркави».

Пусть читатель сам решает, насколько можно верить описанной встрече. Но я вставил этот разговор молодого артиста и великого писателя, потому что с личностью Булгакова удивительным образом связан эпизод, произошедший с автором книги, которую вы сейчас держите в руках.

И в той же степени, в какой читатели успели мне поверить, они могут поверить рассказу, изложенному ниже...

Как-то летом я шёл по Камергерскому переулку (бывшему проезду Художественного театра) и увидел актёра Василия Ливанова, нашего знаменитого Шерлок Холмса. Собственно, в тот момент, как я его увидел, он уже встал из-за столика и своим исцарапанным голосом крикнул официанту:

- Спасибо, Серёжа!

И поплыл в сторону Тверской. Я догнал его как раз в тот момент, когда Ливанов проходил здание МХТ.

- Василий... простите, не помню отчества!

Ливанов строго посмотрел сквозь очки в мою сторону и резко вскинул руку, указывая на вход в театр.

- Молодой человек, - затрещал в воздухе голос великого сыщика. – Вот здесь работал мой отец – Борис Ливанов! И будь вы чуточку повнимательнее, вы бы меня про отчество не спросили.

«Какой удар от классика», - вспомнил я слова Остапа Бендера.

Разговор, между тем, какое-то время ещё продолжался. Я рассказал ему про Гаркави, про то, что пишу о нём книгу. Спросил, приходилось ли с ним пересекаться. Нет, не приходилось и ничего сказать про него он не может.

- Мы ведь, театральные артисты и артисты эстрады, жили отдельно.

Секунду подумав, Ливанов добавил:

- Я не знаю, ему ли Михаил Афанасьевич оторвал голову в «Мастере и Маргарите»?

- Может, Глинскому или Амурскому?

- Может. А может всем сразу. Желая написать интересную книгу! «Мистер Холмс» крепко пожал мне руку и поплыл дальше. Не исключено, что на озвучивание очередного рекламного ролика Соса-Cola...

Что и говорить – Василия Борисовича Холмса-Ливанова трудно заподозрить в любви к эстраднему цеху. После того разговора я ещё очень долго (буквально до того момента, как стал писать это предложение) был уверен, что уверен, что булгаковский персонаж оторвал голову кому угодно, но только не моему герою. Но вот мне попадает на глаза «Повесть о «разделённой любви» В.

Додина. Небольшой фрагмент из неё заставил не то, чтобы изменить мнение, но по крайней мере задуматься над возможностью подобной версии...

Сообщая читателю о том, что Михаил Наумович – *«знаток, удачливый собиратель и коллекционер произведений искусства и уникальных рукописей, и конференсье популярный»*, Додин добавляет: *«Причём настолько, что даже коронная теперь уж на веки вечные наипопулярнейшая роль «несчастливого конференсье Бенгальского из Варьете на Садовой», - которому Кот Бегемот с подачи Михаила Афанасьевича Булгакова сперва голову оторвал, а затем обратно её «насадил» - дополнительной популярности ему не прибавила»*.

Уж простите меня, булгаковеды, но, перечитав недавно бессмертный роман, я не нашёл в образе примитивного и тупейшего Бенгальского явной схожести с прототипом, если можно так выразиться, моего героя. Так подавать «магистра чёрной магии», так комментировать его чудеса, так настраивать против себя публику?! Извините, но будь Гаркави таким действительно, он никогда бы не стал тем Гаркави, чьё имя на веки вечные вписано золотыми буквами в историю эстрады. Единственное место в сцене с «разоблачением», возможно, указывающее на прототип – *«Отдайте мне голову! Голову отдайте! Квартиры возьмите, картины возьмите, только голову отдайте!»*. Ко времени написания романа Гаркави уже был известным коллекционером живописи.

Но хочу вернуться к сопоставлению, казалось бы, никоим образом не связанных друг с другом личностей, - двум Михаилам – Гаркави и Булгакову. Я и не подозревал, что существует как минимум одно свидетельство того, что их фамилии, так или иначе, пересекались.

В опубликованном дневнике Е. Булгаковой приводится любопытная запись от 14 ноября 1938 года:

«Замечательный танцовщик Чабукуани, пластичен, выразителен, лёгок, темперамент и техника – одинаково поразительны. Громадное впечатление от Улановой, громадное. Вообще ленинградцы сильнее московских балетных»

Портил дело конференсье Гаркави, страшный пошляк. При мне администратор филиала - милейший Чацкий (вечер был в филиале МХАТа) говорил ленинградскому администратору:

- Если бы я знал, что у вас Гаркави будет выступать, я бы не дал вам зала. Вы должны помнить, что это МХАТ!»

Есть такой фильм - «Читай по губам» французского режиссёра Ж. Одиара. В этом случае можно (и нужно!), что называется, между строк.

Слишком уж полярны оценки у уважаемой Елены Сергеевны: «Громадные впечатления» от Улановой и «страшный пошляк» по адресу Гаркави... О вкусах, разумеется, не спорят, да и недоброжелателей у «красного шоумена» хватало всегда, даже в самый пик его всенародной славы. И всё же, что-то тут не так. Почему бы не предположить, что такие же недоброжелатели Гаркави попадались и среди администраторов? Ссора, даже враждебность между известными артистами и их администраторами – вещь нередкая в этой среде, говорю об этом как действующий конференсье. Так было, есть и будет. Кто-то кого-то недопонял, что-то перепутал, плохо о ком-то сказал «за глаза». Кто-то кого-то послал... Администратор филиала МХАТа «милейший Чацкий», чьё имя, судя по всему, история сохранила только в дневнике Булгаковой, мог иметь разные причины не любить конференсье Гаркави.

А Мария Владимировна Миронова утверждала обратное – приглашать Гаркави вести концерт считалось хорошим тоном. А ведь она была дамой серьёзной и не сыпала комплиментами направо и налево.

Марина Цветаева писала, что сам факт того, что человек находится на сцене (на возвышении) автоматически создаёт ему друзей и врагов³².

Повторюсь: что-то тут не так! Уж слишком болезненная для интеллигентного человека, коим, без сомнений, являлась Булгакова, личностная реакция.

Возможно, на концерте во МХАТе возникла ситуация «единоборства с залом» и Булгакова была либо задета Гаркави сознательно, либо получила колкий ответ на какой-нибудь свой не слишком доброжелательный вопрос, обращённый к конференсье. Читатели, наверняка, помнят легендарную байку про бинокль, с помощью которого некая дама разглядывала Михаила Наумовича едва ли не с первого ряда. Когда Гаркави высказал ей своё недоумение по этому поводу, она сказала:

- Бинокль приближает. Надо знать!

- Ну и какую, в таком случае, часть моего тела вы хотите приблизить? – парировал конференсье.

И как следствие, выдвигаю версию: уж не Елена ли Сергеевна была этой дамой?!

А вот ещё одно свидетельство. На этот раз – петербуржца Германа Орлова.

«Было это, по-моему, в городе Калинин. В столовой, после концерта, нам накрыли обед. С нами был Марк Бернес. Он уже сидел, обедал. Гаркави заходит, и – сходу: «Парни, парни, это в наших силах – землю от Бернеса уберечь!..» Бернес промолчал».

Эта мимолётная история говорит о том, что абсолютной идиллии в отношениях с актёрской братией у Гаркави всё-таки не было. И не потому что в этом ему мешали какие-то личные качества, а потому что такая идиллия невозможна в принципе. Да и нужна ли?

В 1989 году – в разгар перестройки – та же Миронова жаловалась в одном из интервью газете «Советская культура»: *«Что-то неладное творится в нашем цехе... Не так давно я сидела в комнате отдыха для артистов в Колонном зале ... и не могу понять, где я нахожусь. На автобазе или всё-таки в концертном зале. Мои коллеги два часа вели разговор исключительно о покрышках, о распредвалах... Но, извините меня, когда мы раньше сидели в этой комнате вместе с Василием Ивановичем Качаловым, Владимиром Яковлевичем Хенкиным, молодым Давидом Ойстрахом... я себя в гараже не чувствовала. Я чувствовала себя среди людей искусства, кстати, зрители тоже чувствовали это».*

Согласимся, что артисты эстрады 20-30 годов уделяли внимание духовной жизни куда в большей степени, нежели мы, грешные. Тем не менее, не хочу, чтобы у читателя сложилось об их среде исключительно книжное представление.

Знаменателен в этой связи разговор, приведённый в книге Нины Тихоновой, посвящённой Изабелле Юрьевой, «Белая цыганка»:

³² М. Цветаева «Герой труда». Записи о Брюсове. «Наше наследие», 1998

«Высшей концертной ставкой той поры (речь идёт о конце тридцатых – начале сороковых годов – А.Л.) было 225 рублей за выход в сборном концерте. Столько, к примеру, получал Смирнов-Сокольский. При этом за вечер он ухитрялся участвовать в пяти, а то и в десяти концертах.

Однажды после третьего концерта Смирнов-Сокольский, запыхавшись, прибежал в Колонный зал на четвёртое выступление. За кулисами с ним поздоровался Василий Качалов, ожидавший своего выхода.

- Николай Павлович, что-то вы сегодня очень возбуждены».

- Да, знаете, уже четвёртый концерт, а надо ещё на два успеть.

- Как? Вы заняты в шести концертах?!

- Да. А завтра в восьми. А как у вас, Василий Иванович?

- Я сейчас после спектакля. Устал очень. Спектакль тяжёлый был.

Смирнов-Сокольский задумался.

- Василий Иванович, а зачем вам вообще бегать по концертам? Вы же артист Художественного театра? Я – эстражник, я обязан бегать. А вы?

- Да обстоятельства у меня так складываются – объяснил Качалов, - семья, дом открытый. Приходится прирабатывать. Правда, у меня самый высокий оклад артиста драмы – четыре тысячи рублей. Но иногда не хватает.

- Четыре тысячи за спектакль?

- Помилуйте, в месяц.

- Так мало? О изумился Смирнов-Сокольский.

- Как - «мало»?! Это высшее жалованье артиста. А если не секрет, сколько вы получаете, Николай Павлович?

- Я сколько? Я могу сказать сколько... Вот сегодня... Это будет тысяча триста пятьдесят... Завтра около двух тысяч... Но ведь я пишу много, у меня на это время уходит. Но, в общем, тысяч десять в месяц имею.

Качалов был поражён».

Предположим, при этом разговоре, далёком от высоких материй, могла присутствовать молодая в то время Маша Миронова. Интересно, где бы ощущала тогда себя её чувствительная натура, если бы не в гараже? У окошка кассы в день зарплаты? Признавая духовную, эстетическую, да какую угодно разницу между артистами прошлых поколений и нынешней порослью, не стоит, однако, делить их на пришельцев и землян. Во всем времена даже великие артисты остаются людьми, коим не чуждо ничто человеческое.

И, наконец, последнее. Я, как мне кажется, оправдал вторую часть названия этой главы – «...и не только». Теперь, что касается первой – «На сцене...»

В архиве Михаила Наумовича сохранилась тетрадка. Обыкновенная ученическая тетрадка зелёного цвета. На обложке рукой владельца написано: «Памяти прошедших концертов». И ниже – «Сезон 1938 – 1939 годов». Нечто вроде современных ежедневников. Полистав тетрадку, я, пожалуй, понял об этом артисте больше, нежели бы из десятка прочитанных о нём книг! Открываю первую страницу. Записи начинаются с 4-го октября 1938 года и плотно, без пробелов, фиксируются день за днём до января 1939 года. Всё сугубо деловое, ничего личного. Только места выступления и фамилии артистов.

Каждый день по концерту, а то и по 2, по 3. 4-е октября, 5-е, 6-е, 7-е, 8-е... Один, максимум два пропуска. И снова каждый божий день! Так незаметно записи переходят на ноябрь. В ноябре та же картина: с 1-го числа... ни конца ни края. Затем, само собой, наступает декабрь и мелькают, мелькают записи: день за днём. 31 декабря – святой день для любого конферансье. Записи об утренних и вечерних концертах. Наступает 1-е января. И снова замелькали недели ежедневной работы. При этом нужно оставаться бодрым и здоровым.

Последняя запись сделана 20 января, и у меня есть предположения, что на этом концерте не остановились, а просто... кончилась тетрадка.

К чему я всё это?.. Порой, в разгар «ёлочных» и прочих компаний, говоришь себе: «Господи!.. Сколько же навалилось работы, волнений, беготни! Как же непросто держать себя постоянно в форме! Выступить по высшему разряду, везде успеть и никого не разочаровать!» Но вот я полистал тетрадку старого конферансье и представил подобные ежедневники десятка и сотни эстрадных артистов его времени. Возможно, я выскажу спорное мнение, но какой же детской забавой покажутся нагрузки современных востребованных шоуменов по сравнению с обычным графиком «красного шоумена» - Михаила Наумовича Гаркави!

Глава девятнадцатая

Знаменитость в провинции

Спорьте спокойно, ибо запальчивость превращает промах в крупную ошибку и правду в невежливость.

(И.В. Гёте)

Как-то правильно заметил: «Время тянется, а годы летят». Вот уже постучались в дверь истории шестидесятые годы... Поколение Гаркави постепенно уставало, сходило на нет.

Новые люди – молодые и жадные до жизни – дышали в затылок и наступали на пятки вчерашним корифеям, а часто – и вовсе обходили на повороте. Закономерно. Но «красный шоумен» продолжал удивлять своих поклонников молодостью духа и желанием работать, как и прежде. Казалось, он знал один, только ему ведомый секрет молодости. Вот что писали о Гаркави уже после его смерти его друзья:

«Никто не знал, сколько ему лет. Шли годы, а он не менялся внешне: всё такой же округлый, сияющий добродушным лицом, царь-конферансье – вроде царь-пушки, только он всё ещё стрелял ядрами острот, и к нему не водили экскурсантов».

Он не стал работать меньше. Ничто, казалось, не напоминало ему о возрасте. В отличие от многих своих ровесников, Гаркави не обсуждал свой любимый футбол за кружкой пива и не «забивал козла» в компании азартных доминошников в московских скверах. Из-за постоянных гастролей у него на многое не хватало времени, например, поблагодарить адресата за посылку, пришедшую издалека: «...Приношу самые искренние извинения за запоздалый ответ – пишет он одному своему ровеснику (о нём отдельный разговор в следующей главе). Это всё профессия, вечные пересадки с самолёта на поезд, с поезда на пароход, словом, живу как кочевник...»

«Живу как кочевник...» Точнее не скажешь. Где бы ни оказались артисты из Москвы – на севере страны, на юге, западе или на востоке – местная пресса охотно отзывалась об этих концертах, в том числе и об их, как тогда казалось, бессменных конферансье. Ведь он был такой удобной мишенью! И в прямом, и в переносном смысле этого слова. Архивы сохранили немало газетных откликов, большинство из которых на торжественной и радостной ноте рапортуют об успешных гастролях артистов московской эстрады на стадионе и в заводском цеху, в концертном зале и на полевом стане... Но вот в марте 1960 года в кемеровской газете «Кузбасс» появилась статья с несколько фельетонным названием: «Знаменитость в провинции».

Её автор – некто П. Тарасов – был настроен решительно:

«Всё первое отделение М. Гаркави отвёл на знакомство с биографиями артистов. При этом он постоянно пояснял, что каждый из артистов – москвич, так же, как и он сам... поэтому первое отделение концерта – пишет рецензент – было похоже на выставку, на которой хозяин хвалит свой товар. Выглядело это, по крайней мере, нескромно. Второе отделение концерта было не лучше первого, - закусил удила критик. - Заношенные, как резиновые калоши, остроты Гаркави, могли вызвать только разве сочувственные улыбки зрителей...»

Ругательные статьи об эстраде в советские времена... Что-что, а подобное явление не отнесёшь к разряду аномальных. И всё же видеть столь откровенную неприязнь к давно и прочно признанному любимицу публики своего времени – довольно странно.

В какой-то момент я ощутил необходимость остановиться, подумать и слегка сделать паузу в своём рассказе. «Взять тайм-аут», как мог бы сказать сам Михаил Гаркави, старый шахматист. Захотелось посоветоваться с кем-то, кто мудрее и опытнее меня. Рука сама набрала телефон человека, не раз писавшего об эстраде, в частности, и о моём герое, одного из создателей знаменитого трёхтомника «Русская советская эстрада» и автора книги «Эстрадный театр: миниатюры, обозрения, мюзик-холлы» - Елизаветы Дмитриевны Уваровой.

Прослушав выдержки из той статьи, Елизавета Дмитриевна выдержала трёхсекундную паузу, после чего я услышал её исчерпывающий ответ:

- Ну, что сказать? О ком чего не писали?! Вот, скажем, я нашла статью 1950-го года в «Правде» по поводу Райкина. Такую зубодробительную... И позднее. Сколько было статей и заголовков, сразу ориентированных на критику. Ну и что? Да, писали. Потому что каждый воспринимает шутки по-своему...

Кто-то воспринимает это как «старую галошу»...

Здесь она снова задумалась на секундочку, потом продолжила:

- Конечно, эстрада - это, прежде всего, искусство молодых. Юмор стареет – ничего не подделаешь. Вот был такой тоже известный конференсье – Менделевич – в 20-30-е годы. А уже в конце тридцатых стал считаться устаревшим...

И к тому же артист эстрады, а уж конференсье в особенности, - незащищён. Выходит не всегда на овации. Порой – как на расстреле...

- Да, - подхватил я, - артист эстрады вообще всегда выходит как на расстрел! Конечно! Потому что один на один со зрителем. Но как вы думаете, Гаркави очень остро реагировал на подобные бесцеремонные рецензии?

- Думаю, что не очень. Особенно в конце жизни. Когда был уже достаточно умудрённым и, в общем, уже всё проходил и всё знал... И вообще он был в этом смысле довольно ироничный человек. Ирония, как известно, неплохо защищает от избыточных рефлексий.

- Вы лично его знали?

- Немножко знала, по ЦДРИ в начале 60-х...

Я всё пытаюсь доискаться, почему же ему не присвоили звания. Вроде бы тогдашнему министру культуры Попову написали на Гаркави хорошую рекомендацию, подписанную С. Михалковым, В. Ажаевым, Ю. Завадским... Может, одна из причин - 5-й пункт?

- И это тоже... Наверху так рассуждали: «Да ну, чего-то там, клоун какой-то». А чего вы хотите! Изабелла Юрьева получила звание, когда ей исполнилось 90 лет, так чего же говорить?! А как трудно проходили звания у Райкина! Мироновой дали звание только в 90-е годы, когда она давно уже перестала выступать на эстраде. Можно упомянуть об этом факте как об отношении официальных кругов... Повторюсь, они ничего не меняют...

Зато сейчас звание есть едва ли не у любого Васи Пупкина.

- Хочу поделиться с вами одной забавной находкой. На закате карьеры Гаркави работал в одном концерте с В. Бруновым. В «Ленинградской правде» от 2 февраля 1956 года Е. Гершуни писал, что молодой артист Брунов заметно проигрывал конферансье Гаркави. Буквально было написано так: «Способный молодой конферансье Б. Брунов в качестве «сменщика» Гаркави оказывается в невыгодном положении».

- Ну что же, это очень интересный факт. Можно рассказать о некой передаче эстафеты от одного поколения другому...

Мы обсудили ещё несколько эпизодов, связанных с архивом Гаркави, я поблагодарил её за разговор и вновь погрузился в море материалов, фактов и собственных предположений... Вновь и вновь я прокручивал в голове слова Уваровой. Елизавета Дмитриевна права. Мой герой всё проходил и всё знал. Он был уже достаточно умудрённый. За два года до той публикации на одном партсобрании Гаркави публично заявил: *«Я не противник критики, я её не боюсь. Я искренне считаю, что вся критика, которая была в этом году, была абсолютно правильной... Действительно, у нас было много неудач в работе».*

Что ж, это тоже веянье времени. Публичная ругань часто вызывала в те годы всплеск публичной самокритики.

В дверь истории всё громче стучались шестидесятые... Гаркави, как и прежде, работал без устали. Так уж вышло, что дожив до столь почётного возраста, он так и не примерил на себя роли отца и дедушки. Выбрав в молодые годы бешеный ритм жизни, он уже не мог, да и не хотел поменять его на более щадящий. Для поклонников он по-прежнему оставался живой легендой и «маршалом конферанса», для недоброжелателей – всё такой же привлекательной мишенью. Причём не только для эпиграмм и критических статей... Из книги Ефима Гольбрайха «Очерки. Эссе судьбы» узнаём, что была предпринята более изощрённая попытка задеть за живое любимца публики и не только его.

«Долгое время, - пишет Гольбрайх, - афиша с «Необыкновенным концертом» С. Образцова украшала Центральный зал кукол. Собственно, спектакль появился ещё в первые послевоенные годы под дерзким названием – «Обыкновенный концерт», как пародия на московскую эстраду, которая в те годы считалась образцом пошлости, и когда хотели кого-то раскритиковать, говорили: «Ну, это даже не Мосэстрада!». Все были легко узнаваемы. Певица с пышным бюстом – Барсова, виолончелист – Ростропович, конферансье – Апломбов – Гаркави и т.д. » Не всем это понравилось, посыпались жалобы и Образцов прибавил к названию концерта частицу «не». Дескать, бывает, случается, но не типично. Авторитет эстрады был спасён».

Каким же я был наивным, как мало знал об эстраде тех лет (преьера спектакля состоялась в 1946 году), если думал, что исполнитель ролди Апломбова – гениальный Зиновий Гердт – подложил под этот образ кого угодно – Амурского, Глинского, даже начинающего тогда Брунова, но только не Гаркави!.. Теперь я признаю, что Гольбрайх объективен. Никто не мог сравниться про яркости с «красным шоуменом»!

В словаре Ожегова читаем, что «апломб» - это «излишняя самоуверенность в поведении, в речи». Но был ли Гаркави настолько самоуверен на сцене, в своём свободном обращении со

зрителем, чтобы это многих раздражало, бросалось в глаза? И так уж надо было «спасать авторитет эстрады», как об этом пишет Гольбрайх? В частности, авторитет Михаила Гаркави?

Я не хочу фантазировать на эту тему, приведу лишь два документальных свидетельства:

- 1) С.В. Образцов был одним из тех, кто поставил свою фамилию под ходатайством о присвоении Гаркави почётного звания Заслуженного артиста РСФСР. (О ценностях таких подписей мы поговорим чуть позже).
- 2) В ноябре 1950 года Зиновий Гердт - многолетний исполнитель роли Апломбова – посвятил Гаркави стихотворение с недвусмысленным названием - «Покаяние». В нём рефреном проходит фраза: «Я в долгу перед тобою...»

Я в долгу перед тобою!
Слушай сагу по порядку:
Водка с белой головою,
Пар струится над стерлядкой...

Я в долгу перед тобою!
И замечу без утайки:
Нет, такого я не стою
Взгляда доброго хозяйки!

Я в долгу перед тобою... и т.д.

В этом шуточном послании автор выражает свою признательность гостеприимному дому Михаила Наумовича и Людмилы Петровны.

В нём нет даже намёка на «Необыкновенный концерт». Не пытался ли Гердт в такой вот завуалированной форме снять неловкость от «стрельбы» по живой МИШЕ – ни?.. Вопросы-вопросы...

Было у «красного шоумена» ещё одно важное дело «по партийной линии». И в этом деле он был не менее увлечённым (если не сказать «одержимым»). Знаменитая актриса М. Цифринович в книге «Кандидат кукольных наук» вспоминала, как в конце 1963 года раздался телефонный звонок и она услышала знакомый голос Михаила Наумовича Гаркави, который был в то время не только художественным руководителем мастерской сатиры и юмора Москонцерта, но и одновременно секретарём местной партийной организации.

- Дорогая, я хочу рекомендовать тебя в партию.

Цифринович онемела...

- Ну, чего ты молчишь?

- Михаил Наумович, вы же знаете, что мой отец расстрелян, что моя мать была тоже арестована и выслана. Как вы могли мне это предложить?

- Как раз поэтому я и хочу дать тебе рекомендацию. В партии должно быть больше порядочных людей. Время изменилось. Подумай!

Вступать в партию никогда не входило в планы Цифринович. Но наступили, как будто, новые времена. Прошедший в 1956 XX съезд партии вызвал настоящее смятение в обществе. О съезде говорили все. Для многих наступило прозрение. В доме актрисы всё чаще стали появляться старые друзья родителей. Многие из них провели годы в сталинских лагерях и не изменили своих убеждений, были реабилитированы, восстановлены в партии. Поддавшись всеобщей эйфории, Цифринович решилась, и в очередной раз на вопрос Михаила Наумовича ответила «да».

Между тем, он продолжал, словно мальчик, выпархивать на сцену и работать, работать концерты, декады, представления...

Богатейший опыт работал обоюдоостро, одновременно и выручал и, порою, приводил к злым нападениям в прессе. Но совершенно очевидно, что ни повлиять, ни как-то поколебать его значение для отечественной эстрады никакие рецензии, пародии и эпиграммы уже не могли.

Глава двадцатая

Незаслуженно незаслуженный

Конферанс – искусство камерное. Когда вы не в состоянии даже как следует взглянуть в лицо человека, который обращается к вам с эстрады, о каком естественном общении может идти речь? Конферансье в подобных условиях лишается главного козыря. Что бы он там ни шептал в микрофон, какими бы мощными не были усилители, он ведь, как и его зрители, не видит и не чувствует с кем имеет дело.

Нет, это не мои слова. Эта мысль принадлежит великому А. Райкину. Позволю себе дерзость возразить эстраднему классику.

Оно – искусство конферанса – возможно и было таковым, не бросай профессиональная судьба ведущих на стадионы, во дворцы спорта, заводские цеха, площади городов и посёлков... Тут уж и впрямь не до камерности, порой ближайший зритель удалён от конферансье на десятки метров. Какое уж тут «вглядывание в лицо»?! В этом я с Райкиным полностью согласен. Но что касается «kozyря»...

Конферансье вообще и при любых обстоятельствах «играет без козырей». Вернее, козырем является... он сам. Пусть не видит он лицо конкретного человека, пришедшего на тот же стадион. Роль и задача конферансье, его энергетика, азарт, кураж, темперамент, наконец, специальный для таких случаев репертуар, приёмы и ходы, помогают вести за собой и тысячу зрителей, и пять тысяч, и больше. Оставаясь при этом тем, кем он и должен быть всегда – конферансье.

Этим незаурядным навыком Михаил Гаркави владел в совершенстве. В этом, если угодно, и проявилось неповторимое своеобразие «красного шоумена».

Эстрада – это была его территория, где зрители его почти всегда и видели, и чувствовали, и прекрасно знали, с кем имеют дело. Нередко он получал на концертах записки с бесхитростными словами уважения и любви. В архиве мне удалось разыскать одну, чудом сохранившуюся, трогательно написанную женской рукой на обратной стороне обёрточной бумаги «Мосгалантерея»:

«Милый товарищ Гаркави!

Я редко бываю в Москве, но сейчас, смотря на Вас, вспоминаю свою юность – ведь о Вас мне рассказывала моя мама, и я Вас совсем девчонкой бегала слушать, а теперь пришла со своей дочерью. Три поколения любит Вас! Так будьте здоровы ещё надолго и несите людям радость Вашим умным и добрым словом.

Зритель.»

И ещё одна записка, адресованная Михаилу Наумовичу на этот раз в форме стихотворного экспромта. К сожалению, тоже без подписи:

*Ну как же угодить такой ораве?
Собрался разношерстный здесь народ,*

*Но тамада – заслуженный Гаркави –
Ведёт всех вместе с юмором вперёд!
(21-й стол)*

Судя по фривольно-панибратскому словцу «ораве» и определению «разношерстный» (читай «разножанровый»), экспромт был сотворён во время одной из многочисленных творческих посиделок в ЦДРИ или в Доме актёра, где-то между третьей и восемнадцатой рюмками «чая». И это, пожалуй, ещё один аргумент против утверждения Райкина об искусстве конференса, как об исключительно камерном искусстве. Я знаю, как это непросто – «тамадить» перед такой разогретой и самодостаточной аудиторией. К тому же, ни с первого, ни с восьмого, а с двадцать первого столика, что говорит о местоположении гостя относительно ведущего. Верно, прав поэт и эта известнейшая есенинская фраза:

*Лицом к лицу лица не увидать.
Большое видится на расстояньи.*

...написано как будто про Михаила Наумовича!

Он так давно был любимцем публики, что пора уже вроде бы было получить и официальное звание. Но, судя по воспоминаниям современников, это не сильно волновало «красного шоумена». Вот что писал по этому поводу Геннадий Михайлович Дудник в своих записках эстрадного артиста:

«Гаркави о себе не думал. Или думал слишком мало... при своей популярности и солидном положении, он не умел добиваться для себя соответствующих званий и регалий».

При этом он пользовался бесспорным авторитетом и уважением среди творческой элиты того времени. Не знаю, кто первый из них догадался взяться за перо и написать соответствующую бумагу «наверх», но она была написана.

Но тут-то как раз и возникла загвоздка. Почему?

Попробуем разобраться. Размышляя об отношениях властей предрежащих к эстраде как таковой, младший современник и коллега Гаркави Н. Рыкунин писал:

«Скажу прямо: меня всегда бесило, когда я чувствовал неуважительное отношение к эстраднему искусству со стороны министерства культуры, прессы... присвоение звания артисту эстрады было событием невероятным».

Тем не менее, ряд выдающихся деятелей литературы и искусства, пытаясь исправить такое положение вещей, подписали следующий документ:

*«Министру культуры РСФСР
Товарищу Попову Алексею Ивановичу*

Глубокоуважаемый Алексей Иванович!

Мы считаем своим долгом отметить многолетние заслуги одного из старейших артистов эстрады – Михаила Гаркави - присвоением ему звания - заслуженный артист РСФСР.

Некоторые особенности его работы в жанре концеранса позволяют нам думать, что эта награда имела бы известное принципиальное значение для развития советского эстрадного искусства.

Дело в том, что жанр концеранса в большинстве случаев превратился в самостоятельное выступление артистов-разговорников, показывающих главным образом своё собственное искусство, без заботы о программе в целом, без фактической заботы о помощи выступающим в концерте артистам.

Получилось это, видимо, потому, что гораздо легче выступить на эстраде с заранее написанным авторами репертуаром, чем с собственным концерансом, построенным в зависимости от состава данной аудитории и требующим от концерансье большой культуры, начитанности, политической грамотности и природной способности к импровизации.

Всем этим требованиям отвечает артист Московской эстрады Михаил Гаркави, давно уже ставший подлинным любимцем советских зрителей и являющимся единственным концерансье, отвечающим всем требованиям специфики этого жанра.

...Коммунист Михаил Гаркави был в первых рядах артистов, отдавших свои силы на обслуживание фронта, за что был удостоен редкой для артистов высокой награды – ордена Отечественной войны 1-й степени.

Авторитет Михаила Гаркави среди писателей и артистов весьма высок: все редакционные вечера в газетах и журналах, вечера в Доме литераторов и Доме журналистики – неизменно проходят под его руководством, как концерансье.

...Вот почему мы обратились к вам с просьбой о присвоении ему звания Заслуженный артист РСФСР.

Возбуждённое об этом звании официальное ходатайство соответствующих организаций ВГКО почему-то затянулось с решением на несколько лет.

В.Н. Ажаев, Ю. А. Завадский, С.В. Михалков, С.В. Образцов».

Отсюда – из XXI века – я пытаюсь оценить степень своей доверчивости. Казалось бы, столь знаковые фамилии советской эпохи – Завадский, Михалков, Образцов – говорят о степени уважения к личности Михаила Наумовича.

Но романтик и скептик – как плюс и минус. Невозможно одно без другого. Мой знакомый по ЦДРИ, заслуженный деятель искусств России Алексей Чёрный, просил меня не относиться к этим подписям с большим трепетом. Часто их появление на нужной бумаге было спонтанным результатом сиюминутной просьбы «выдвигаемого».

При этом нужно учитывать, что они были люди одного круга. Встречаясь на актёрских посиделках, они быстро переходили на «ты».

В просьбе «подписать» была какая-то лёгкость или даже доля нахальства.

Будучи благодарным Алексею Лейбовичу за его комментарий, лично я не могу представить себе высокого полного Гаркави, бегающего за мэтрами, с авторучкою в руках... Хотя и допускаю, что дружеские контакты Михаила Наумовича за столиками в ЦДРИ или в Доме Актёра располагали к

подобным просьбам. «Гаркави очень хотел получить почётное звание. Он говорил мне это лично, и я отвечаю за свои слова» - свидетельствует Чёрный.

Нынешнему поколению артистов, возможно, трудно понять, сколь были значимы во времена Гаркави эти самые пресловутые звания!

«Было немаловажно чьи стояли подписи! – рассказывают заслуженные артисты России Владимир и Раиса Кирсановы. – Они действительно были нужны. Они слишком много весили. Три авторитетные подписи – это уже, считай, исход дела. Ведь деньги, в отличие от нашего времени, тогда ничего не значили».

Итак, ситуация складывалась следующим образом. Родное учреждение конференсье – Всероссийское гастрольно-концертное объединение (ВГКО) уже посылало подобное ходатайство несколько лет назад, но – увы – безрезультатно. Учитывая авторитет Гаркави в творческих кругах вообще и уж тем более в эстрадных, нетрудно догадаться, что причин такой «пробуксовки» могло быть три:

- 1) Извечный бюрократический «тихоход»: пока соберут нужные бумажки, то да сё...
- 2) Министр культуры терпеливо ждал команды «сверху».
- 3) Министр культуры ПОЛУЧИЛ команду «сверху», а именно: звания не давать.

Собственно, не так это уже и важно – о какой причине истинно народный артист Гаркави так и не получил звания Заслуженного. Но желание побольше узнать о судьбе моего героя заставило меня поразмышлять на эту тему. И если читатели разделяют подобное любопытство – за мной! – как сказал бы Михаил Булгаков.

В Российском государственном архиве литературы и искусства я нашёл переписку Михаила Наумовича со своим родственником ЦВИ Гаркави, гражданином Израиля, директором библиотеки в Иерусалиме. Сейчас уже вряд ли кто возьмётся дать ответ когда она началась, но сохранившиеся в архиве конференсье письма последних лет его жизни свидетельствуют о нежном отношении между этими близкими по родству людьми. Открытка, посланная из Иерусалима 26 июня 1962 года свидетельствует о том, что незадолго до этого Цви Гаркави бывал в СССР и остался очень доволен.

«Слава Богу, приехал домой и привёз твои подарки. Спасибо и привет от жены и сына... Пришли фото и рецензии о себе».

В этих посланиях мы находим интересные факты, о которых прежде и не подозревали. В письме Цви от 17 октября 1963 года узнаём следующее:

«Мне Марго Клаузнер, которая с вами встречалась в Москве, говорила, что вы собираетесь посетить нашу страну во главе группы советских интеллектуалов. В газете упоминалось. Когда?»

«Я вам рассказывал, - пишет дальше Цви, - что И. Эринбург и Лев Ландау по матери – Гаркави. Вы с ними встречаетесь? Они вам упомянули о родстве?»

Откровенно говоря, мне так и не удалось узнать, что это за таинственная Марго Клаузнер³³ и при каких обстоятельствах она встречалась с героем этой книги. Но и без детективных (или шпионских) подробностей становится ясно: подобное общение не прошло мимо «компетентных органов». Факты эти, разумеется, были положены в досье артиста, что вряд ли могло приблизить указ о присвоении ему почётного звания.

Вот ещё один никогда не публиковавшийся черновик письма Михаила Гаркави от 2 июля 1964 года:

«Здравствуйте, мой далёкий друг и родственник!

Шлю сердечный привет Вам и Вашей семье и самые лучшие пожелания!

Во-первых, большое спасибо за внимание!

Во-вторых, приношу самые искренние извинения за запоздалый ответ.

Это всё профессия, вечные пересадки с самолёта в поезд, с поезда на пароход. Словом, живу как кочевник. Я имел от Вас привет от моего друга Комиссаржевского, который побывал у вас там и много рассказал хорошего.

Он вам, дорогой Цви, очень симпатизирует. Он же мне рассказывал, что Вы собираетесь опять посетить Москву. Если это так, то буду очень рад Вас видеть у нас в Москве и у себя.

Я не так давно приехал из Средней Азии, думал, что там погреюсь, ибо там всегда чудесная весна ,но, к сожалению, погода не радовала, и теперь отогреваюсь в Москве.

Ещё раз спасибо за память и внимание.

Шлю вам свой московский привет!»

Здесь нельзя пройти мимо путаницы в датах. Черновик письма Михаила Гаркави помечен 2 июля 1964 года, а из ответного послания мы узнаём, что Цви получил его... на 12 дней раньше.

Впрочем, мы оставим мистику и ограничимся предположением, что Михаил Наумович сделал невольную ошибку, написав «июль» вместо «июня».

Отнюдь не это является главным предметом нашего интереса. Любопытнее переписка сама по себе. Не будем забывать, что на дворе стоял 1964 год и один из родственников жил в Израиле, в то время как другой – в Советском Союзе и являлся членом Коммунистической партии.

Ответ пришёл довольно быстро:

«Иерусалим 28 авг. 5724 г. (5 авг. 64 г.)

Дорогой друг и родственник Михаил Наумович!

Ваше письмо от 20 июня 64 года получил 30.6.64 года и был ему очень рад – не забываете. Желая бодро кочевать и в дальнейшем. А вот может к нам приедете, как и другие артисты

³³ Маргот Клаузнер (Марго Клауснер, Margot Klausner) – 1905-1975) был немецко-израильским писателем и кинорежиссером. Википедия site:wiki5.ru

СССР?! Вот хорошо, что Виктор Комиссаржевский много рассказывает хорошего и мне симпатизирует...

Приезд в Москву отложил, на конгресс этимологов не поехал. Может быть позднее, ещё в этом году буду в Москве и увидимся, надеюсь.

А моя кузина Вера Шехтер в Москве очень меня огорчает – не даёт мне получить урну моей покойной сестры. Может быть, Вы захотите повлиять на это упорство?..

Смерть Маршака многих тут огорчила. И я писал о нём. Через В.К. успел переслать ему фотооттиск его стихотворения «Иерусалим» (1918). Мне передавали, что Вы интересно и много выступаете.

Выступали ли в последнее время с нашими артистами?

Встречались ли с Марго Клаузнер, которая недавно в Москве заключила контракт с советским редактором на создание вместе с ним документального фильма (20 – 30 минут) из жизни евреев в СССР теперь? Мои взгляды на пользу взаимных связей между Израилем и СССР привели одну из наших газет на наветы на меня. Подал в уголовный суд – наветчики признались и были осуждены.

Привет сердечный Вам, родственникам и друзьям – от меня, жены и сына.

Ваш Цви Гаркави»

Сам факт подобной переписки с родственником

- 1) живущим за границей,
- 2) в капиталистической стране,
- 3) в Израиле, отношения с которым у СССР были, скажем мягко, непростые (притом, что именно Советский Союз был инициатором создания в 1947 году этого государства) красноречиво говорит о том, что Михаил Наумович вряд ли мог рассчитывать на что-то... Право же, тем из нас, кто не жил в те приснопамятные времена, трудно осознать всю тяжесть вышперечисленных «грехов» советского человека! Можно сказать, что, не получив, пусть и незаслуженно, «заслуженного», наш герой ещё легко отделался.

Письма эти проливают свет на эпизоды последних лет жизни «красного шоумана», доселе абсолютно неведомые любителям и знатокам эстрады. С волнением мы только приоткрываем занавесу тайны в его, казалось бы, такой прозрачной судьбе.

Есть ещё одна версия. Столь разные люди как покойный профессор Ю.А. Дмитриев и ныне здравствующий артист Е.В. Петросян сошлись во мнении, что Гаркави лично невзлюбил Климент Ефремович Ворошилов. Известно, что какое-то время легендарный маршал был заместителем председателя Совмина по вопросам культуры. Однажды, 23 февраля, Михаил Наумович вышел на сцену театра Советской армии. Ворошилов сидел в ложе. Стремясь быть оригинальным в своих пожеланиях, конферансье выдал: «Желаю, чтобы наша армия была такой же мощной, как я!..» И постучал себя в грудь кулаком. Ворошилов сказал: «Уберите этого пошляка со сцены!». И убрали. Дальше концерт вела другая ведущая... Разумеется, к моменту описываемых событий Климент Ефремович успел заметно утратить свой авторитет, усиленно подогревавшийся в сталинские времена, но

тем не менее... Верить или не верить в подлинность этой истории решать читателю, но было бы неразумно сбрасывать её со счетов.

Известный конферансье, музыкант и изобретатель Роман Романов считал, что руководящая номенклатура министерства культуры видела в Гаркави только полного, холёного барина, и это было помехой для его официального признания. Резонно.

Свою роль сыграла и неистребимая любовь к придумыванию всевозможных историй, иногда даже себе во вред. Однажды Г. Дудник был свидетелем того, как директор эстрады сказал Гаркави:

- Мы решили хлопотать для вас о звании заслуженного артиста.

То ли Гаркави обидела эта формулировка, то ли ещё почему, но он ответил:

- Спасибо, мне вчера звонил министр культуры и сказал, что на днях уже будет указ о моём звании.

Ничего подобного не было, но начальство успокоилось, а звания Гаркави так и не получил до конца жизни³⁴.

В. Стронгин: «Гаркави оскорбляли изощрённо. У него, как и у Лидии Андреевны, отобрали орден за участие в военных концертных бригадах, ему четырнадцать раз (!) отказывали в присвоении звания заслуженного артиста РСФСР. Четырнадцать раз руководство Мосэстрады подавало документы на присвоение ему звания, и столько же раз чья-то рука в одной из вышестоящих инстанций вычёркивала его фамилию. Он не подавал вида, но, конечно, переживал такое отношение к своему творчеству».

Разделяя настроение автора, я вынужден заметить: среди документов, хранящихся в архиве Гаркави, не обнаружилось ни одного, свидетельствующего о ситуации с орденом. К тому же любопытно было бы узнать, откуда Стронгин взял эту цифру – 14?

Привожу высказывания двух великих – Диогена и Вольтера. Первый как-то сказал: «И то и другое – ошибка: давать тем, кто не достоин, и не давать тем, кто достоин». Второй, в свойственной ему манере, усмехнулся: «Титулы не играют никакой роли для потомства». Имя человека, свершившего великие дела, внушает больше уважения, чем все эпитеты». Каждый по-своему прав.

³⁴ В дневнике 1943 года Гаркави записал: «Артистка Луарина нашла своих родителей, бывших в оккупации свыше 2-х лет». Если речь идёт о Л. Михайленко-Луариной – последней жене Гаркави, - то это может быть ещё одной косвенной причиной, по которой артист так и не дождался звания.

Глава двадцать первая

«Тон делает музыку» или история одного письма

Бедная эстрада! Её... ругают у себя дома, а посмотришь, за рубежом Родины хвалят и превозносят до небес.

(Цитата из этой главы)

В седьмом номере журнала «Советская эстрада и цирк» за 1964 год была опубликована статья с «медицинским» названием: «Беды и болезни московского графика». На роль «хирурга», взявшего на себя задачу «вскрыть» проблемы московской концертной организации (ВГКО) и одновременно исследователя, судьи и прокурора вызвался (либо был вызван) некто М. Романов.

«...Знакомство с работой московского графика началось у меня в отделе формирования концертов. ...Отдел призван решать судьбу концертов, которых в столице проводится около 10 тысяч.

...Хорошего исполнителя можно порой послушать или посмотреть несколько раз. Хуже, когда вам подадут со сцены эстрадный эрзац, когда сцена предоставляется халтурщику.

Я был на концерте молодых артистов эстрады. Программу вели маститый и популярный конференсье М. Гаркави и его молодой партнёр Е. Фролов.

Малограмотный, лишённый признаков профессионального мастерства, не говоря уже о юморе, актёр. Было стыдно смотреть на его неумелое, неуклюжее поведение на сцене Колонного зала Дома союзов...

...Нам думается, назрела срочная необходимость провести основательную чистку в среде артистов московской эстрады...»

И так далее, и в таком разрезе... Прямо скажем, на тот период времени – стиль не шибко жёсткий, бывали статьи и похлеще. Правда, слово «чистка» всё-таки ближе к передовицам 20-30-х годов.

Читаем дальше:

«Я хочу сказать о тех актёрах, которым из-за чрезмерной переработки грозит скорая дисквалификация. Хуже всего, что их искусство, некогда приносившее им славу, подвергается профанации. Имена И. Кобзона, Т. Миансаровой, Р. Романова, Б. Брунова, - чуть не плачет от возмущения автор статьи, - мелькают чуть ли не в каждой концертной афише....»

И на всякий случай приводит цифры: «Так, в феврале (в самом коротком месяце) Т. Миансарова и И. Кобзон выполнили по 90 норм. Помилуйте, о каком творческом росте, о каком совершенствовании актёрского мастерства может идти речь, если артист в один вечер занят в трёх-четырёх концертах!

...Но есть опасность другого свойства. Эстрада для иных зашибателей денег превращается в кормушку. Эта болезнь махровым цветом распустилась среди артистов-массовиков и аккомпаниаторов. Здесь подвизается немало «дельцов» от искусства, скрывающих своё стяжательское нутро под высоким званием советского артиста. Г. Мркис, супруги Горские, М. Серебро, А. Пятигорский, Е. Константиновский, А. Мордашов... Им предоставляются неограниченные возможности «делать деньги». И они их делают. Токарь высокой квалификации получает в 2 – 2,5 раза меньше, нежели любой из названных мною лиц, а в иные месяцы и в четыре – пять раз.

Не пора ли навести порядок в системе оплаты труда...?»

Вот такая «пресса» попалась однажды утром на глаза Михаилу Наумовичу в почтовом ящике, среди вороха писем и газет. Какие чувства вызвала эта публикация у корифея конферанса догадаться, слава богу, несложно. В его архиве сохранился черновик письма, адресованного редакции «Советской эстрады и цирка». Нельзя сказать, что статья в журнале явилась для Гаркави перлом откровения. Чего только он не читал о себе за более чем сорокалетнюю карьеру эстрадного артиста! Подумаешь, ещё одна! Причём, разнося всех и вся, автор весьма нежно обошёлся с ним самим. Ни в полуслове, ни в полупредложении не затронул и не обругал. Чего ж ещё надо для душевного спокойствия и хорошего начала дня?

Но не таков наш герой! Понимая, что если он не попытается защитить своих более молодых коллег по «цеху», то больше этого не сделает никто – Гаркави садится за стол, надевает очки в толстой роговой оправе и берётся за перо:

«Уважаемый товарищ редактор!

Уважаемые члены редколлегии!

Я пишу вам это письмо не с целью, чтобы его поместили. А просто хочу поделиться с вами некоторыми своими мыслями, навеянными седьмым номером вашего журнала. Мне непонятно, как вы могли поместить статью М. Романова об эстраде. Она написана в старом стиле неуважительного шельмования и при всём том ещё и без знания дела.

Кто-кто, а уж сотрудник вашего журнала, на титульном листе которого написано – «Эстрада и цирк» непременно должен был бы знать, что к концерту, который я вёл с Фроловым, ни Московское отделение, ни тов. Теосян (чиновник от эстрады – А.Л.) никакого отношения не имеют. Этот концерт был сделан Радиокомитетом, и тот же Теосян был не составителем, а поставщиком того, что нужно было Радиокомитету для передачи в эфир.

Артист Флоров читал тот же текст, который ему дали, то есть, выполнял точное задание. Что же касается рассуждений самого Романова и «разводящего руками» Теосяна» - (а он, по моему, кроме этого ничего делать не умеет), то не знаю, кто им дал право так рассуждать. Я лично не считаю, что Фролов непрофессионален. Он занимался с А.Г. Алексеевым, и много, то

есть, как раз с теми людьми, у которых, если верить шестому номеру журнала «Эстрада и цирк» надо учиться и перенимать опыт.

...Кроме того, в такой развязной манере, как это сделал М. Романов, нельзя писать о молодёжи. К ним надо относиться бережно. Личная вкусовщина – плохой метод, тут недолго и до личной неприязни.

Я знаю ряд программ у Е. Фролова, одобренных весьма квалифицированным художественным советом, а в квалификацию для решения вопроса об артисте ни у Романова (которого я не знаю), ни тем более у Теросяна (которого я знаю) я не верю и их вкусу не доверяю.

Неужели М. Романов, беседуя с Теросяном, не понял, что должность, занимаемая Теросяном, надуманная?.. Пора уже, как мне кажется, не только у чиновников спрашивать их «мнение» об артистах, но и у артистов... их мнение и о чиновниках, и о рецензентах. Мы тоже часто «разводим руками»... Бедная эстрада! Её ругают у себя дома, а посмотришь за рубежом Родины, - хвалят и превозносят до небес.

...Не думайте, что я против критики! Отнюдь нет! Но я против пренебрежительного, барского тона и грубого разноса молодых артистов, вся вина которых только в том, что они произнесли... текст, который им дали и предложили произнести!

Теперь о массовиках.

Как можно было позволить себе называть чуть ли не проходимцами людей (Серебро, Горский и др.), которые только что получили звание лауреатов Всесоюзного конкурса массовиков, проводившегося в Колонном зале?! Значит, это не случайные люди. Кроме того, что за утверждение, что они, мол, выколачивают концерты? Я этого не понимаю.

...Я убеждён, что редколлегия Вашего журнала не верит, что артисты, такие как Кобзон, Кристаллинская, Миансарова, с кинжалом или с револьвером в руках добывают себе концерты. Автор статьи мог не знать, что очень часто концерты попадают на учёт за несколько месяцев, особенно если это поездки, в тот месяц, когда сдавался отчёт. Так было в этом году лично у меня за апрель, май, июнь, концерты вписаны в июль, так что получалось... целый квартал я не имел ни одного концерта.

...Вот примерно какие мысли возникли у меня после прочтения седьмого номера вашего журнала... Нельзя забывать одно: «Тон делает музыку». А ТОН (выделено М.Г. – А.Л.) статьи Романова и вся манера изложения напоминает, к счастью, ушедшие времена, когда кибернетика считалась мракобесием и имело место быть всё то, что сопровождало осуждённую эпоху «культы личности».

С товарищеским приветом.

Михаил Гаркави. Август. 1964 года»

Это письмо - едва ли не первая смелая попытка защитить эстраду как культурный институт перед лицом узаконенной хамоватой советской критики. Его автор, разумеется, не рассчитывал на то,

что письмо когда-либо будет напечатано на страницах журнала. Да и не стремился к этому. Хотя, рискни редакция его опубликовать, наверняка разгорелась бы нешуточная дискуссия между теми, кто выходит на эстраду и теми, из-под чьего пера выходят рецензии... Впрочем, вряд ли товарищ редактор решился бы на то, чтоб до такой степени взбудоражить общественность.

Да, времена на дворе стояли не сталинские. Но до снятия Хрущёва и эпохи Брежнева, как известно из истории, оставались считанные месяцы.

И потом, было немыслимо в советской атмосфере допустить, чтобы «чиновники и рецензенты» узнавали бы о себе мнение артистов!

Сведений о том, дошло ли письмо Михаила Наумовича до адресата, и получил ли он ответ, к сожалению, найти не удалось. Но ясно другое. Боевой темпераментный настрой первого конферансье советской эстрады говорил о полном нежелании «складывать оружие» и уходить на покой. Он готов к новым концертам, изматывающим гастролям по городам и весям, общению и «битвам» с горячо любимой публикой. Любит своих коллег, по эстраднему «цеху» и носится с талантливой эстрадной молодёжью, как не каждая мать нянчится со своими детьми.

Глава двадцать вторая

Артист, сотворивший чудо

«Вы делаете людей веселее, чем они есть на самом деле, и это, очевидно, составляет тайну вашего искусства»

(Из писем Чехова)

Мой рассказ об одном из самых неунывающих людей в нашей стране подходит к концу. Хотите – верьте, хотите – нет, но почему-то именно эта глава даётся мне труднее всего. Долго в себя не пускает...

Маловато исходного материала? Да нет, я бы не сказал, а в некоторых главах эта проблема вставала куда более остро. Дело не в этом. А тогда в чём?

Причина, возможно, кроется в подсознательном желании оттянуть момент расставания с этим жизнерадостным, остроумным человеком, чьё предназначение от Бога (в которого он якобы не верил) было нести людям радость, улыбку, бодрость духа и надежду. Отказавшись от карьеры врача, он, тем не менее, своим служением эстраде помогал каждому отдельно взятому человеку так же, как если бы всю жизнь занимался врачебной практикой. И как помогал!

Позволю себе на минутку вернуться в военные страницы его биографии. *«Это было зимой сорок второго, - писал в ташкентской газете «Правда Востока» Вл. Лапин. – В одну из суббот в помещении оперного театра... одному из предприятий вручали знамя Наркомата обороны. В зале сидели предельно уставшие люди... Кончилась торжественная часть и на сцену вышел конференсье. Он говорит просто, убеждённо и радостно. В зале смехок, ещё один, потом хохот и аплодисменты. Артист победил – победил сон, усталость, недоедание. Он принёс людям самое ценное, что мог принести – радость! Улыбающиеся лица рабочих, солдат из госпиталей – пишет автор статьи – запомнились мне на всю жизнь. А артист, сотворивший чудо, стал моим любимым артистом. Имя его Михаил Гаркави».*

И вообще, перефразируя так любимого «красным шоуменом» Маяковского: «Мы говорим Гаркави – подразумеваем: жизнь».

Чувства бросают дерзкий вызов здравому смыслу.

И даже самому недалёкому становится близко: такой человек должен быть всегда. Живой. И никаких гвоздей!

Но, увы! Увы!.. Время – это, по выражению В. Шкловского, корабль, никогда не бросающий якоря, - шло себе дальше.

23 марта 1957 года ему исполнилось шестьдесят. Звание он «под это дело» не получил, зато едва успевал прочитывать стихотворные поздравления от своих талантливых и часто не менее знаменитых друзей.

Среди оных хотелось бы выделить стихотворение драматурга, режиссёра и журналиста Виктора Яколвевича Типота:

Несмотря на зависть к высшей славе,
От души я вас поздравить рад,
Михаил Наумович Гаркави,
С величайшей цифрой – «60».

Будут знать все правнуки и внуки,
Как сегодня популярны Вы.
Вы совсем как Юрий Долгорукий –
Достопримечательность Москвы.

Трудно нам судить, кто с виду краше,
Мы обоим славу воздаём,
На весах, однако, ваша чаша
Перетянет Юрия. С конём.

Смех ваш людям всех лекарств полезней,
И друзья мечтают, чтобы вы
Дожили без горя и болезней
До тысячелетия Москвы.

В нём есть всё – и поэтическая сноровка, и точность рисунка. Ну а о любви к адресату уж и говорить нечего! Я просто воочию вижу, как на лице Гаркави, этого испытанного остряка, появляется улыбка. Особенно в двух местах: про коня и тысячелетие Москвы. Примерно в то же время он охотно говорил в интервью, что активно готовится к полёту на Луну. Так что дожить такому оптимисту и фантазёру до тысячелетия Москвы – проще пареной репы...

Его работой было составление и проведение концертных программ.

Но у каждого человека, как известно, есть ещё и своя, так называемая, жизненная программа.

Друзьям, коллегам и поклонникам казалось – уж у кого-кого, а у Гаркави «концовка» этой программы скрывается где-то за горизонтом. Концерты ждут, работы море и о таких «пустяках» как здоровье и возраст, просто не хотелось думать.

Но десятки лет напряжённой, порой изматывающей работы всё-таки давали о себе знать. Не имея ни сил ни желания отказаться от своей профессии, он был вынужден сдавать менее значимые позиции.

29 февраля своего последнего – 1964-го года, - Гаркави кладёт заявление на стол управляющего В.Г.К.О. С.И. Астахова. В нём он пишет, что здоровье его ухудшилось, что сидячий образ жизни в отделе Сатиры и Юмора мешает ему пользоваться бассейном, что вначале вечны и летом он не сможет отдавать себя полностью отделу. Он просит освободить его от должности начальника отдела и перевести в штат, как артиста. «Я очень устал от канцелярских дел и редакционного чтения, без чего эта должность и не может быть».

Он не скрывает своей усталости. Это он-то – живой символ бодрости и жизнелюбия! С его двадцатичетырёхчасовой готовностью к творчеству и сотворчеству. С его природным даром лечить других от уныния и хандры.

Да, он устал. Но только как «чиновник», связанный бумажной рутинной, просмотрами и совещаниями. Ведь даже в кошмарном сне нельзя было вообразить, чтобы рука Гаркави могла бы вывести: «Я очень устал от концертной деятельности». Абсурд! Тогда бы это был человек по фамилии Негаркави!

Что касается бассейна, то, моё мнение, что это, всё-таки была отговорка. Для любимого конференса он по-прежнему здоров, бодр и свеж, и ему уже не терпится окунуться вновь в другой «бассейн» - освежающих концертов и бодрящих гастролей. Он вновь «на переднем крае». Ему по-прежнему хочется жить, работать и до всего есть дело!

Интересна небольшая заметка в газете «Воздушный рейс» от 29 июля 1964 года. В ней говорится о плохой работе аэропорта. Автор – простой пассажир – жалуется, что 7 июля в 7 утра он прилетел из Свердловска в новый аэропорт «Домодедово». Автобусы – с восьми утра. Буфеты закрыты. Одним словом, устроил он в печати руководству настоящий разгон! «Простым пассажиром» и автором той сердитой заметки был... Михаил Гаркави! Эта заметка – как одно из свидетельств его последних гастролей... Известно, по крайней мере, о двух точках на карте нашей Родины, где он побывал в тот год: вышеупомянутый Свердловск (ныне Екатеринбург) и в Средней Азии (см. главу «Незаслуженно незаслуженный»). Следы его активной творческой жизни, его внимание к происходящим событиям на эстраде (см. главу «Тон делает музыку...») говорит об одном: уход из жизни в том 64-м году, явно не входил в его планы. За шесть лет до ухода он написал:

Сам я своей старости не рад,
Смерть, как вы, я тоже ненавижу.

Но человек, как известно, предполагает, а Господь располагает.

Здесь мы подходим к интимнейшей стороне его жизни, как и жизни любого человека – отношению Гаркави к религии. Мы говорили с вами в начале книги о том, что Михаил Наумович праздновал еврейский праздник Пейсах. Хотя это не может служить окончательным доказательством религиозности его внутренней жизни. А что касается внешней стороны... Желание быть «актуальным» и всегда уважать «линию партии» сыграло с ним злую шутку в те дни, когда все вокруг обсуждали августовское постановление МК КПСС от 1954 года «...о борьбе с алкоголизмом, влиянием церкви, коммунистической морали». Опустим «алкогольную часть» и остановимся на части второй: «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения». Гаркави тут как тут. С докладом на эту тему он выступает на партсобрании. Чем дальше я читал его, тем больше погружался в пучину уныния. А ведь это – серьёзный грех! Неужели так говорил «тот самый» Гаркави – мой любимый артист?! - думал я. «Достаточно сказать, что в ночь с 24 на 25 апреля (пасхальная ночь) в московских церквях было 60 тысяч человек. Одна Всесвятская церковь Ленинградского района за воскресный день крестит до 80 детей.

Религия – это верная помощница капитализма и нельзя идти к коммунизму без преодоления всех пережитков в сознании людей».

Но это, как говорится, речи, соответствующие духу времени, дескать, так надо!.. Но вот Михаил Наумович переходит к положению дел в любимой Мосэстраде. Со всем пылом своей атеистической души, он буквально клеймит на партсобраниях тех коллег, кто плохо скрывает или вовсе не считает нужным скрывать свою религиозность.

«Вот певица. Перед выходом на сцену осеняет себя крестным знаменем – крестится. Всё это видят – и коммунисты и беспартийные, а кто-нибудь ей сказал, что это не ах как современно и что крест перед выходом не улучшает ни голоса, ни репертуара». Далее – по нарастающей! Гаркави просто-таки бьёт себя в грудь: *«Виноват и я, я это видел и не поднимал на смех».* Потрясающая вывихнутость сознания: человек не унижил публично женщину, не залез без спроса в её душу, а потом публично каялся в этом на партсобрании! Хорошо, что хоть сгоряча не назвал её имени.

Избавь меня, впрочем, Господи, и от греха осуждения!

Интересно, что к этому времени сам «красный шоумен» стал настоящим гуру для многих своих молодых друзей и коллег, которые преклонялись перед его личностью, почти её обожествляли. *«О, учитель!»* - обращается к нему один адресат. В другом стихотворном посвящении его даже называют «святой Гаркави».

Был ли он в самом деле таким уж воинствующим богоборцем, каким пытался выглядеть в глазах окружающих и партийных органов? Ведь в то же время, в конферансе 1958 года, он цитирует Библию, причём позитивно, без всякой иронии: *«Библия начинается так «Вначале было слово. И мы в нашем концерте решили применить этот библейский порядок»*. В стихах то и дело используются образы, далёкие от атеистической узколобости: *«Душа моя всегда горела адом...»*. *«Меня вы пленяли своей красотой, которую дал Вам Всевышний!»* Или, например, такие строчки Гаркави: *«Лишь годы ложатся мучительным бременем, и боги к могиле зовут...»*

Вот вам и загадочная еврейско-советская душа! Попробуй такую разгадай! И что было в этих стихах, написанных на пороге вечности?

Насколько искренен автор в своих упоминаниях о Боге? Неужели к образу Всевышнего он прибегает лишь ради «красоты слога»? А может в них, боясь самого себя, он открывал свою истинную Душу, закрытую до поры на дюжину замков?

Небольшое отступление. В начале своей карьеры конферансье он успел «засветиться» и на ниве советского здравоохранения! А дело было так. В сентябре 1928 года в Москве открывается уникальное в мире научное учреждение – Институт санитарной культуры. Позже он был преобразован в Центральный научно-исследовательский институт санитарного просвещения³⁵. Сотрудники института работают над улучшением качества санитарной пропаганды, привлекают известных художников, поэтов, актёров. Н. Хмелёв, В. Топорков, Р. Симонов ставили пьесы и скетчи на санитарные темы. Гаркави же поставил спектакль «Живые газеты».

Он никогда не забывал про свои три курса мединститута и поэтому всю жизнь ставил диагнозы. Это было отдельное «шоу»!

По свидетельству П. Леонидова, все боялись его диагнозов, как огня. Он ставил их в зависимости от отношения к диагностируемому в данный момент. Если, скажем, вы опоздали на выход, а

³⁵ Источник сведений – статья кандидата медицинских наук Д. Н. Лоранского («Здоровье» 78/10)

потом чёрт вас дёрнул сказать при нём, что у вас болит голова, шаром подкатывал к вам, хватал ручищами за лицо, заглядывал в глаза и говорил трагически: «Срочно в больницу! Скажите, врачи подозревают...» и что-то зловеще бормотал на латыни.

Между тем собственное здоровье этого испытанного остряка всё меньше давало повода для шуток. Вот что рассказал Александр Кривицкий – один из близких друзей артиста.

«Однажды он заболел. Пришлось делать операцию. Он перенёс её уникально. Шутит, смеялся сквозь боль. Врачи и сёстры ему аплодировали. Он сказал: «И не просите! Этот номер я на бис не повторю». А в апреле этого года (статья, опубликованная в журнале «Театр» в 1965 году, очевидно, была написана сразу после смерти Гаркави в 1964-м. – А.Л.) врачи снова объявили ему: «Нужно делать операцию». Гаркави ответил: «Приеду через два дня», а сам удрал в большую гастрольную поездку. Прощаясь, он говорил мне в скверике на Бронной: «Ты понимаешь, ну кто же ложится в больницу в апреле? Не тот месяц. Смотри, как солнышко светит, - он сощурился вверх, - весна... хорошо». Он лёг в октябре. Но уже не встал – поздно...»

Многие его товарищи по сцене сходились во мнении: с Гаркави было легко. Высшая степень оценки для конференсье!

Мария Миронова писала: «Приглашать Гаркави считалось хорошим тоном». И так думали многие. Представит как надо и скажет об актёре самое важное. Поэтому за кулисами всегда было спокойно и весело. Александр Менакер впервые встретился с Гаркави в 1953 в программе Ленинградского сажа отдыха.

В тот же день знакомства при помощи отца Менакера удалось установить, что они с Гаркави – родственники.

Мать отца Менакера была урождённой Гаркави, путём довольно длительных исследований выяснили, что она была не то двоюродной, не то троюродной сестрой отца Гаркави. Одним словом, «седьмая вода на киселе».

Менакер восторженно целовал своего нового «дядю Мишу», а новоиспечённый дядя хохотал своим особым смехом и весело восклицал, обращаясь к Руслановой: «Лида, Лида! У нас появился племянник».

Задумался ли этот вечный весельчак о бренности всего живого, о том, что однажды закончатся и его земные дни? Мне думается, что да. И чем дальше, тем больше.

Зная точную дату Михаила Наумовича, с особым трепетом читаешь газетные вырезки 1964 г. Некоторые вызывают добрую улыбку удивления: насколько же переплетена наша с вами жизнь! Причём не только в пространстве, но и во времени. В январской «Вечёрке» композитор Сигизмунд Кац пишет заметку о концерте оркестра Эдди Рознера: «...Успеху концерта сопутствуют выступления нашего гостя, болгарского певца Б. Киркорова, ветерана советской эстрады М. Гаркави и вокального квартета «Четыре Юры».

Неужели речь идёт о том самом Б. Киркорове – отце небезызвестного Филиппа Бедросовича? В такие минуты кажется, что время - добродушный пёс, которого можно запросто потрепать за холку...

Менакер так вспоминал уходящего Гаркави: *«Последние годы он часто болел и тогда делался таким непохожим на себя, что его становилось ужасно жаль».*

Сегодня непросто установить абсолютно достоверную картину ухода великого конферансье. Вот уж точно: попытайся я воссоздать картину последних 24 часов его жизни (по принципу известной телепередачи), я потерпел бы неудачу. Но я испытываю истинную благодарность к тем людям, кто оставил крупницы воспоминаний о последних днях Михаил Наумовича.

Например, благодаря мемуарам таких разных артистов, как И. Кобзон и А. Менакер, есть основание говорить, что Лидия Андреевна была рядом с Михаилом Наумовичем в последние дни жизни. Словно и не было разлуки длиною в двадцать с лишним лет, а в ней – её замужества за генералом Крюковым, его женитьбы на певице Михайленко-Луариной... Впрочем, разлуки-то как таковой действительно не было, ведь расстались они только как семейный тандем. В газетах продолжают появляться фотографии, где они рядом на концертах или после концерта, в компании с другими артистами. Рядом. Но не вместе. Но когда «её Миньку» одолела тяжёлая болезнь, сердце певицы не выдержало, и она примчалась в больницу.

Когда Гаркави везли на каталке на последнюю операцию, он вдруг басом: «Лида, смотри! И какой же русский не любит быстрой езды?!» Обрато он не вернулся...

За день до кончины Гаркави в больницу пришла Русланова. Он был почти без сомнения, но открыл глаза, узнал её и тихо произнёс: «Бяда...»

И действительно, это была «бяда» для тех, кто знал и любил его в жизни и на эстраде. То, как и почему она случилась, во многом проясняет письмо Л.П. Михайленко-Луариной, написанное 2 февраля 1964 года. Адресат – уже знакомый читателю израильский родственник Михаила Наумовича – Цви Гаркави:

«Многоуважаемый Цви!

Очень прошу извинить меня, я не знаю вашего отчества.

Пишет вам вдова Михаила Гаркави.

Я Вам долго не сообщала о смерти Михаила, потому что сама больна.

У меня случился 24 октября 1964 года инфаркт миокарда. Я ещё и сейчас не совсем здорова. Михаил так неожиданно ушёл из жизни, что это на меня ужасно повлияло.

Миша, к сожалению, сам виновен в своей болезни и смерти (он думал, что у него рак и ото всех скрывал), оказалось, что у него аденома предстательной железы, но уже было поздно, нельзя было ничего сделать, так как почки перестали работать.

Как я, друзья и врачи ни старались его спасти, делали всё, чем только могли помочь, ему всё было предоставлено, но, увы, всё было напрасно, ничего не помогло.

Я потеряла замечательного мужа и друга.

Вся театральная Москва очень скорбела, провожая его в последний путь. Я думала, что и до вас дошли слухи о его смерти, так как все почти газеты и журналы писали об этом.

Я всё собиралась вам написать, но не имела сил.

Я очень благодарю за посылку, которую, к сожалению, не могла получить, так как она на имя Михаила.

Ещё раз благодарю за внимание, и извините за печальные известия.

С уважением к Вам, Лидия Петровна.

27.02.65»

Несправедливо было бы не рассказать о женщине и актрисе, которой выпал жребий быть рядом с Михаилом Наумовичем до последнего его часа... Уход мужа она, как видите, а буквально в смысле приняла близко к сердцу.

Лидия Михайленко-Луарина была моложе своего знаменитого супруга на семь лет. С 1920 по 1924 гг. работала артисткой балета оперного театра им. Луначарского в г. Днепропетровске. Затем – труппа Свободного балета с 1925 г. Выступала в коллективе «Синей блузы». В 1928 г. создала этнический дуэт русской народной песни, затем дуэт «Бабы рязанские». В 1930-е годы вела большую концертную деятельность, выступая на стройках Магнитогорска, Комсомольска-на-Амуре, Днепрогресса, в военных частях отдельной Краснознамённой Дальневосточной Армии. С начала войны выступает в составе артистических бригад на разных фронтах, за что была награждена орденом «Красной звезды» и медалями (удостоверениями о награждении от 13 декабря 1945 г. – 22 ноября 1968 г.) Она пережила мужа на 24 года.

Так что у нашего героя была поистине боевая подруга, женщина явно незаурядная. А тот факт, что на следующий день после похорон мужа её сразил инфаркт, говорит об исключительно высокой степени любви и преданности, не так уж часто встречающейся в наших людских джунглях.

«Я потеряла замечательного мужа и друга...»

По свидетельству М.В. Бруновой, после смерти супруга Лидию Петровну переселили (проще говоря - выгнали) из роскошной квартиры на Патриарших прудах в маленькую «однушку» в Кунцево.

П. Леонидов в книге «Владимир Высоцкий и другие»³⁶ приводит слова Гаркави, сказанные им незадолго до смерти, по дороге с очередных гастролей (или на гастроли): *«Жизнь кончается, а это несправедливо. Такусенькие живут сто лет, а мне бы по моим габаритам, как ворону...»*

В бумагах конферансье осталось четверостишие, в котором он однажды сам себе вынес диагноз. Или приговор:

На свете я немало жил.

Пожалуй, слишком обеспечен.

Но кто-то камень положил

В мою протянутую печень.

«Вся театральная Москва», - и это была правда, - просталась с ним в Центральном доме работников искусств.

³⁶ Павел Леонидов «Владимир Высоцкий и другие». Русской книгоиздательство «Нью-Йорк» 1983 г.

По свидетельству П. Леонидова, было много цветов и масса незнакомых, седых интеллигентных лиц (а в ЦДРИ незнакомые лица - редкость).

«Возле меня кто-то плакал, - пишет Леонидов. – Я оглянулся. Это плакал многолетний директор ЦДРИ Борис Михайлович Филиппов. Он поймал мой взгляд и сказал, кивнув на гроб: «Он мне всегда говорил, что смерть – это несправедливость...». И я подумал: все несправедливости происходят вовремя».

...Как-то на концерте к одному из зачинателей жанра пародии на нашей эстраде Геннадию Дуднику подошёл знаменитый пианист Давид Ашкенази и грустно сказал:

- А ты знаешь, не хватает нам Гаркави. Каждый день не хватает. Как же с ним было уютно!..

Глава двадцать третья

Байки, байки – без утайки...

Помнится, у Брагинского с Рязановым в киносценарии фильма «Берегись автомобиля» есть такая фраза: «Приятно смотреть картину, зная заранее, чем она закончится»...

Я тоже кое-что знаю заранее. Например, чем закончится моя самонадеянная попытка собрать в одной книге все байки о «красном шоумене». Ну и пусть! Зато меня будет греть сознание, что впервые под одной обложкой собрано максимальное количество избранных баек из жизни великого сына русской эстрады! Как потерянные цыганские дети, они, байки, разбежались по многочисленным биографиям и мемуарам.

Ау!.. Детки!.. Пора домой!!!

Да, чуть не забыл!.. Не пытайтесь, дорогой читатель, сыграть со мной в «Блеф-клуб» - где тут быть, а где, мягко говоря, «преувеличение», разобраться всё равно не удастся...

Одна байка додумает, другая приукрасит, третья нафантазирует, а четвёртая вообще соврёт. Вот и получается в результате яркий и правдивый портрет артиста и человека... Не верите? А вы попробуйте!

Начну с одной, наиболее растиражированной. От кого я только её ни слышал и где только ни читал...

Всё с себя!

Однажды Кобзон ещё на заре своей популярности выступал на стадионе в составе интернациональной концертной бригады. Первой выступала певица из Средней Азии. Пела она так, что один солдат с восточным лицом, прорвавшись сквозь заслоны, выскочив на сцену и упав к её ногам, трогательно стал умолять, чтобы она приняла его часы в знак признательности, потому что на цветы у него не хватило денег.

Следующей запела Лидия Русланова. С трибуны сошла красивая русская женщина в цветастом платке, подошла к ней, заплакала:

- Матушка, какое же счастье, что ты есть!

Затем сняла с пальца дорогое кольцо и сказала:

- Возьми, матушка, хоть что-то на память!

В этот момент легендарно находчивый Гаркави заявил на весь стадион:

- Вот Русь великая – всё с себя! Но только за любовь! За любовь!

Потом повернулся к Кобзону, который готовился к своему выходу на сцену и в сторону произнёс:

- Кобзон, приготовься! Сейчас евреи мебель понесут!

Авторский комментарий: Меня мучает один вопрос: принесли или нет? Ну, хоть табуретку.

Вопросов нет!

А появлением в книге этой истории я обязан исключительно незабвенному Юрию Алексеевичу Рубцову – замечательному режиссёру и редкой души человеку, много лет проработавшему в Московском театре Эстрады, где имел неоднократную возможность наблюдать Гаркави на Сцене и за кулисами. Как-то, ведя очередной праздник на стадионе, Гаркави услышал в свой адрес реплику от одного из зрителей, дескать, какой же он толстый. На что Михаил Наумович воскликнул:

- Что?! Смотрите!!!

Сбросил пиджак и... рванул по гаревой³⁷ дорожке 400-метровку. Да так быстро, что у публики дух захватило! Подбегает к микрофону:

- Вопросы есть?

Зал стоя аплодировал великому конферансье.

Ручной багаж

Группа эстрадных артистов гастролеровала по Северному Кавказу. По окончании выступлений они должны были вернуться в Москву. В ожидании рейса артисты стояли перед входом в накопитель и беседовали. К ним подошёл человек с хмурым лицом, представился дежурным Аэрофлота и спросил с сильным кавказским акцентом:

- Граждане, сколько вы вёсите?

- Сто двадцать килограммов, - ответил Гаркави.

- Слюшай, это нэ положено, у нас больше ста кило нэльзя.

- А лишние двадцать килограммов мне что, срезать? Да?

-Зачем срезать? Доплатишь, как ручной багаж.

Что в имени тебе его?

В 1951 году (как раз началась борьба с «космополитами» или, проще говоря, с евреями) Гаркави объявляет:

³⁷ Гаревая дорожка - это беговая дорожка, обычно вокруг стадиона, со специальным покрытием для спортивной ходьбы и бега.

- Выступает народный артист скрипач Давид Ойстрах!

Из зала громко кричат:

- Еврей?

Пауза.

- Разумеется.

Снова пауза.

- У рояля, - как ни в чём не бывало, продолжает конференсье, - Борис Иванов. Вопросы будут?

Чудо-музыкант

На одном из концертов Гаркави объявляет номер:

- Выступает ксилофонист Макс Масловский!

Из-за кулис трагический шёпот:

- Товарищ Гаркави, я палочки забыл!

Пауза.

- Впервые в мире, только у нас, выступает ксилофонист без палочек!

Концерт над пропастью

Станислав Богданов – сын комдива Белорусского особого пограничного округа, павшего в боях за город Калинин (ныне Тверь) рассказал автору такую историю.

В 1937 году Гаркави с группой эстрадных артистов приехал в центральный клуб НКВД, чтобы выступить в праздничном концерте. Его лично приветствовал первый заместитель Ежова, начальник 3-го главного управления армейской контрразведки.

«Мин, ты не волнуйся, что выступишь в тревожное время. Ты покажи сегодня не только московский юмор, но и одесский!»

Затем этот крупный чин из НКВД попросил одного из своих подчинённых немного вдохновить артистов, чтобы они не боялись выступить в стенах клуба им. Дзержинского.

Что тот и сделал:

- Товарищи! Вы находитесь в НКВД! Но это вовсе не означает, что после концерта вы будете сразу все арестованы!

Гаркави сразу приободрился, артисты засмеялись. Концерт прошёл на ура.

Убей его и жди меня

Гаркави мог бы легко войти в книгу Рекордов Гиннеса как автор одного из самых коротких вступительных монологов³⁸.

Это произошло в годы войны. Вернувшись «на побывку» в Москву, Гаркави был приглашён в Центральный Дом литераторов для ведения творческого вечера популярного поэта Константина Симонова, чьи стихотворения «Убей его» и «Жди меня» тогда были у всех на слуху. Обстановка прифронтового города, каким являлась тогда Москва, требовала, чтобы концерт кончился рано. Но всё же не хотелось ограничиваться банальными словами. Гаркави вышел, считанные секунды помолчал, собирая внимание присутствующих, и, мгновение спустя, разразился стихотворным экспромтом:

*В повестке нынешнего дня
«Убей его» и «Жди меня»*

Его ответ Лондону

Внезапные импровизации находчивого Гаркави порой бывали острее и хлеще, чем подготовленные репризы. Он умел ловко отпарировать любой брошенный из зала вызов. Но и в повседневной жизни тоже за словом не лез.

Однажды в Вене, вскоре после окончания войны, на каком-то пышном приёме Михаила Наумовича стали приглашать в Лондон. Его собеседник делал это явно с подковыркой – в ту пору советских артистов (особенно эстрадников) отпускали за рубеж с большим скрипом, и англичанину хотелось посмотреть, как Гаркави выкрутится из такого положения. Не моргнув глазом Михаил Наумович достал потрёпанную записную книжку, перелистнул её и со вздохом сказал:

- К сожалению, не могу. Как раз в это время у меня концерт со Жмеринской филармонией.

Всех посажу!

В 1952 году на Лубянке состоялся праздничный концерт, посвящённый 35-й годовщине Октябрьской революции. Его вёл Гаркави. В первых рядах сидит вся энкавэдэшная верхушка во главе с Берией. Ровно в семь часов Михаил Наумович вышел на сцену. А народ всё подтягивается. Люди входят и рассаживаются. Он стоит, ждёт. Из зала кричат: «Начинайте!» Гаркави отвечает.

- Пока всех не посажу, концерт не начну!

Дипломатичный ответ

³⁸ Пишу «одного из...» потому, что самым коротким является... «фишка», которую я услышал от известного шоумена Александра Зайцева: «Директор птицефабрики: «Ну, понеслась!»».

Михаил Наумович вёл концерт в здании на Цветном бульваре, где помещались редакции двух газет. Журналисты спросили его:

- Какая из газет вам больше нравится – «Литературная газета» или «Литературная жизнь»?

- «Правда», - ответил Гаркави.

Вывод

Однажды в Тбилиси Гаркави и Брунов пошли в знаменитые серые бани. При виде многокилограммового Гаркави худые и костлявые тёрщики отошли в сторонку и, сбившись в кучку, о чём-то горячо заспорили. Потом один из них подошёл к Михаилу Наумовичу и сказал:

- Это мыть нельзя!

От ветеринара слышу

Гаркави выступил в правительственной санатории «Барвиха».

- У вас тут замечательные условия. Хочешь, можешь поправиться, хочешь – похудеть. А вот мне никак не удаётся похудеть, я уже ко всем обращаюсь...

- Вам бы надо к ветеринару! – раздался из зала номенклатурный басок.

Гаркави сразу:

- Я обращался.

- И что он вам сказал?

- Он спросил: «Какой осёл вас ко мне направил?»

Его школа

Дару импровизации, основанному на знании и культуре, Михаил Наумович придавал первостепенное значение. Как-то во время просмотра молодых артистов (напомню, что Гаркави в эти годы был художественным руководителем отдела сатиры и юмора Всероссийского государственного концертного объединения), случилось следующее: на сцену вышел молодой конферансье и начал читать заученный конферанс: «Добрый вечер, дорогие зрители! Начинаем нашу программу...»

Сидевший в пустом зале Гаркави неожиданно крикнул:

- Пошёл к чёрту!

Тот, конечно, опешил, растерялся, поджилки трясутся.

- Михаил Наумович, в чем дело?

- А импровизация? Почему ты не нашёлся, что мне ответить на реплику и растерялся? Давай сначала!

Испытывая артиста таким образом, Гаркави в разных местах выступления задавал ему разные вопросы.

Нестор Иванович Гаркави

Гастроли на Кавказе. Утром поезд прибыл на станцию Самтредиа. Все артисты направились в буфет. А Гаркави с газетой в руках присел на подножке автобуса, который должен был вести их дальше. К автобусу подошёл милиционер и начал ворчать:

- Водитель, ты почему поставил здесь автобус? Не знаешь, что здесь стоянки нет? Уезжай отсюда, да побыстрее...

Гаркави слушал-слушал, потом, медленно сложив газету, громоподобно рявкнул:

- В чём дело?!

Милиционер попятился назад и смущённо произнёс:

- Виноват, товарищ генерал!

Ветер

Гаркави вёл концерт в открытом летнем театре Сочи. Стояла безветренная погода. На сцене выступает жонглёр, у которого всё валится из рук. Михаил Наумович стоит сбоку, молча наблюдает за ним. Потом индифферентно говорит в микрофон: «Ветер!».

Любопытная дама

Михаил Гаркави вёл очередной концерт и заметил в зале даму, которая внимательно рассматривала его не в театральный, а в... полевой бинокль.

- Простите – поинтересовался Гаркави – вы рассматриваете в бинокль меня?

Дама утвердительно кивнула.

- Странно, - удивился Гаркави. – Я считал, что с такой-то фигурой меня хорошо видно с любого места!

- Бинобль приближает. Надо знать! – ответила дама.

- Тогда скажите, пожалуйста, какую часть моего тела вы хотите приблизить?

По некоторым моим предположениям, той любопытной дамой была жена Булгакова – Елена Сергеевна.

Диалог с педантом

В воспоминаниях Алексева есть удачный пример ответа Гаркави на внезапную реплику из зала.

Артист начинает концерт.

- Если не ошибаюсь, сегодня здесь учителя данного района?

И вдруг обиженный и назидательный голос:

- Учителя и воспитатели!

- Ну, конечно! – уверенно продолжает Гаркави, - плох тот учитель, который не воспитывает, и тот воспитатель, который не учит.

«Кажется, обыкновенная сентенция, - писал Алексеев, - которую можно встретить в любой учительской газете, а вызвала и радостные улыбки, и долгие аплодисменты. Почему? Потому что педант получил быстрый ответ, показавший неуместность поправки и культуру и находчивость конферансье».

Похожий на Черчилля

В Центральном доме работников искусств закончился концерт, который вёл Гаркави, но занавес не закрылся. На ярко освещённую сцену вышел конферансье с искринкой в глазах и с задорным видом обратился к зрителям:

- Где вы, современные Салтыковы-Щедрины и Гоголи? Где вы, современные смельчаки и острословы?!

Неожиданно из зала чей-то злобный голос:

- Слон! – попытался кто-то из зрителей оскорбить артиста, имея в виду его огромные размеры – высокий рост и полноту.

- Я не расслышал, что вы сказали, - отозвался Гаркави, - но не сомневаюсь, что это гениально.

- Не считаете ли вы, что похожи на Черчилля?

- На карикатурах – похож. А в жизни мы с ним не встречались.

- Искривляли ли вы когда-нибудь линию партии?

- Искривлял. Вместе с партией! - ответил Гаркави под громкие аплодисменты.

Больше вопросов ему не задавали, хоть он и давал понять, что готов словесную дуэль продолжать до бесконечности.

Вскоре, увы, словесные бои запретили.

Глава двадцать четвёртая

Мечта артиста

Верно говорится: человек жив до тех пор, пока жива память о нём.

Эта книга – попытка суммировать и обобщить профессиональный опыт Михаила Гаркави, определить роль и значение его деятельности в истории отечественной эстрады. Книга родилась благодаря многим людям, знавшим и любившим героя. Но даже этот многочисленный хор был бы скучным без Главного Свидетеля!

Как я уже писал в начале книги, за долгую творческую жизнь он, надо сказать, довольно часто выступал в роли корреспондента и даже мемуариста (пишущего, в основном, для себя). То тут, то там в многочисленных набросках конферанса попадаются крупницы «воспоминаний и размышлений».

Начиная с небольшой заметки в журнале «Цирк и эстрада» за 1930 год (более ранние публикации с его подписью мне не встречались, но вполне вероятно, что это не первое его выступление в печати) и заканчивая последней «репликой читателя» в газете «Воздушный транспорт».

Так пусть же мозаика мыслей самого героя книги добавит ещё несколько штрихов к портрету «красного шоумена»...

Из неопубликованной монографии

«Эстрадный концерт»

(конец 50-х...)

В вопросах эстрадного искусства вообще, в составлении частных эстрадных концертов в частности, нет никакой теории, школы, и полностью отсутствует так называемая методология.

Мечта артиста

Мы – артисты эстрады – давно мечтаем о таком учебном заведении, где готовилась бы наша смена. Хочется представить себе день, когда эта мечта сбудется. И вот тогда, беседуя с молодыми своими друзьями, я непременно сказал бы, что необходимо в конферансе, необходимо как воздух и хлеб.

Первое – быть политически и в полной мере грамотным и идти в ногу с жизнью.

Второе – быть в курсе всех событий дня.

Третье – много и регулярно читать, расширяя свои знания.

Четвёртое – не бояться говорить со сцены серьёзное и там самым не думать, что главное у конферансье – это шутка. Тщательно изучать богатство народной мудрости. Это поговорки, поговорки, созданные народом...

И последнее – любить того артиста, которого представляешь!

Искусство говорить

К сожалению, ещё можно встретить конференсье, который не произносит, а вещает, не шумит, а зубоскалит, не беседует, а наставляет...

Честно говоря...

Лучше отработать пять концертов на эстраде, чем один на манеже!

Из автобиографии

Я закончил 6-ю мужскую гимназию в Замоскворечье, рядом с Третьяковкой.

Такая профессия...

(из конференса 1949 года)

Есть небольшая категория артистов, которые не умеют ни петь, ни танцевать, не разговаривать. Это конференсье.

Так что, понимаете, какая это сложная профессия – так много ничего не уметь. Поэтому нас так мало, что не всякий на это пойдёт.

А вы говорите!

(из зачёркнутых черновиков)

Каждый понимает, что если взрослый человек вышел перед тысячной массой и начал что-то говорить, ну, скажет же он, в конце концов, что-нибудь дельное. А потом выясняется, что человек ничего не сказал.

О «заёмном» репертуаре

Много раз ко мне подходили в разных городах страны с просьбой дать самостоятельности что-нибудь из моих конференсов, причем говорили: «Из того, что вам не нужно». Как же не могут понять те, кто обращается с подобной просьбой, что то, что не нужно мне – уже совсем не нужно и им, что идти по линии наименьшего сопротивления и брать готовое – это никогда не создаёт творческой обстановки и не двинет искусство вперёд...

Кадры решают всё!

Самый главный недостаток – это отсутствие заботы о воспитании кадров. Вместо творческого роста мы наблюдаем деградацию актёров. На наших глазах молодёжь, выпущенная студиями эстрадного искусства, растеряла всё то, что приобрела. Так, например, певицы Г. Великанова и В. Сергеева, окончившие студии под руководством Б. Петкера, сейчас в значительной мере утратили свойственные им на первых порах обаяние и самобытность.

А сколько выпускников студий вообще ушло с эстрады из-за отсутствия репертуара, из-за невнимания со стороны руководителей концертных организаций.

Тускнеет голубой экран.

Когда почтальон приносит газет, многие нетерпеливо заглядывают в рубрику: «Сегодня по первой программе...» Читая изо дня в день эти сообщения, огорчаешься их удивительным однообразием. Совсем редко – эстрадные концерты. Как популяризуется по телевидению искусство эстрады? На этот вопрос ответить весьма трудно, так как здесь нет ни системы, ни каких либо традиций.

Необходимо создавать кадры сатириков, и юмористов, и артистов эстрады, работающих для телевидения и только для него.

Слишком часто видишь одних и тех же исполнителей с одним и тем же репертуаром.

В добрый путь!

На сцене летних театров показывается представление «Весёлый городок». Основные его участники - первые выпускники Студии эстрадного искусства Московского театра эстрады.

Теперь о тех, кто меня, естественно, больше всего волнует – о представителях «разговорного жанра». Несомненно талантливым артистом является Михаил Ножкин, читающий фельетон «Ровесники». Фельетон злободневен, но иногда, правда, образность подменяется дидактикой и неверно понятой публичностью. Но главное заключается в том, что строй артистов=разговорников вступил способный молодой человек со своим творческим лицом.

Ряд интермедий исполняет Вадим Реутов и Владимир Ухин – молодые представители парного концерта.

Знаете ли вы, что...

...В конце прошлого (теперь уже позапрошлого – А.Л.) века собирались крупнейшие композиторы того времени на т.н. «пятницы». Известно, что на одной из таких «пятниц» композитор Бородин... написал «Собачий вальс».

Просто, но со вкусом...

Закон эстрады: всё должно быть просто и лаконично.

О музыке и песне

В лето 1962-го года пришли сплошные джазы, порой очень сомнительной культурной ценности, что мне даже дало возможность сказать в порядке шутки: «Москва – это джазоубежище».

Я и музыка

Хочу объяснить, я старый москвич и родился не артистом эстрады, а вся семья, в том числе и я, были воспитаны на серьёзной музыке.

Кстати...

Я живу на Бронной, около катка на Пионерском пруду...

Его аксиома

Хороший конференсье – это всегда хороший массовик. Если не так, то это плохой конференсье.

О любимых поэтах

Автор этих строк шестого ноября 1918 года выступал в бывшем дворянском собрании, ныне Колонный зал Дома Союзов, на концерте, посвящённом первой годовщине Октября, с чтением Верхарна³⁹.

Не расслабляться!

На сцене всё важно, и всё надо предусмотреть. Сцена коварна для нерадивых. Вроде бы мелочь, пустяк упустишь, а он потом как «чеховское ружьё» и выстрелит, да в самый неподходящий момент...

Конференсье, как пожарный, всегда должен быть готов к «пожару». Вот и приезжаешь загодя.

Тринадцатый том Маяковского

Долго я читал стихи современных поэтов в кафе поэтов, в частности В. Маяковского, который в своём письме, опубликованном в 13 томе его сочинений, упоминает и мою фамилию, как исполнителя его стихов.

Эксклюзив от Гаркави

Рецепт от многих заболеваний, как то: ангина, грипп, кашель, насморк, головная боль; для сохранения зубов, мужских достоинств, для хорошего стула: сразу после сна, не вставая с постели, выпить «напёрсток» (то есть граммов 20) «пейцеховки» - водки, настоянной на чесноке и укропе. Настаивать 5 дней.

Говорящее предисловие

-Нам, артистам, всегда очень хочется, чтобы вы смотрели на эстрадный концерт, как на хорошую книгу, - увлекательную, содержательную, - которую вы полюбили бы как друга. И действительно, можно вообразить, что сцена – это обложка выступления артистов, страницы – вы, читатели, а я... Я – предисловие. Есть три вида предисловий. Первое – когда предисловие занимает две трети книги и никакого отношения к ней не имеет. Второе, когда предисловие рассказывает содержание книги своими словами, но плохо. И, наконец, третье, которое дополняет книгу, комментируя её с точки зрения сегодняшнего дня. Вот мне хочется быть именно таким, третьим предисловием.

Представляя певицу...

- Есть Одесса-мама, есть Ростов-папа, но есть город, в котором рождаются нормальные, законопослушные дети от приличных родителей. Красивые и талантливые дети. Это – город Саратов. Там жил писатель Чернышевский и спрашивал у людей: «Что делать? Если не воровать и не пить?» И люди ему отвечали: «Надо петь песни, и так хорошо, как воруют в Одессе и грабят в Ростове». Эти слова не разошлись с делом. Саратов сотворил чудесную певицу. Знакомьтесь и запишите её имя – Лидия Русланова!

³⁹ Эмиль Верхарн — бельгийский франкоязычный поэт и драматург, один из основателей символизма.

Тысячу лет на эстраде

Мэтр отечественной пантомимы и удивительный артист Илья Рудберг рассказал автору книги, как, выходя однажды на очередной разговор со зрителями, Гаркави сказал и сделал буквально следующее:

- Тысячу лет на эстраде... Уже молодёжь... Уже есть кому отдавать сцену... Пора уходить!

ВСТАЁТ НА РУКИ И УХОДИТ НА РУКАХ!!!

Глава двадцать пятая

«Я последний из той, из лирической касты»

Всю жизнь он находился под властью «магии рифм» (выражение современного исследователя Нины Опариной). Точнее не скажешь! Хотя время показало, что эта страсть писать стихи носила у него, скорее, прикладное значение, нежели имела претензию на серьёзное стихотворство...

...Так думалось мне, когда я только подступал к этой крайне слабо проработанной исследователями теме под названием «Гаркави и стихи». Меня убеждали в этом рукописи из фонда М. Гаркави, бережно хранимые в РГАЛИ с 1988 года вместе с другими материалами.

Я прямо определил их для себя как экспромты, к которым у меня привито изначально уважительное отношение. И я был убеждён, что все эти сочинения представляют несомненную ценность, но именно как экспромты, спрашивать за которые с автора по Гамбургскому счёту – как за стихи – по, меньшей мере, нечестно.

Потребовался приличный отрезок времени и куда более глубокой «внедрение» в архивные материалы, чтобы понять: определять стихотворчество моего героя, как имеющее исключительно прикладное значение, будет неверно.

Однако не будем торопиться...

Итак, Гаркави обожал сочинять стихи. Первая попытка «записать в рифму», сохранившаяся в его архиве (ещё с буквой «ять» в рукописях) помечена 26 января 1915 года:

Набросок

Всё погасло, всё затихло.

Тишина.

Из-за леса тучи вышли.

Красота.

Облака кругом собрались

У креста.

Всюду холод, всюду голод.

Темнота.

Что ж... Восемнадцатилетний Миша был в этом смысле похож на тысячи своих ровесников, - редко кто в этом возрасте не «балуется стишками». Тем более у нас в России!

Но под влиянием какого поэзонебожителя родился этот опус? Увы, но напрямую об этом история умалчивает. Остаётся лишь догадываться.

Очевидно, что здесь не обошлось без влияния знания, а то и личного знакомства с кем-либо из поэтов-современников. Достаточно вспомнить об экземпляре сборника «Имажинисты», в 1921-м году подписанном рукой Есенина: «Милому Гаркави. С. Есенин».

И автограф тот не был случайным. Писатель Матвей Ройзман вспоминает, что Гаркави, в те годы – стройный (даже не верится), красивый, с густыми, расчёсанными на пробор волосами, обычно проводил концерты и литературные вечера для студентов. Однажды, будучи в Политехническом музее на митинге – выставке стихов и картин имажинистов, Гаркави предложил Сергею Есенину выступить перед публикой, почитать свои стихи. Тот согласился. Вскоре вечер поэта, инициатором которого был Гаркави, состоялся.

Бесценный опыт для будущего конферансье!

Он признавался позже, что многому научился на «разговорах-докладах» Маяковского, где поэт, пропагандируя свои литературные взгляды, вступал в единоборство с публикой, среди которой были не только сторонники. Артист вспоминал об одном выступлении поэта в 1915 году в кафе – в переулке, недалеко от Тверской. «Я с восхищением смотрю на человека в жёлтой блузе. Мне импонирует его смелость и находчивость. Восхищает свободная манера говорить, общаться с аудиторией. Если я впоследствии ушёл из театра на эстраду и стал конферансье, то это произошло не без влияния Маяковского». В послужном списке поэта есть позабытый ныне эпизод совместного конферирования В. Маяковского и Г. Ярона. Сейчас мало кто знает, что современники даже называли поэта «великий конферансье земли русской».

Сохранилась известная байка. За стопроцентную точность того, что всё так и было, сейчас уже никто не может поручиться, и тем не менее... Гаркави вёл концерт в кабаре, когда туда пришёл Маяковский. Это было вскоре после того, как Есенин сошёлся с Айседорой Дункан. Завидев Владимира Владимировича, Гаркави сказал: «Вот ещё один знаменитый поэт. Пожелаем ему найти себе какую-нибудь Айседору!» На что Маяковский ответил: «Может быть Айседора и найдётся. Но айседураков больше нет!»

Между прочим, конферансье гордился, что один из первых стал читать с эстрады стихотворение поэта «Необычайное приключение». Маяковский, кстати, среди других чтецов своих произведений, называет в своём собрании сочинений и имя нашего героя.

В жизни каждого артиста, который провёл тысячи концертов, есть те, о которых он помнит всю жизнь. И никогда не забывал Михаил Наумович концерта, который шёл 6 ноября 1918 года в Колонном зале Дома Союзов и был посвящён первой годовщине Великой октябрьской революции. По воспоминаниям известного конферансье Ф. Липскерова⁴⁰, в нём участвовали балерина Виктория Кригер⁴¹, скрипач профессор Борис Сибор и тогдашний любимец московской публики Борис Самойлович Борисов, с которым молодой Гаркави играл скетч. И тем ещё

⁴⁰ Фёдор Александрович Липскеров (1912 — 1977) — советский конферансье, режиссёр-постановщик эстрады и цирка, автор эстрадных номеров, рассказов и фельетонов.

⁴¹ Викторина Владимировна Кригер (1893 — 1978) — театральная деятельница, балерина, балетный критик. Создательница и художественный руководитель труппы «Московский художественный балет», из которой вырос Музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко.

знаменательней был для него концерт, что он читал перед разношерстной аудиторией революционные стихи бельгийского поэта Э. Верхарна.

«Я помню, - значительно позже писал Ф. Липскеров, - как в дни юбилея Некрасова Михаил Наумович вёл концерт в Октябрьском зале Дома Союзов... Гаркави был не традиционный ведущий, который говорит, что «сейчас выступит...» или «следующий номер нашей программы...» Гаркави обнаружил недюжинные знания произведений поэта, многое из него цитировал и даже пел сатирические куплеты на тексты Некрасова. Оказалось, что молодой Некрасов (а мы этого и не знали) славился куплетами...»

Можно смело назвать его некрасоведом, настолько он любил творчество великого русского поэта и всю жизнь, при первой возможности, читал со сцены его произведения. Газета «Советское искусство» сообщала 14 января 1953 года об успешном проведении литературно-музыкального вечера, посвящённого 75-летию со дня смерти Н.А. Некрасова: «...Большой успех выпал также на долю артиста эстрады М. Гаркави, мастерски исполнившего сатирические стихи поэта».

Всю жизнь Гаркави бережно хранил фотографии корифея МХТ с дружеской подписью на лицевой стороне: «Милому товарищу Михаилу Наумовичу Гаркави на добрую память с самыми лучшими пожеланиями. Василий Качалов. Май 1919»

Им не раз приходилось пересекаться на концертной площадке. Качалов, бесспорно нашедший себя в театральном искусстве и ставший воистину одним из живых символов МХТ, был вынужден подрабатывать на сторон: гостеприимный дом Василия Ивановича, а также любовь к чтению с эстрады, заставляют его концерттировать не намного меньше, чем играть в спектаклях. Есть даже такое выражение «прочитать по-качаловски». (Помните учителя в фильме «Приключение Электроника» в исполнении Е. Вестника, который именно такой фразой оценивает чтение главным героем лермонтовского «Паруса»?) Имя Качалова по праву стоит в галерее великих чтецов земли русской, среди прославленных имён которой два великих Владимира - Яхонтов и Хенкин, - и Леонид Утёсов. Да-да, тот самый! Не случайно после его чтения с эстрады «Соли» Бабеля и двух рассказов Зощенко, о нём написали как об одном из «талантливейших рассказчиков нашей эстрады». Есть сведения, относящиеся к 1927 году об их совместном с Гаркави конферировании в «фанерном» театре «Эрмитаж». «Красный шоумен» тоже был не последним в чтецких рядах. В списке исполняемых им произведений Маяковского, Некрасова, Верхарна, пушкинское – «Гусар».

Поговорим теперь о «виршах» самого конферансье.

Чем больше изучаешь его стихотворное наследие, тем больше уверенности, что жизни Гаркави и его знаменитых поэтических современников не просто соединились, но и тесно пересекались, и взаимодополняли друг друга. В октябре 1952 года он признавался:

*Я последний из той, из лирической, касты –
Шершеневич, Есенин, Якулов и Рог.
Нас и звали тогда – «коробейники счастья» -
Кустари задушевных тревог.*

Интересно, что сначала мне на глаза попало только это четверостишие, которое я принял за набросок. Позже, в отдельной тетради Гаркави для стихов и экспромтов, я увидел стихотворение, полностью открывшее мне, а теперь и читателю настоящий «затерянный мир» души конферансье.

Кстати, давайте сразу договоримся.

Включать в эту книгу поэтические откровения Михаила Гаркави или нет – для меня вопроса не возникало. Другое дело, хотелось представить вниманию пытливого читателя как можно больше его стихов. Но для этого пришлось бы значительно увеличить объём этой главы, и без того немаленькой. Не желая нарушать относительное композиционное равновесие всей моей книги, ограничусь небольшими фрагментами стихотворений и краткими комментариями к ним.

А в конце книги желающие могут ознакомиться с полной версией избранных лирических стихотворений. Суждено ли когда-нибудь увидеть свет отдельному сборнику (наподобие вышедшей в 1925 году книги стихов выдающегося артиста, клоуна и публициста Евгения Лазаренко «Пятна грима») - не знаю. Я лишь позволил себе вообразить подобное издание. Пропуски в стихах слов и предложений я допускал лишь в том случае, когда попытка разобрать непростой почерк Михаила Наумовича ни к чему не приводила.

Вот небольшое стихотворение, заметно меняющее наше представление о Гаркави как о поэте:

*Её стареющее тело
К своим устам сейчас привлёк
Юнец, похожий на Отелло, -
Плохой артист, плохой стрелок.
И счастье легкокрылой птицей
Спустилось на неё сейчас.
В мужской любовной веренице
Он будет лишь - Калиф на час.*

В каждом слове, повороте мысли он «играет мускулами», как истинный стихотворец профессионал. А сколько мы узнаём о самом авторе из этих строк! Шлейф прочитанных книг и собственный жизненный опыт, и едкость, и изящество сливаются и кружатся здесь в едином страстном танце...

Читаем дальше. Дело это непростое, поскольку почерк у Михаила Наумовича отнюдь нельзя назвать каллиграфическим. Доходило до курьёзов. В письме 1949 года, адресованном Гаркави, его коллега и товарищ по бесчисленным гастролям В. Хенкин не сдержался: «Так писать нельзя...» Что ж, проработав несколько лет с архивом конференсье, перебрав десятки его рукописей десятки раз, подписываюсь под каждым словом Владимира Яковлевича...

Хотя говорят, что у незаурядных людей почти у всех плохой почерк. (У Хенкина, кстати, он тоже не слишком разборчивый).

Богатейший опыт общения с очень разной аудиторией позволил Гаркави с той же лёгкостью и непринуждённостью общаться кое с кем повыше.

С министром? Нет. С генсеком?..

Берите выше!

С естественным спутником Земли:

*Мне вчера говорила Луна
(Она многое знает, поверьте!),
Что любимая мною одна,*

*Что её и люблю я до смерти.
Что она в этот призрачный час
Обо мне только думу имеет.
Вы простите мне этот рассказ.
От него небылицю веет.*

Впрочем, кому-кому, но только не Гаркави, этому вечному «барону Мюнхгаузену», стесняться небылиц!

У Гаркави вообще какое-то особое отношение с этим небесным телом. Вот и последнее в его жизни новогоднее представление называлось «Дед Мороз на Луне»... В чём тут дело? Кого спросить? Может её саму? В смысле – Луну? Ведь она, по словам нашего поэта, «многое знает»...

Однако шутки в сторону!

Что-то подсказывает – когда этот весельчак влюблялся (а случалось это регулярно), то всегда переживал это чувство по-юношески бурно и остро. Но жизненный опыт, слава богу, вовремя помогал не попасть в расставленную ловушку...

*Ты стала циничной и грубой.
Грубить хоть сейчас погоди.
Ты хочешь моей стать супругой –
Но что же нас ждёт впереди?
Скандалы? Семейные драмы?
От них я так в жизни устал...
За это, «любимые дамы»,
Я вас и любить перестал!*

(из стихотворения, помеченного февралём 1957 года)

*Я никогда не вижу сны,
Я просто их не понимаю.
Приснится поп ли, три сосны, -
Скажите, разница какая?*

Но у каждого времени года свои законы, и спустя полгода он пусть с неохотой, но написал:

*Ты снилась мне сегодня и вчера.
Я не просил тебя, чтоб ты мне снилась...*

(«Одиночество» 1957 г.)

По-видимому, поэзия носила не только и даже не столько «прикладное» значение для Гаркави. Это были не только актуальное и быстрое сложение рифм «по случаю», прочитанные под «фронтовые сто грамм» на очередном банкете или концерте. Настоящие стихи в жизни «красного шоумена» - были, хотя и сидели в его душе довольно глубоко, прятались в тетради и в отдельных листках, шифровались порой в строчках, разобрать которые под силу разве что опытному графологу.

Немногие современники знали об этой его «слабости».

Порой в его стихах обнажались глубокие шрамы от пережитых когда-то любовных бурь, как, например, в этом, помеченном февралём 1956-го года:

Вы мне позвонили раз после обеда,
И что-то обидное буркнули мне...
И дальше текла наша с Вами беседа
Уж без темперамента, как бы во сне.
Я Вам говорил про плохую погоду,
А Вы мне про алчность московских портных,
И хоть не болтали мы около года,
Но так разговор наш на том и затих.

А жаль... Мы любили когда-то друг друга,
И счастье нас осеняло не раз,
И я не виновен, что Ваша подруга
Сплела про меня некрасивый рассказ.

Но оставаясь испытанным бойцом в этой вечной «войне полов», он доходил порой до вот каких откровений:

Мне кажется, работники искусства
На сцене только могут и любить,
А в жизни самое большое чувство
Умеют, как никто, похоронить!

(«Да, сердце у меня – всё увядает, стынет...» 1952 г.)

Стоит обратить внимание на тот факт, что практически во всех своих обращениях к «прекрасным дамам» Гаркави обращается к ним на Вы – с прописной.

Как поэт он пробовал себя в разных жанрах. В том числе и в шуточных... эпитафиях. Одним из тех, кто испытал на себе подобные эксперименты, был его младший коллега, замечательный пародист Геннадий Дудник. Однажды он получил от своего старшего друга... эпитафию:

Прохожий, стой! Утри глаза,
Смахни слезу, усталый путник!
Под камнем мраморным лежит
Геннадий Дудник!

Не мог он, разумеется, пройти и мимо жанра эпиграммы:

И ты ушла и не придёшь ещё,
Я проводил тебя без возгласа и вздоха...
С тобою мне так было хорошо,
Так хорошо, что стало просто плохо!

Одной даме

Скажу Вам прямо, безо всяческих описок.
Поверьте, что в словах своих я твёрд,

И Вы вошли в мой «донжуанский список»,
Но как последний, завершающий аккорд.

Наиболее ярким доказательством того, что в увлечении стихами Михаила Наумовича скрывалось много «силы», и силы недюжинной, является посвящение 1957 года:

Я приду к тебе, милая, в гости.

Мне не нужен квартирный комфорт.

Знаю я, ты живёшь на погосте,

В слободе, что построил Лефорт!

Знаю, ты из великого рода,

Знаю, что и сама ты – скромна,

Что твой прадед – любимец народа,

Что гордится им наша страна...

Оно посвящено – кому бы вы думали?... Правнучке Достоевского! Полная версия стиха также опубликована в конце книги. Помимо безусловно поэтической удачи: ритм, рифмы, лёгкость слога (возникает сразу же желание прочитать или, может, даже спеть эту вещь со сцены), испытываешь радость от самого факта пересечения жизненных троп Михаила Наумовича с родственницей великого русского писателя.

Что ж... Есенин, Маяковский, Мейерхольд, Мариенгоф, Шершеневич. Галерея выдающихся коллег и современников. Теперь вот и правнучка Достоевского...

Ему действительно везло на встречи.

Артист был чуток к творчеству тогдашних «звёзд» эстрады. Не остался он равнодушным и к возвращению на Родину в 1943 году Александра Николаевича Вертинского. Имеются документальные свидетельства неоднозначного отношения Гаркави к «бананово-лимонному» поэту и артисту.

В «Содокладе о песенке» от 1950 года Михаил Наумович со всем пылом своей советской души нападает на П. Лещенко и А. Вертинского. Он с пафосом утверждал, что «такая песня, как «Пей, моя девочка» не блещет абсолютным смыслом», и поэтому «не на них же нам равняться, товарищи?!» Что это было? Личное мнение ил необходимость сказать то, что хотят услышать «наверху» не только как от авторитетнейшего артиста, но и члена ВКП(б) с 1945 года?

С другой стороны, не принимай он Вертинского, вряд ли бы в рукописях «для себя» он не единожды возвращался к его творчеству.

Внимание Михаила Наумовича, старого дамского угодника, привлекла знаменитая песенка «Без женщин». Публикуем её текст с небольшим сокращением:

Как хорошо без женщин и без фраз,
Без горьких слов и сладких поцелуев,

Без этих милых, слишком честных глаз,
Которые вам лгут, и вас же и ревнуют.

Как хорошо с приятелем вдвоём
Сидеть и пить простой шотландский виски,
И, улыбаясь, вспоминать о том,
Что с этой дамой вы когда-то были близки.

Как хорошо проснуться одному
В своём просторном холостяцком «флете»
И знать, что вам не нужно никому
«Давать отчёты» – никому на свете!

...А чтобы проигрыш немного отыграть,
С его подругою затеять флирт невинный,
И как-нибудь уж там «застраховать»
Простое самолюбие мужчины!

Гаркави парирует:

ЗА ЖЕНЩИН

Ну, что хорошего «без женщин» и «без фраз»?
Как можно жить без сладких поцелуев?
И как нужна нам пара чудных глаз,
Ну, пусть вам лгут и пусть вас и ревнуют!

И не баюкайте себя наивным сном.
Где вы достанете в Москве шотландский виски?
А в ваши лета вспоминать о том,
Что с этой дамой вы «когда-то были близки»?

И чтобы славу славно поддержать,
Создайте вы репертуар «невинный»,
Чтобы для видимости застраховать
«Простое самолюбие мужчины».

В этом стихотворении Гаркави не только демонстрирует своё умение быть ироничным, но и рассказывает о себе. В каждой строчке мы видим его, Гаркави, отношение к «женщинам» и «поцелуям».

Неизвестно, было ли это написано «в стол» или передано лично Вертинскому.

Когда-то весной, в ЦДРИ, на вечере, посвящённому великому шансонье, я имел удовольствие познакомиться с его дочерью Марианной Александровной. Собственно, всё моё знакомство заключалось в том, что в зале она случайно оказалась впереди меня, а когда всё закончилось, я подошёл к ней и подарил свою книжку с экспромтом в её честь. Но вопрос, передавал ли её отцу Михаил Наумович свои стихи или нет, как-то не задал...

А вот ещё один пример «притяжения Вертинского».

Писал наш герой «по-маяковски» - всегда и везде. Среди бойцов и командиров, на чьём-то юбилее... И на больничной койке – тоже.

С годами он оказывался на ней всё чаще, ибо жизнь «эстрадного кочевника» всё больше сказывалась на его здоровье.

Я в больнице простой и ничем не приветливой.
Кроме имени Баумана на парадном крыльце.
Я лежу у окна в пижаме кокетливой
С желтизной на моём чуть измятом лице.

Вот большой коридор, где четыре палаты,
Восемь окон без штор и без орхидей.
Там мелькают врачи белизною халата,
Возвращая к труду сотни тысяч людей.

Такой вот, с позволения сказать, репортаж с больничной койки.

Далее идёт скрупулёзное описание невесёлого быта с тёплым супом, холодной кашей, скукою общей палаты, где «беседы тематики крайне бедны». Вслушайтесь в ритм этого стихотворения и вы услышите: «Я не знаю, кому и зачем это нужно...» - строчку из пронзительной песни Вертинского «То, что я должен сказать». Слегка пародируя оригинал, конференсье живописует как...

...этих резали, этих – ещё будут резать.
Врач им вскроет живот недрожавшей рукой...
Люди курят, пьют чай, люди жаждут обедать,
А поевши, отходят на сон и покой.

И ещё о Вертинском. Красный Шоумен мог как угодно относиться к отдельно взятым песням «русского Пьеро⁴²», но интересно, какими словами, выходя на сцену, конференсье «подавал» его достопочтенной публике?

Знаменитый фотограф Леонид Бабушкин вспоминал в своих «Записках цедрейтора»:

«На сцене выступали звёзды первой величины, и Михаил Наумович принимал их по полной программе: народный артист Советского Союза... лауреат Сталинской премии... Зал вежливо аплодировал. Но вот Гаркави снова на сцене, и уже по его виду понятно, что сейчас будет нечто особенное. Он подходит к микрофону, делает паузу – зал замирает – и совсем просто произносит: «Выступает великий русский артист Александр Вертинский». Шквал рукоплесканий».

В каком случае Гаркави был искренен? Читатель, наверное, помнит, как в главе «Трудящиеся ли эстрадники?» я цитировал фрагменты монографии конференсье «Эстрадный концерт», то место, где он говорит о наиболее талантливых артистах дореволюционного периода, называя имя Вертинского.

⁴² Прозвище «брат Пьеро» Александр Николаевич Вертинский получил в Первую мировую: работая санитаром, он, пришив к белому халату помпоны, развлекал раненых выступлениями.

Сразу вспоминается телевизионная реклама одного моющего средства, в которой герой признаётся, что «за кадром» ... пользуется другим. «То – работа, а то жизнь», - объясняет он неожиданно эволюцию своих вкусов.

В поэтическом архиве Гаркави осталось одно стихотворение, в котором довольно ярко проявилось его умение передавать картину внезапно вспыхнувшего чувства. Известный современникам как блистательный рассказчик в прозе, он доказал, что и говорить стихами умеет ничуть не хуже.

Широкий коридор. Больничные палаты.
Вы шли в свой дальний и холодный кабинет.
Вы были в окровавленном халате -
То операции последней, видно, след.
Я шёл навстречу – Вы мне вдруг сказали:
«Как Ваше горлышко?» - «Спасибо», - говорю.
«Да, Вам пеницилина много дал.
Зайдите, я сейчас Вас осмотрю»
И я вошёл. Надев глазок зеркальный,
Полезли в рот мне и сказали: «Да,
Вам много легче, но Ваш взгляд печальный
Мне говорит, что горло – ерунда!».
Я взял Вас за руку – руки Вы не отняли...
Я обнял Вас... Меня обняли Вы...
И в этой позе долго мы стояли,
Склонив две возбуждённых головы...

А как эта привычка сочинять стихи выручала в годы войны! Можно смело сказать, что знали и любили его все. *«Да и как его можно было не знать и не любить, - писал Ф. Носков в журнале «Советская эстрада и цирк», - когда сотням храбрецов посвятил он свои, пусть не всегда совершенные, но всегда актуальные стихи и с любовью и теплотой читал их с импровизированных сцен однополчанам смущающихся героев».*

Вот он приезжает во главе своей фронтовой бригады в очередную воинскую часть. И тут же задаёт командирам вопросы: «Кто у вас отличился в бою?» - «Сержант Хахаев». «Кого можете выделить из персонала?» - «Медсестру Ирину Выварзину». На концерте, уличив момент, Гаркави выдаёт:

Вы можете Хахаевым гордиться –
В последних отличился он боях.
Убил сержант пятнадцать подлых фрицев,
Вселив в иных уныние и страх!
Десятки бойцов, командиров,
Что ранены были в бою,
Спасла Выварзина Ира,
Прославив Отчизну свою!

О реакции присутствующих на концерте сержанта и медсестры читатель, я думаю, догадается без меня. Каждый из тех, кто находился в этот момент в зале или на поляне, мечтал о том, чтобы и ему были посвящены такие стихи. Это ли не счастье артиста?

Что же до их несовершенства...

На правах автора книги, возьму на себя смелость высказать по этому поводу пару соображений. Я думаю, что у стихов «для печати» и у стихов «по случаю» всё-таки несколько разные критерии. И задачи тоже разные. Первые – новизна мыслей, свежая рифма, рождение нового, неслыханного доселе образа. Вторые – быстрота реакции, чувство ситуации, актуальность, экспромт, и ещё раз – экспромт! Это разные весовые категории, и сравнивать их попросту глупо. Хотя и в написании экспромта (или почти экспромта) возможны именно поэтические победы. Пусть не все произведения, и не всё произведение, а только отдельно взятые четверостишия или даже строки!

Так что причина огрехов и недоработок в текстах у Гаркави, думаю, не в недостатке поэтического дарования, а в том, что у поэта просто не было времени доводить свои тексты до совершенства. 3 февраля 1945 года в ЦДКА им. Фрунзе он открыл смотр фронтовых бригад следующим стихотворением:

Сегодня две наши бригады в работе.
Одна – выступала на море, на флоте.
Другой же знакомы и пушки, и дзоты,
Козачий аллюр и землянки пехоты.
Без фронта - ни жить, ни работать не мыслим:
С боями прошли мы и Днепр, и Вислу.
Желанье одно нам и манит, и греет –
Скорее с войсками форсировать Шпрее⁴³!

Разве ж в нём не чувствуется истинный поэтический «разбег»? И таких, по-настоящему поэтических откровений в его беглом, «ситуативном» стихотворчестве можно найти немало.

Штурмовик не истребитель, -
Это каждый твёрдо знает.
Штурмовик – он лишь штурмует,
Самолётов не сбивает.

«Мессершмитт» один по дури
В хвост спокойно залетает,
Где его Пицхелаури
С пулемётом ожидает.

Пулемёт как застрелочет!
«Мессер» наземь упадёт.
Штурмовик, когда захочет,
Тоже «мессеры» собьёт!

Товарищи, накапливайте силы,
Крепите тем вы Родину свою.
Работайте как Осипов Василий,
И на заводе будьте, как в бою!

Есть в его богатом фронтовом архиве и стихи, посвящённые крупным военачальникам, в частности, маршалам Коневу и Рыбалко.

⁴³ Шпрее – река в Германии

Помню, как-то зимой, во время короткого перерыва в программе Е. Петросяна, проходившей в Московском театре Эстрады, мне посчастливилось побеседовать с этим известным артистом. Петросян застал последние два года работы и жизни Гаркави, и на вопрос о стихотворных экспромтах ответил так:

- Я не думаю, что свои экспромты он сочинял на ходу. Скорее всего, могу предполагать, что это была такая «колодка» в которую подставлялись фамилии. Гаркави приезжал в часть: «Кто у вас провинился? Кто отличился? Кто командир? Кто столовой заведует?» И расставлял по колодке все фамилии. И всё это имело успех. И потом, не забывайте, что Гаркави, будучи образованным человеком, был выходцем школы жанра импровизации, которая была ещё в двадцатых годах. Артисту задавали вопросы, а он - отвечал, импровизировал...

Интересная позиция. Интересна она, прежде всего тем, что... начало цитаты прямо противоположно её финалу: с одной стороны – колодки, с другой – «школа импровизации». А может быть всё-таки что-то одно? Работая над книгой, я перевернул множество клочков, тетрадных листочков, промокашек, канцелярских бумаг со стихами и экспромтами Михаила Наумовича. Это были разного уровня наброски, в основном «по случаю», «к месту», срок жизни которых ограничивался временем их прочтения. Но что-то не попадались мне строфы и рифмы, повторяющиеся то тут, то там. Все или почти все «вирши» Михаила Наумовича имели свой индивидуальный почерк. Поэтому позволю себе сделать вывод, что разговор о «колодках» (заготовках) лишён серьёзного основания. Гаркави, за редким исключением, именно сочинял. «Вдохновляясь порывно и берясь за перо», - как сказал бы Игорь Северянин и радуясь по-детски реакции адресатов. (По себе знаю – удовольствие того стоит!)

Пробовал он себя и в жанре буриме. Вот один из вариантов, сочинённый, по всей видимости, в годы войны.

Пока зелёная ТРАВА,
Пока красуется МОСКВА,
Пока поёт в лесах СВИРЕЛЬ,
Пока стоят и дуб, и ЕЛЬ,
Для москвича большая РАДОСТЬ
Извечная столицы МЛАДОСТЬ.
И всем врагам своим на ГОРЕ
Москву мы любим, как и МОРЕ.

Представляя перед читателем стихи конференсье Михаила Гаркави, я не ставлю перед собою цель явить миру незамеченного в своё время крупного (и не только про комплекции) поэта. Боже сохрани! Автор стихов первым высмеял эту идею, как это умел делать только он!

Я просто считаю своим долгом рассказать и об этой стороне его души.

Последнего из той, из лирической, касты.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«В ЛЮБВИ – НЕ ШУЧУ»

(избранные лирические стихотворения предполагаемого сборника Михаила Гаркави)

Прежде, чем читатель останется один на один с поэтическими опытами Михаила Гаркави и вынесет о них своё суждение – небольшой комментарий. Работая над главой «Я последний из той, из лирической, касты», я вновь обратился за советом к доктору искусствоведения Е.Д. Уваркиной.

Елизавета Дмитриевна как всегда была участлива. К моему желанию поместить в конце книги избранные стихи Гаркави отнеслась с одобрением. В отношении же названия подборки сказала следующее:

- «В любви – не шучу»? Нет, это банально. Так может сказать любой!

Сразу оговорюсь, что её мнение для меня весьма ценно. А несогласие в деталях важнее, чем общие комплименты.

Но вот как раз, пожалуй, тот редкий случай, когда я позволил себе не согласиться с репликой крупнейшего специалиста в области отечественной эстрады. Подумаем вместе.

Кто автор стихов? Конферансье.

Какова отличительная черта его профессии (да и его характера)? Юмор. Шутка. Всегда на сцене. Многократно – в жизни. Шутка как способ идентификации личности человека по фамилии Гаркави.

Всю жизнь он писал стихи. Они очень разные по качеству и содержанию. Сразу, без особого труда, я разделил их на две большие группы: экспромты по случаю и лирику. Отдав должное «актуальности» первых, я отложил их в сторону. Собственно, я не сделал на этой ниве никакого открытия для себя. Задолго до того, как приступил к написанию книги, я знал об этой грани таланта Гаркави.

Но особняком стоят стихи, написанные на рубеже последнего десятилетия. Они помогли мне разглядеть в этом весельчаке удивительно тонкого, часто ранимого, закрытого на десять замков от всех, (включая близких друзей и коллег), поэта-лирика. И это без всяких шуток. Сам он так и пишет в стихотворении 1956 года:

Вот и теплей мне ночная прохлада.

Вместе идём. Ты молчишь – я молчу.

Но надо мною смеяться не надо.

Я же в любви – не шучу.

И это не просто подобранные наспех слова (как частенько бывает в таких случаях у поэтов, и не только у «любителей»). Это принципиальная позиция личности за много лет приучившей окружающих воспринимать себя исключительно как «ходячую остроту» и только!

Так что, название подборки стихов Гаркави не есть моя досужая выдумка как автора книги. Оно концептуально объединяет все лирические стихи моего героя. Следовательно, упрёк в банальности сего названия, как и то, что так сказать может любой. Я не считаю правомочным⁴⁴. Хотя и признаю, что *quotcapita, totsensos*⁴⁵.

Итак, дорогие читатели, перелистаем «сборник» стихов Михаила Гаркави под названием «В любви – не шучу».

В тех стихотворениях, где встречаются неразборчивые или трудночитаемые слова, стоят многоточия.

⁴⁴ Вспомним простые названия сборников признанных поэтов, например А. Ахматова («Вечер»), Е. Евтушенко («Яблоко»). А то и вовсе «Стихотворения», «Лирика», «Стихи и песни» и т.д.

⁴⁵ Сколько голосов, столько умов.

Её стареющее тело
К своим устам сейчас привлёк
Юнец, похожий на Отелло, -
Плохой отец, плохой стрелок.
И счастье легкокрылой птицей
Спустилось на него сейчас.
В мужской любовной веренице
Он будет лишь - калиф на час.

10 апреля 1945 г.

Невольно хочется на жизнь – оглянуться,
Позиции свои пересмотреть.
На что смешное можно улыбнуться,
На грустное – немного присмиреть.

Душа моя всегда горела адом,
Как, видимо, «восток» горел в крови,
И раз в пять лет – уж надо иль не надо,
Но сердце трепетало от любви.

Терялся головы моей рассудок,
Ничто не шло в моё затемнённый ум.
Мир становился сразу страшно узок,
И слышал я лишь свой сердечный шум!

Я понимал, что, может, и не надо...
Что ты ещё ужасно молода...
У моего огромного фасада
Ты потеряешься... Что ты – совсем не та!

Не та, которой надо поклониться,
Что, в общем, ты не та, не та, не ты...
Но ты заставила в себя влюбиться
И повторила все мои мечты!

Ты песня лебединая отныне.
Любовных дел закончен страстный спорт,
И итальянское твоё я повторяю имя,
Как самый сладостный, пленительный аккорд.

1949 г.

Ты врубелевским демоном летала
На фоне ясного погожего денька,
Ты сразу ничего мне не сказала
И покорила тем меня наверняка!

Ты сразу показалась мне знакомой,
Хотя с тобой был вовсе не знаком,
И глаз твоих волнующей истомой
Я был неосторожно покорён!

И дымчатых волос чернеющая грива,
И губ зазывных чувственный излом,
И тонких рук манерная игривость, -
Всё импонировало в образе твоём!

Киргизов историческая удаль,
Голубизны небес широкий водоём
Нас сблизили. Но верьте: Вами Врубель
Был так же, как и я, надолго поражён!

Фрунзе 1952 г.

Прощай, мой «Демон»! До свиданья!
Увижусь ли ещё когда-нибудь с тобой?
Мой возраст уже тянет к увяданью,
Совсем не так, как юный возраст твой.

Мы встретились, когда золотая осень
Одела желтизной деревья и кусты,
Сквозь гроззовые тучи – неба просинь
Лирические вызвала мечты.

Судьба меня не очень-то балует
За эти, за последние года,
И твоего, мой «Демон», поцелуя,
Я не забуду никогда.

Ташкент 1952 г.

Да, сердце у меня всё увядает, стынет,
Уходят прочь и сказки, и мечты.
Я путешествую, мой друг, ещё поныне,
И только иногда мелькаешь ты.

Да и в мечтах ты повторяешься всё реже...
И растворяешься ты где-то вдалеке!
И не скребёт по сердцу прежний скрежет,
Дыханья твоего нет в каждом ветерке...

Другую полюбить? Нет, нет! – довольно боли!
Пора и мне, поверь мне, на покой.
Ещё мне хватит сил, и выдержки, и воли,
Чтоб не затмить тебя другой!

Ну, где же ты, увянувшая роза?
Ну, где же ты, ушедшая мечта?
Ушла поэзия, осталась только проза,
И видно ты, как я, уже не та!

Мне кажется, работники искусства
На сцене только могут и любить,
А в жизни самое большое чувство
Умеют, как никто, похоронить!

1952 г.

Широкий коридор, больничные палаты,
Вы шли в свой дальний и холодный кабинет.
Вы были в окровавленном халате, -
То операции последней видно след.

Я шёл навстречу – Вы мне вдруг сказали:
«Как Ваше горлышко?» - «Спасибо», - говорю.
«Да Вам пеницилина много дали,
Зайдите, я сейчас Вас лично осмотрю».

Я и вошёл. Надев глазок зеркальный,
Полезли в рот мне, и сказали: «Да,
Вам много легче, но Ваш взгляд печальный
Мне говорил, что горло – ерунда!»

Я взял Вас за руку – руки Вы не отняли...
Я обнял Вас... Меня обняли Вы...
И в этой позе долго мы стояли,
Склонив две возбуждённых головы!

Я эту ночь запомню без сомненья,
Мы незаметно перешли на ты...
Да, это было «чудное мгновенье»,
А ты? Ты – «гений чистой красоты»...

Да, это было чудное мгновенье...
Вас вызвали – окончен разговор.
Так иногда приносит вдохновенье
В плохой больнице – длинный коридор.

Ташкент 1952 г.

Мне вчера говорила Луна, -
Она многое знает, поверьте!
Что любимая мною одна,
Что её и люблю я до смерти.
Что она в этот призрачный час
Обо мне только думу имеет.
Вы простите мне этот рассказ,
От него небылицею веет...
Я ответил Луне: «Дорогая,
Я одну только, правда, люблю,
Но вот где же она – я не знаю,
Потому по ночам и не сплю».
А она, улыбнувшись, сказала:
«Ну зачем от меня-то скрывать?
Я её вот недавно видала,
Когда время пришло мне встать».
Ах, вот если бы стать мне Луною!
Если б мог я взойти в небосвод, -
Никогда б не встречался с другою,
Я бы знал, где родная живёт!

Москва, ноябрь, 1952 г.

Счастье не бывает одиноко!
Хорошо, когда на сцене и в быту
Не кидает жизнь тебя жестоко,
А везёт с собою – на борту!
И когда мне счастье улыбнулось,
Верь, я был счастливейший из всех!
Утром ты со мною, милая, проснулась,
Вечером на сцене был большой успех!
Если б так вот повторялось часто,
Если б ежедневно мой кумир,
Баловал, как этой ночью, счастьем,
Радостью я б смог затмить весь мир!
Но, увы, разлуки неизбежны:
Ты уедешь раньше, я потом,
И зима покроет мглою снежной
Мой, без счастья одинокий дом.

1956

Тихо спустилась ночная прохлада.
Вместе идём. Ты молчишь. Я молчу.
Только прошу, улыбаться не надо.
Я же совсем не шучу.

Пусть я тебе не промолвил ни слова –
Разве молчание трудно понять?
Это, по-моему, вовсе не ново –
Молча, без слов, рассказать.

Верь! Тяжело мне надолго разлуку
Переносить без труда.
Вот я беру твою нежную руку,
Чувствую... ты мне ответила «Да!»

Вот и теплей мне ночная прохлада.
Вместе идём. Ты молчишь – я молчу.
Но надо мною смеяться не надо!
Я же в любви – не шучу!

1956 г.

Ты стала циничной и грубой.
Грубить хоть сейчас погоди!
Ты хочешь моей стать супругой,
Но что же нас ждёт впереди?

Скандалы? Семейные драмы?
От них я так в жизни устал...
За это, «любимые дамы»,
Я вас и любить перестал.

О, милая, верь мне, не скрою:
Тебя я любил и люблю.
Но если не будет покоя –
То только себя люблю!

1957 г. апрель-май

ПРАВНУЧКЕ ДОСТОЕВСКОГО

Я приду к тебе, милая, в гости.
Мне не нужен квартирный комфорт.
Знаю я, ты живёшь на погосте,
В слободе, что построил Лефорт.

Знаю, ты из великого рода,
Знаю, что и сама ты скромна.
Что твой прадед – любимей народа.
Что гордится им наша страна.

Есть в тебе грусть-печаль не по летам, -
Это я прочитал по глазам.
И приятно, что осенью этой
Удалось познакомиться нам!

Видели вместе мы Чёрное море,
Даль уходила к чужим берегам.
Я б не хотел, чтоб хоть капельку горя
Встреча с тобой уготовила нам.

Вспомни скамеечку, звёздное небо,
Рвущийся в окна расхлябанный джаз...
И как голодный ждёт корочку хлеба,
Встречи с тобой буду ждать я не раз!

Да! Я приду к тебе, милая в гости:
Пусть неказист на квартире комфорт...
Мы погуляем с тобой на погосте –
В той слободе, что построил Лефорт!

Сочи, октябрь 1958 г.

Я никогда не вижу сны,
Я просто их не понимаю.
Приснится поп иль три сосны, -
Скажите, разница какая?

Не верю и в приметы я:
«Вернуться в дом – пути не будет».
Дела люблю...
И пусть меня
За это судят.

Когда тебя встречаю я,
И встреча лаской не согрета,
То вот тогда-то верю я,
Что это скверная примета!

Не верю я в «тяжёлый день» -
Твердят, что это понедельник.
Поверь, в такую дребедень
Поверить может лишь бездельник!

...И только лишь, поверь, тогда,
Когда тебя не увидаю,
То лезут в голову года,
И всё болит, и я страдаю...

Тогда, когда не знаю, где ты,
И мысли ревностью полны,
Тогда я верю и в приметы,
В тяжёлый день, в плохие сны!

ГРУШИ

(басня)

Растяпа продавец в фруктовом магазине,
Раскладывая груши на витрине,
Случайно перепутал ярлыки, -
Быть может, класть их было не с руки.
С ценою вышею «Дюшес»
Попал на ящик с грушами «лесничка», -
(Кто их у нас по осени не ест).
Лесничка меж плодов всегда была мелка,
Ничем не славилась: ни вид её, ни вкус...
А тут, зазнавшись, даже на арбуз
Смотреть вдруг стала свысока!
Но хоть она всем прожужжала уши,
что, мол, отныне чтить её должны, -
Значенья не прибавилось у груши
От повышения цены!
Иной сидит, сидит в солидном кресле,
Кичится должностью и властвовать привык,
Но, оказалось, был он не на месте,
Не тот привесили ярлык.

НЕОБЫЧАЙНАЯ ДИСКУССИЯ

(фельетон)

Вас удивит, товарищи, наверно,
Что я – москвич, к тому же холостяк –
Однажды в театральной костюмерной
Заночевал... Но это было так.
И в первый раз полуночной порою
Чудесный мир предстал моим глазам -
Я рассмотрел костюмы тех героев,
Которые знакомы с детства нам.
И выпукло, остро, предельно броско
Предстали мне костюмы всех премьер:
Тут был в купецких сюртуках Островский,
В жабо старинном промелькнул Мольер;
За маскою двуликого сатира
Висел костюм лихого ямщика,
А простенький пиджак из пьес Корнейчука
Укрылся за камзолами Шекспира...
Всё, что сейчас у нас на сцене в моде,
Всё было здесь – от кос до куафюр...
Конфликтным платьем потрясал Погодин,
Пестрил костюм двубортный братьев Тур,
Мундир военный и костюм в полоску,
Манто и фрак, и даже манекен
Вещали мне как на десятках сцен –
То вытеснят «Грозу» «Характером московским»,
То «Красный мак» увянет пред «Кармен».
И утомлённый этой интересной,
Но длинной летописью театральных встреч,
Я задремал... Вдруг слышу чью-то речь...
Знакомый голос говорил так гладко,
Почти что пел... Ему внимали все!
Я из-за шлейфа выглянул украдкой –
Ба! Это он – разящий каждой складкой,
С приветливым лицом и колющей подкладкой,
Любимый мной костюм конферансье.
Изящно изогнув свой полный стан поклоном,
Он обращался к платью Дездемоны:
«Дорогая сеньора, как пламенно вас ревновали!
Вас дразнили платком и потом задушили в финале!
Вас Отелло любил глубоко, широко и трагично –
И никто не вопил, что такая любовь нетипична!
В жизни нас ревновали, а вот почему-то на сцене
Нам бояться о чувствах сказать, намекнуть об измене.
В жизни нас пожинаяют и мы попадаемся в сети –
Вот он, плащ Дон Жуана – его и сейчас можно встретить!»
...Сошлись героини десятков комедий и драм –
Безликих, безжизненных, не полюбившихся нам
Ни в Малом, ни МХАТе, ни в Опере и ни в театре Сатиры.
- Прочь, прочь! Безделицы! Не трогать Дездемону!

Ах, вертихвостки вы! Да вас тут тьма! –
Вдруг закричал халат из «Горя от ума»? –
Типичный Фамусов по голосу и тону.
- Вот времечко! Все точно сбились с ног!
Куда ни кинь – идеи, вдохновенье,
И если у тебя высокое давление, -
Готов заранее гроб, помилуй бог!
- Минуточку! – сказал костюм конференсье, -
Вы зря сорвались с вешалки, Халат,
Пусть Вас порой и одевает ретроград,
Вы всё-таки для нас сегодня нетипичны!
И, подхватив Халат под рукава,
Костюм конференсье отнёс его в сторонку...
Тут из угла раздался голос звонкий:
- Позвольте протолкнуться... Виноват!
Нестройный говор... возглас... лёгкий шум...
Смешной и милый клоунский костюм.
Раскланяться с друзьями по искусству:
- Добрый вечер! Здравствуйте! Бобик, не юли!..
Захожу я как-то раз в гастрономический магазин и говорю:
- Отвесьте мне фунт обрезков для моей собачки!
А продавец меня спрашивает:
- Вам завернуть, или Вы тут скушаете?
Смешно? Ну, вот. Я знаю шуток тьму!
И зритель обо мне, поверите ль, тоскует...
Меня ж с работы сняли потому,
Что смех мой, видите ли, не мобилизует!
Мобилизует... Чем? Вот этим колпаком?
Да кто я, клоун или военком?
Костюм конференсье воскликнул: «Вот, потеха!..
Ты жив, коллега? Где ж ты пропадал?
Но клоун с грустной усмешкой отвечал:
«Коллега, что Вы... Вы же мастер смеха!
Поэтому от Вас я шуток не слышал...!
Но разрывая басом сумрак синий,
Как дон Базилио – страшен и угрюм
Костюм клеветника из оперы Россини
Вонзился клеветой в профессорский костюм!
Вас удивит, товарищи, наверно,
Что я, москвич, к тому ж не холостяк,
Однажды в театральной костюмерной
Заночевал... Но это было так.

Москва, май, 1953 г.

...До свиданья! Или нет – прощайте!
Слишком щель меж нами глубока,
Если сможете, то хоть не забывайте
Своего «смешного толстяка»!

Всё кончено! Забыты ласки речи...
Ты стала мне теперь совсем чужой,
И уж не жду, как прежде, новой встречи,
Но я ещё не полюбил другой.

Всё кончено! Как странно всё случилось!
Я так тебя, любимая, любил!
Как в унисон с моим твоё сердечко билось...
Тебя любить – рассудок запретил!

Я не люблю тебя... Как странно слышать это!
Ты не моя и я теперь не твой.
Весна прошла, пройдёт потом и лето,
И осень, верь мне, сменится зимой...

Всё кончено! Забудем друг о друге,
Забудем горести и радости любви...
Ты мне не подошла, любимая, в подруги,
Я потушил огонь в пылающей крови!

ЦАРИЦА ПЛЯЖА

Вы покидаете, царица,
Свой пляж и верных вам людей.
Я думаю, вам будет сниться
Всё это много-много дней.

Как в Сочи Вас короновали,
Клялися в верности своей,
И как Вы важно восседали
Средь верной челяди моей.

Как солнце нежно вас ласкало,
Как море поглощало вас,
Как шторм бывал в четыре балла,
Ахун как заменял Парнас!

Прошу Вас, только не грустите,
Мы вам откроем пляж в Москве,
О нас лишь память сохраните
Вы в королевской голове!

Вы меня просили о стихах?
Лирики Вам, видно, захотелось.
Замотались, что ли, Вы в делах...
Или окружение приелось?
Может, старость тихо подползла?
Кровь уже немного в венах стынет?
Вам я лично не желаю зла,
Я же вас люблю ещё поныне!
Было это много лет назад,
Вы тогда мне радость подарили...
Вы не знали страха и преград...
Вы тогда молоденькою были!
Разлучились мы из-за войны,
Многое в разлуке пережили...
Были вы тогда изящны и стройны
(Вы тогда молоденькою были!)
Много лет хороших и плохих
Пережили с вами на планете!
Разве выложить всё в единый стих,
То, что нами прожито на свете?
Сам я своей старости не рад,
Смерть, как вы, я тоже ненавижу.
Чувствую: последний раз приехал в Ленинград,
Да и Вас в последний раз я вижу!
Только Вас прошу, когда умру,
Вы по мне уж лучше не грустите.
Иногда же вечером иль по утру
Вы мою весёлость помяните!
Как неизбежную опасность!

Ленинград, 1958 г.

Твоих висков седеющую прядь
И глаз твоих прищуренную ясность
Мой мозг не может воспринять
Как неизбежную опасность!

Ты должен сердцу приказать
Не биться медленней, чем прежде!
Ты старость гнал и будешь гнать
В какой бы не было одежде!

Вы мне позвонили раз после обеда,
И что-то обидное буркнули мне...
И дальше текла наша с Вами беседа
Уж без темперамента, как бы во сне.

Я Вам говорил про плохую погоду,
А Вы мне про алчность московских портных,
И хоть не болтали мы около года,
Но так разговор наш на том и затих.

А жаль... Мы любили когда-то друг друга,
И счастье нас осеняло не раз,
И я не виновен, что Ваша подруга
Сплела про меня некрасивый рассказ.

Я Вам говорил, что всё это неверно,
Что сплетня людей разлучает подчас,
Я даже хранил очень долго Вам верность,
Хоть верности я уж не видел от Вас!

И Вы позвонили... Так было обидно
Услышать... желанный звонок,
И я признаюсь, хоть это и стыдно,
Что к счастью тогда я был так недалёк!

Ну что ж, повторяться мы с вами не будем.
«Ту вазу»... я не раз до конца.
Как жаль, что порой бессердечные люди
Легко разбивают чужие сердца.

ПЕСНЯ НА МОТИВ ШЛЯГЕРА
ИЗ РЕПЕРТУАРА К. ШУЛЬЖЕНКО
«ТРИ ВАЛЬСА» (муз. Александра Цфасмана),
СПЕТАЯ ГАРКАВИ НА СВОЁМ 60-ЛЕТНЕМ ЮБИЛЕЕ В ЦДРИ

Помню первый студенческий бал,
Первый платный концерт-карнавал.
Я на зрителя скромно смотрю
И ещё неумело острою:
«Что?... Да! Что?... Нет!
Плохо, что опыта нету...
Итак, начинаем! Дайте свет!
Я не люблю полусвета!

В концерте сегодня куплет злобы дня,
Романсы, балет, мелодрама...
Зачем Вы глядите в бинокль на меня?!
Воображаю, что за панорама...»
А теперь собрались мы в ЦДРИ.
Тут уж ясно – остри – не остри,
Что почили десятки друзей
Мой почти вековой юбилей!

«Что? Нет. Я рад.
Выглядит каждый как может.
Сколько мне стукнуло? Шестьдесят?
Вам я желаю того же.
Нет, это от счастья скатилась слеза,
Ну что вы, какая тут драма?!
Ну, что вы глядите в бинокль на меня?!
Воображаю, какая панорама!»
Навеки запомню я дружбы слова,
Им никогда не забытья.
Ах, как кружится голова!
Как голова кружится!

Не важно, есть ли у тебя исследователи,
А важно, есть ли у тебя последователи.
Е. Евтушенко

Когда сегодня говорят о Гаркави и о тех временах, как о чём-то давно забытом и бесконечно далёком, мне становится и грустно, и смешно. Миллионными тиражами выходят книги, в которых мы узнаём, от чего умер Тутанхамон или то, что правитель, живший пять тысяч лет тому назад, был левшой, страдал мигренью, разговаривал по ночам, заикался и хромотал при ходьбе... Господи, помилуйте! Событиям, о которых я веду рассказ, менее ста лет!

В то же время отдаю себе отчёт, что Гаркави с нами нет уже около полувека, и люди слишком «ленивы и не любопытны», чтобы его имя не покрылось за этот срок тенью забвения! Но, пожалуйста, вот вам более поздние имена: Олег Милявский, Эмиль Радов – светлая им память! Или давно живущий в США Альберт Писаренков! А нынешний гражданин Израиля Марк Ольшеницкий, артист с удивительным шармом, истинный шоумен, которого в москонцертниковской среде не без зависти называли «массовик-затейник»? Я уже не говорю о Льве Павловиче Шимелове – дай Бог ему здоровья!

Беру на себя ответственность утверждать, что все они – выдающиеся конферансье! При этом догадываюсь, что многие мои читатели, возможно, увидев эти имена, пожмут плечами. Меня, конечно, это огорчит, но удивит – вряд ли... Пожимайте на здоровье. Пожатие плеч хорошо разминает мышцы шеи. Раз-два, раз-два...

Не ваша, читателей, вина в том, что названные мною артисты нигде и никем не упоминаются в России, и у «России»⁴⁶ в ближайшее время не ожидается закладка звёзд с их именами. Редчайшее исключение – Борис Брунов. Но он заслужил это право по совокупности с другими видами своей творческой и административной деятельности. Это моё мнение.

Силой своего таланта, Гаркави превращал лоскутное одеяло сборного концерта в единое яркое зрелище – шоу, как сказали бы сейчас. Дело это тяжеленное, и будь я в те годы крупным партийным «папой», я приказал бы конферансье выдавать молоко за вредность, а иным – коньяк за храбрость и умение выкручиваться в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях! Или ещё лучше. Награждать, как награждают в армии – за конкретные заслуги. Сумел выкрутиться – получи премию. Дал красивый отпор «подогретому» зрителю – отмечен в приказе Министерства культуры. Спас положение – путёвка в дом отдыха. Virtuозно связываешь один номер с другим – получи внеочередное звание заслуженного артиста или народного. Но это, как говорится, из области нереального. А наяву....

А наяву тот же Гаркави не имел никакого звания, и единственной его наградой был Орден Отечественной войны 1-й степени.

Не скажу, что мастеров конферанса вообще не запечатлели на киноплёнку. Но я с грустью и болью думаю о тех сотнях её километрах, которые, - увы, - уже никогда не будут сняты. Снимали других. Певцов. Музыкантов. Придворных разговорников. Лучших артистов оперы и балета. Оперетты. Разумеется, корифеев драматического театра. Само собою – кинозвёзд! Но разве среди очень разной публики – от члена Политбюро до лесника в таёжном посёлке не передавали из уст в уста шутки и репризы, мимоходом брошенные конферансье? Не узнавали их на улице? Не ходили на конкретные имена? И вообще: кто, с каким хронометром в руках, бегал за представителями разных видов искусства и фиксировал их творчество: этот обогащает сокровищницу нашей

⁴⁶ «Аллея звёзд» была открыта в 1993 г. на площади у входа в концертный зал «Россия» при одноимённой гостинице. В 2006 году аллею вместе с гостиницей «Россия» демонтировали, теперь на этом месте находится парк «Зарядье».

культуры и должен быть запечатлён. В бронзе и на плёнке, а тот – хорош исключительно для своего времени, стало быть, использовать его и забыть?!

Любопытно было бы остановиться на проблеме выживаемости самой профессии конферансье. Здесь явное не обошлось без тайного. Вот что писал по этому поводу ещё в 60-е годы прошлого века театровед и критик Вадим Гаевский: *«Искусство конферанса принадлежит к тем полумифическим видам творчества, секрет которых всегда, во все времена считается утерянным. Репутация вымершей сопровождает её чуть ли не с первых дней существования»* Парадокс?

Далее автор пишет: *«Настоящий конферансье – человек-невидимка. Всё это делает его жизнь трудной, зато обеспечивает ему благодарную память, как только он перестает выступать на сцене. Ибо в силу обратного действия той же закономерности, каждая из эпох эстрадного театра, даже если в своё время она считалась «жалкой», рано или поздно становится славной, и наш конферансье, в конце концов, получает с избытком то так сильно нуждался, - признание».*

Вашими устами, господин Гаевский, да мёд пить...

Время само, без нашего влияния, делает свой жестокий, но справедливый (всегда ли?) выбор. С этим спорить глупо. Да я и не пытаюсь. Я хотел бы спросить о другом: мы что, так хорошо знаем, что нам делать сегодня, так уверенно смотрим в завтра – чтобы не вспоминать о своём вчера?! Ладно бы устарела, отпала напрочь сама необходимость в человеке, который ведёт концерты и вечера отдыха. Я бы не возникал. Так нет же! Ну-ка попробуйте застать хороших ведущих дома в выходные дни? А в праздничные?! Проблема. Стало быть, необходимость есть. Да ещё какая!

Осмелюсь утверждать: профессия конферансье остаётся одной из самых востребованных эстрадных специальностей. Название, допускаю, не столь непопулярно, как прежде, - но смысл не изменился. Ибо до тех пор, пока существует человеческое сообщество, организации и частные лица будут работать, и, как следствие, отдыхать, отмечать праздники, собираться в компании, «тусовки», веселиться. Следовательно, будут проводиться всевозможные торжества и презентации, юбилеи и вечера отдыха. Известно, что на подобные «праздники жизни» приглашаются часто артисты, работающие в разных жанрах. Всегда (если только программа не идёт нон-стопом) нужен человек, представляющий, связывающий эти номера, следящий за ситуацией в зале, умеющий, если потребуется, мгновенно реагировать на реплики зрителей, чувствующий себя во внештатных ситуациях как рыба в воде. Называйте как угодно этих людей, но то, чем им приходится заниматься на площадке, и есть, как ни крути, функции конферансье. Так что... Тот, кто говорит сегодня, что конферанс умер, обманывает либо себя, либо окружающих.

Но здесь мы сталкиваемся с парадоксом. Профессионалы нужны. Стало быть, профессия остаётся. А где этому учат? У кого брать «уроки мастерства»? В Институте Культуры? Миль пардон! Может, в ГИТИСе – alma mater всех эстрадников? Увы, тишина. Преферансу в наше время научиться значительно легче, чем конферансу. Это уже не просто каламбур. Не сочтите за рекламу, но на спортивном канале промелькнула передача «Преферанс по пятницам».

Ещё одно наблюдение. Видел как-то телевизионную беседу Бориса Ноткина с Олегом Табаковым. За спиной любимого многими артиста – портрет В.И. Немировича-Данченко. Всё понятно, всё на своих местах. Ясно, что для Олега Павловича он – учитель, авторитет. Или, допустим, пригласил я как-то на очередной эфир программы «Кто на новенького?» Александра Потапова – того самого,

который играл вороватого председателя колхоза в фильме «Любить по-русски». Так он мне рассказывал, что, будучи в гостях у Роберта де Ниро, обратил внимание на портрет Михаила Чехова. Хозяин дома с гордостью говорит гостю из России:

- Это мой учитель.

Побывайте в Центральном доме работников искусств в Москве и вы увидите между четвёртым и пятым этажами большой портрет Елены Николаевны Гоголевой – великой драматической актрисы. Чем не пример подрастающим дарованиям?! Загляните в театральное училище при Малом театре, и вы многое узнаете о Михаиле Щепкине – великом русском актёре, чьё имя носит это славное учебное заведение. При жизни Всеволода Мейерхольда артисты его театра обращались к нему не иначе как - Мастер. Слушатели Московской государственной филармонии, заняв свои места в зрительном зале, имеют удовольствие ознакомиться с портретами великих композиторов прошлого.

И так – везде, где дорожат честью и историей своего искусства. Какие ещё чувства всё это может вызвать? Только уважение. А у нас... Угадайте, чьи портреты вешают на стену нынешние шоумены? Родных и близких, - это понятно. Ну, собственные – в обнимку со «звёздами» (для массажа самолюбия). А кто учителя и нынешних «затейников», на чьих успехах и поражениях можно им поучиться? Ответ ускользает. Бесспорный ас в деле юмора, недавно ушедший от нас Буба Касторский (Борис Сичкин) называл героя моей книги «конферансье от Бога». И в то же время он даёт хирургически правильный диагноз самой профессии конферансье, которая «...была когда-то самой сложной и нужной. Однако не престижной. Гаркави до конца своей жизни, будучи одним из лучших конферансье страны, не удостоился чести получить от государства хоть какое-то почётное звание. Мне часто приходилось выступать в гала-концертах и встречаться с народными артистами СССР, которые по своему таланту не должны были быть даже рядовыми артистами, - пишет Сичкин, - не случайно в актёрской среде никто никогда не обращает внимания на звания. Для нас существовал гамбургский счёт. ...Так вот, по профессиональному счёту Михаил Гаркави был ведущим артистом, а многие народные артисты и лауреаты – пустое место».

Вот, кажется, и всё. Я благодарен тем любопытно-терпеливым читателям, кто одолел мой опус до конца. Другой вопрос, сумел ли автор написать исчерпывающий рассказ о своём герое?

Разумеется, он не настолько самоуверен, чтобы ставить перед собой такую задачу. У какого-нибудь честолюбивого театроведа или иного «сыщика с дипломом» есть превосходная возможность «обставить» меня в «основательности суждений» и «научности выводов». Бог ему в помощь!

А ещё лучше (идея!), если бы какое-нибудь крупное издательство выпустило серию книг с рассказами о судьбах выдающихся конферансье. Как бы её назвать? ...Ну, например, «Три К». Что означало бы «Красная Книга Конферанса».

Впрочем... Кому теперь нужны эти «три «к», если в них не будет «трёх «с» - «скандалы, секс, самопиар»?!

Наш герой одним из первых конферансье вышел на арены стадионов, был первым советским Дедом Морозом, научил Страну Советов встречать Новый год с бокалом шампанского в руке, был фельетонистом, мемуаристом, шансонье, поэтом, эстрадным режиссёром, блистательным

массовиком, администратором, артистом кино, собирателем и знатоком живописи... А главное... Если Никита Балиев первым в России разрушил так называемую «четвёртую стену» между артистом и публикой, то Михаил Гаркави через эту стену – перешагнул. И заговорил со своим зрителем запросто – как один из них.

Знаю точно: профессия шоумена не появилась «ниоткуда».

Убеждён: пусть с опозданием, но мы должны восстановить справедливость по отношению к одному из ярчайших представителей эстрадного искусства в нашей стране – Михаилу Наумовичу Гаркави!

Верю: искусство конференса не ушло в никуда и оно обязательно расцветёт в его прежнем значении. Дайте срок!

Спасибо! До свидания! Ваш Андрей Ломакин!

Список используемой литературы

- Адамович Г. «Одиночество и свобода». СПб, 2006
Архив газетных вырезок, собранный сотрудниками государственного училища циркового и эстрадного искусства (ГУЦЭИ).
- Бабушкин Л. «Записки цедрейтора». М.: «Вече», 2000
«Воображаемый концерт», рассказы о мастерах советской эстрады.
- Гиммерверт А. «Оскар Строк» - король и подданный». М.: 2006
- Гафт В. «Сад забытых воспоминаний». М., 1999.
- Дудник Г. «Я встретил Вас...» (записки эстрадного артиста). Журнал «Эстрада и цирк».
- Кузнецов Евг. «Из прошлого советской эстрады». М.: «Искусство», 1958
- Кобзон И. «Как перед Богом». М., 2005
- Миронова М., Менакер А. «...В своём репертуаре». М., 1984.
«Мастера эстрады», Л. – М., 1964
- «Музы в шинелях: советская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны. Документы, тексты, воспоминания». М., 2006
- Некрылова А.Ф. «Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища», 1998
- Петросян Е. «Хочу в артисты». М., 1994
- Райкин А. Серия «Мой XX век».
«Русская советская эстрада» 1930 – 1945. М., 1977.
- Рыкунин Н. «Бенефис на бис». М., 2001
- Романов Р. «Ну и сожгите меня на костре» М., 1996
- Смирнов-Сокольский Н. «Сорок пять лет на эстраде». М., 1976
- Синев Н.М. «В жизни и на эстраде».
- Стронгин В. «Тюрьма и воля Лидии Руслановой», 2009
- Скороходов Г. «Три влечения Клавдии Шульженко». М., 2006
- Сац Н. «Дети приходят в Театр», 1961.
- Сушков М. «Футбольный театр».
- Тихонова Н. «Белая цыганка» М., 2000
- Уварова Е. «Эстрадный театр: миниатюры, обозрения, мюзик-холлы». М., 1983
- Материалы Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). М.Н. Гаркави. Фонд номер 3063.
- Материалы российской государственной библиотеки по искусству.
- Хорт. А. «По жизни - смеясь». Забавные картинки из жизни артистов эстрады – конференсье. М., 2001
- Цифринович М. «Кандидат кукольных наук» (воспоминания).
- Шапировский Э. «Конферанс и конференсье». «Искусство» 1970
«Эстрада без парада» М., 1991
«Энциклопедия мысли». «Реноме», Симферополь, 1996.
«Эстрада в России XX век». Лексикон. М., 2000

